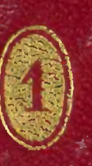

Сергей ЕСЕНИН

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

в семи томах

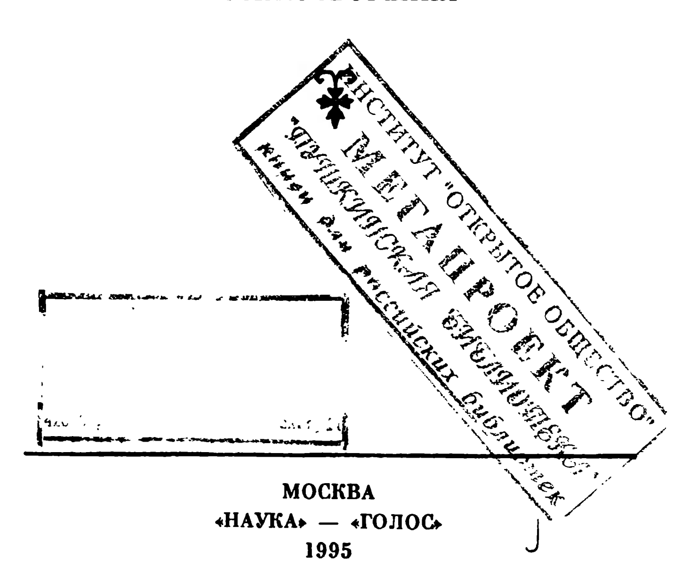
МОСКВА
«НАУКА» — «ГОЛОС»
1995

Сергей ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
«НАУКА» — «ГОЛОС»
1995

ББК 84
Е 81

Печатается по постановлению
Правительства Российской Федерации

Подготовка текстов и комментарии
А.А.КОЗЛОВСКОГО

Научный редактор тома
А.М.УШАКОВ

Оформление художника
Б.А.ЛАВРОВА

Издание осуществляется при участии
СИТП «Наследие» ИМЛИ им. А.М.Горького РАН

Е $\frac{4702010000-137}{042(02)-95}$ подписное

ISBN 5-02-011245-3

ISBN 5-02-011246-1 (т. 1)

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпускаемое Институтом мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук, издательствами «Наука» и «Голос» к 100-летию со дня рождения С.А.Есенина Полное собрание сочинений по своему типу является *академическим* изданием. Обобщая результаты, достигнутые отечественными и зарубежными исследователями в изучении жизни и творчества Есенина, оно дает целостный свод всего выявленного к настоящему времени литературного и эпистолярного наследия великого русского поэта.

В Полное собрание сочинений входят стихотворения и поэмы, художественная и литературно-критическая проза, письма, дарственные надписи, деловые бумаги и т.д. Наряду с законченными произведениями в него включены поэтические наброски, фрагменты неосуществленных произведений, различные записи творческого и делового характера, а также произведения, созданные Есениным в соавторстве. В особых разделах помещены произведения, в отношении которых авторство Есенина вероятно, но установлено не окончательно. В каждом томе даются варианты текстов по всем известным рукописям и авторским публикациям. Читатели впервые получат полный систематизированный свод этих материалов.

Начало изданию своих собраний сочинений положил сам Есенин. В 1922 году в Берлине в издательстве

З.И.Гржебина он выпустил «Собрание стихов и поэм. Том первый». В него была включена значительная часть созданного поэтом к тому времени (второй том не выходил).

После возвращения из зарубежной поездки, в 1923—1924 гг., Есенин неоднократно предпринимал попытки выпустить собрание сочинений. Оно планировалось в двух томах. К двухтомному автор подготовил предисловие. Когда возникло предположение о возможном его выпуске в Госиздате, Есенин писал в октябре 1924 г. Г.А.Бениславской: «...издайте по берлинскому тому с включением «Москвы кабацкой» по порядку и «Рябинового костра». «Возвращение на родину» и «Русь советскую» поставьте после «Исповеди хулигана». «Москва кабацкая» полностью, как есть у Вас, с стихотворением «Грубым дается радость». <...> Разделите все на три отдела: лирика, маленькие поэмы и большие: «Пугачев», «36», «Страна», «Песнь о походе». После «Инонии» вставьте «Иорданскую голубицу». Вот и все. Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо».

Договор с Госиздатом на выпуск «Собрания стихотворений» в трех томах был подписан 30 июня 1925 г. В течение второй половины 1925 года была подготовлена рукопись издания. Прочитать корректуру Есенин не успел, первая партия гранок помечена в типографии днем похорон поэта — 31 декабря 1925 г. Вышли все три тома в 1926 г. После смерти поэта было решено выпустить дополнительный четвертый том. Этот том — «Стихи и проза», составитель И.В.Евдокимов — увидел свет в 1927 году.

На всех этапах осуществления замысла собрания сочинений Есенин сохранял основные принципы его построения. Так, том «Собрания стихов и поэм» 1922 г. отчетливо делился на две части: первую составила лирика, вто-

рую — произведения, которые поэт обычно называл «маленькими поэмами». Еще раньше такое же деление своих произведений на лирику и «маленькие поэмы» Есенин произвел в 1919 г., готовя сборник «Телец». В 1920 г. поэт разделил этот сборник на два — «Руссеянь» (в него вошла лирика) и «Ржаные кони» (он состоял из «маленьких поэм»). Предполагавшееся двухтомное издание 1923—1924 гг. также предусматривалось открыть лирическими стихами, затем должны были идти «маленькие поэмы», за ними — собственно поэмы. В соответствии с этим принципиальным планом было построено и трехтомное «Собрание стихотворений» 1925 года.

Столь же целенаправленно Есенин подходил и к определению последовательности произведений. В сборниках поэт, как правило, объединял стихи в циклы. При переиздании сборников он иногда видоизменял циклы, перестраивал их, но всегда вырабатывал четкий композиционный план книги.

В 1925 году, подготавливая «Собрание стихотворений», Есенин отказался от заголовков циклов, оставив только один — «Персидские мотивы», но при этом в основном сохранил установленный ранее порядок стихотворений, определявшийся структурой того или иного цикла.

Считая, что издание должно охватывать весь его творческий путь, Есенин расширил состав, добавив большую группу ранних стихотворений, но тем не менее в основу «Собрания стихотворений» был положен «берлинский том», затем включены стихи, составившие «Москву кабацкую», вслед за ними — произведения, входившие в сборник «Рябиновый костер» (издан не был), «Персидские мотивы», а также другие стихотворения, созданные после октября 1924 г.

Такой подход к построению «Собрания стихотворений» — отказ от формальной хронологии в расположении произведений и в то же время четкое указание их последовательности внутри томов — явно диктовался композиционными соображениями, которым поэт всегда придавал первостепенное значение.

Есенин рассматривал «Собрание стихотворений» не как издание избранных стихов, а как свод произведений, охватывающий весь пройденный им к тому времени творческий путь. Гибель поэта 28 декабря 1925 г. возвела эту ясно выраженную авторскую волю на уровень последней творческой воли. Учитывая это, в первых трех томах настоящего собрания сочинений воспроизводится композиция и сохраняется состав подготовленного Есениным трехтомного издания. Произведения, не вошедшие в трехтомник, отнесены в последующие тома.

Полное собрание сочинений выпускается в семи томах:

Том 1. Стихотворения.

Том 2. Стихотворения («маленькие поэмы»).

Том 3. Поэмы.

Том 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений».

Том 5. Проза.

Том 6. Письма.

Том 7. Автобиографии, дарственные надписи, фольклорные записи, литературные манифесты и др. Хронологическая канва жизни и творчества С.А.Есенина. Справочные материалы.

Все тексты Есенина даются полностью, без каких-либо пропусков, восстановлены изъятые в прошлом цензурой отдельные строфы и строки. Тексты печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пун-

ктуации, но при сохранении особенностей языка поэта, имеющих смысловое и стилистическое значение.

Даты указываются под текстом каждого произведения. Авторские даты воспроизводятся без скобок. Если авторские даты отсутствуют или имеются документальные данные об их неточности, то под произведением в угловых скобках указываются редакционные даты. В каждом конкретном случае источники датировок приводятся в комментариях, там же при необходимости дается обоснование датировок.

В основу подготовки текстов первых трех томов настоящего издания положен так называемый «наборный экземпляр» — рукопись трех томов «Собрания стихотворений», по которой осуществлялся набор этого издания (хранится в ГЛМ). Произведения, вошедшие в остальные тома, печатаются в последних авторских редакциях по автографам, авторским публикациям или другим источникам; письма и иные сходные материалы — по автографам или же (при их отсутствии либо недоступности для редакции) по копиям и публикациям.

В целях освобождения текстов Есенина от различных искажений они сверялись со всеми известными автографами поэта и авторизованными списками, а также со всеми авторскими публикациями.

Многие стихи, начиная с самых ранних, при жизни Есенина перепечатывались, иногда и без его ведома, в различных периодических изданиях, сборниках, антологиях. Если подобные перепечатки осуществлялись без участия автора, то они в качестве источников текста не учитываются.

В комментариях одновременно с указанием источника, по которому печатается тот или иной текст, сообщается о

внесенных исправлениях и дается их обоснование. Опечатки и описки исправляются без оговорок.

Рукописные или печатные редакции произведений, которые существенно отличаются от окончательного текста по содержанию, композиции, метру или стилистическим признакам, воспроизводятся полностью в разделе «Другие редакции».

В специальные разделы вынесены варианты. Тексты их воспроизводятся в соответствии с теми же принципами, что и основные тексты. Варианты рукописей, имеющих несколько слоев правки, приводятся в той последовательности, в какой шла авторская работа. Необходимые редакционные добавления (напр., предположительная расшифровка поврежденных в рукописях мест и т.п.) даются в угловых скобках. Зачеркнутые автором слова или части слов обозначаются при необходимости квадратными скобками. Расшифровка недописанных слов, если они очевидны и не могли иметь другой формы, не оговаривается.

В своде вариантов не учитываются разночтения орфографического и пунктуационного характера, а также изменения в графике строк и строфике. Не включаются также разночтения печатных источников, возникшие в результате опечаток или неверного прочтения авторских текстов. Случаи редакционных вмешательств в тексты указываются в комментариях.

Справочный аппарат каждого тома состоит из вводной части (преамбулы) и комментариев к каждому произведению. В комментариях приводятся сведения обо всех источниках текста (рукописных и печатных), освещается история создания произведения, отмечаются все известные автографы, приводятся данные о датировке произведений. Существенное внимание уделено прижизненной критике.

Творчество Есенина стало предметом острых споров практически с самых первых шагов его в литературе. Поэт внимательно следил за отзывами. Известна его острая реакция на некоторые выступления. Сохранились две тетради Есенина, куда в течение ряда лет собирались вырезки из газет и журналов. Материал прижизненной критики весьма обширен и уже в силу этого не мог быть полностью охвачен в комментариях, однако существенные и характерные отзывы из числа выявленных приведены. Учитывались не только суждения о творчестве поэта на страницах отечественной печати, но и в изданиях русского зарубежья.

В целях обеспечения научной объективности издания редакция считала своим долгом избегать оценочных суждений в комментариях, предположений и истолкований субъективного характера.

При подготовке издания учитывался опыт предшествующих собраний сочинений. Работа, проведенная составителями, текстологами и комментаторами этих изданий, существенно облегчила подготовку настоящего Полного собрания сочинений.

Редакция приносит глубокую благодарность работникам Российского Государственного архива литературы и искусства, Государственного литературного музея и Государственного музея-заповедника С.А.Есенина, рукописных отделов Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинский дом) и Института мировой литературы Российской Академии наук, оказавшим всемерное содействие в использовании автографов Есенина и других документальных материалов, имеющихся в фондах хранилищ.

Не все материалы даже из тех, о существовании которых сообщалось ранее в печати, оказались доступны редакции. Так, некоторые документальные источники из частных собраний, которые учитывались в предыдущих собраниях сочинений, за прошедшие годы поменяли своих владельцев и ныне местонахождение их неизвестно.

По-прежнему остается неразысканным ряд произведений поэта, существование которых подтверждается документально. Среди них стихотворения «Галки», «Белые скользкие тропы...», ряд писем и др.

Редакция издания просит всех лиц, все архивы, музеи и библиотеки, которые располагают автографами Есенина или другими документальными материалами, связанными с его жизнью и творчеством, оказать ей содействие, прислав копии соответствующих материалов или сообщив о них сведения по адресу: 121069, Москва, Поварская улица, д.25а, Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской академии наук, редакция Полного собрания сочинений С.А.Есенина. Редакция заранее благодарит всех, кто отзовется на эту просьбу.

Стихотворения

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

1911

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра!

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе,
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

* * *

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

1916

* * *

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косынкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет,
То выныряя, то пропав,
Не заворожит, не обмашет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе — в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и познав, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

1916

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

* * *

Матушка в купальницу по лесу ходила,
Босая с подтыками по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.
Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венок из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметами лесной:

На березке пообъедена кора,—
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой,—
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

* * *

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый перезвон.

1914

* * *

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик наумяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

1915

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,—
Я одурманен весной.

Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

1910

* * *

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганые дранки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговок,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

За лещужною сурьмою —
Бабий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

1915

КАЛИКИ

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Исусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску. Идут скоморохи».

1910

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на брусе.
Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.
Где-то мышь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под росою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

* * *

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

1914

* * *

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.

Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.

Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.

<1914—1922>

* * *

Шел Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914

* * *

Не ветры осыпают пущи,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

* * *

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни.
А девчоночки лукавые
Убегали,—догони!

Над зелеными пригорками
Развевалися платки.
По полям бредя с кошелками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остальние деньки.

1914

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Я пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей.
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

Светят зелено в сутёмы
Под росою тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

* * *

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою,
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

* * *

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

1914

* * *

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки,
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю кукольни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой колокольни
Гулкий звон, словно зык чугуна.

Отряхают старухи дулейки,
Вяжут девки косницы до пят.
Из подворья с высокой келейки
На платки их монахи глядят.

На вратах монастырские знаки:
«Упокою грядущих ко мне»,
А в саду разбрехались собаки,
Словно чуя воров на гумне.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы-веретенца
Богомолки идут на канон.

1914

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

* * *

Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядащий:
«Спаси, Господи, люди твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кряжистых сил:
«Еще молимся, братья, о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из горстей,
Стрекотуньи-сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползли облака,
И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

На коне — черной тучице в санках —
Билось пламя-шлея... синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

1914

* * *

Черная, потом пропахшая выть!
Как мне тебя не ласкать, не любить.

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпь камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари,
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали на кукане реки
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.

1914

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слухают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.

1914

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога,
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири,
И горб Уральского хребта.

<1916>

* * *

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты.
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

* * *

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

Июнь 1916

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук.
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

<1916>

* * *

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зеленая из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгинувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленый лист и золото травы.
Тягучий вздох, ныряя звоном тощим,
Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров...
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

<1916>

* * *

Нощь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской сентября!
Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада.
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Тихо, тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
Но тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливая мышь.

<1916—1922>

* * *

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна!

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

<1916—1917>

ГОЛУБЕНЬ

В прозрачном холоде заголубели долы,
Отчетлив стук подкованных копыт,
Трава поблекшая в расстеленные полы
Сбирает медь с обветренных ракит.

С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих нэг.

*

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, ни к битве, ни к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

*

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.

*

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород.
На грядки серые капусты волноватой
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба
И с хруптом мысленно кусаю огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее небо
Выводит облако из стойла под уздцы.

*

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома
Твоя попутная разымчивость в крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

*

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

<1916>

* * *

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

<1917>

* * *

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

<1916>

* * *

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

<1917>

КОРОВА

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце не ласково к шуму,
Мыши скребут в уголке.
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не дали матери сына,
Первая радость не прок.
И на колу под осиной
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом свее,
С той же сыновней судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915

* * *

Под красным вязом крыльцо и двор,
Луна над крышей как злат бугор.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих древ
Бросает звезды — озимый сев.

Взрастает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в глушь.

Я помню время, оно, как звук,
Стучало клювом в древесный сук.

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный шум.

В меже под елью, где облак-тын,
Мне снились реки златых долин.

И слышал дух мой про край холмов,
Где есть рожденье в посеве слов.

<1917>

ТАБУН

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.

С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.

Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой.

Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут новый день.

*

Весенний день звенит над конским ухом
С приветливым желаньем к первым мухам.

Но к вечеру уж кони над лугами
Брыкаются и хлопают ушами.

Все резче звон, прилипший на копытах,
То тонет в воздухе, то виснет на ракитах.

И лишь волна потянется к звезде,
Мелькают мухи пеплом по воде.

*

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.

Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

1915

ПРОПАВШИЙ МЕСЯЦ

Облак, как мышь,
подбежал и взмахнул
В небо огромным хвостом.
Словно яйцо,
расколовшись, скользнул
Месяц за дальним холмом.

Солнышко утром в колодезь озер
Глянуло —
месяца нет...
Свесило ноги оно на бугор,
Кликнуло —
месяца нет.

Клич тот услышал с реки рыболов,
Вздумал старик подшутить.
Отраженье от солнышка
с утренних вод
Стал он руками ловить.

Выловил.
Крепко скрутил бечевой,
Уши коленом примял.
Вылез и тихо на луч золотой
Солнечных век
привязал.

Солнышко к Богу глаза подняло
И сказало:
«Тяжек мой труд!»
И вдруг солнышку
что-то веки свело,
Оглянулося — месяц как тут.

Как белка на ветке, у солнца в глазах
Запрыгала радость...
Но вдруг...
Луч оборвался,
и по скользким холмам
Отраженье скатилось в луг.

Солнышко испугалось...
А старый дед,
Смеясь, грохотал, как гром.
И голубем синим
вечерний свет
Махал ему в рот крылом.

<1917?>

* * *

О товарищах веселых,
О полях посеребренных
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки,
Тихих вод парагуш квелый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожням
Шлет поклон день ласк и вишен.
Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916

* * *

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водопоя
На шишкоперой лебеде
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до рощи,
К твоей родительской избе.

И долго, долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

1916

* * *

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Нелегка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам
К правде сошьего креста
Светом книги Голубиной
Напоить свои уста.

<1915>

* * *

Прощай, родная пуща,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.

1916

* * *

Твой глас незримый, как дым в избе.
Смиренным сердцем молюсь тебе.

Овсяным ликом питаю дух,
Помощник жизни и тихий друг.

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты.

В незримых пашнях растут слова,
Смешалась с думой ковыль-трава.

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук.

Есть радость в душах — топтать твой цвет,
На первом снеге свой видеть след.

Но краше кротость и стихший пыл
Склонивших веки пред звоном крыл.

1916

* * *

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Кто-то дерзкий, непокорный
Позавидовал улыбке.
Вспучил бельма вечер черный,
И луна — как в белой зыбке.

Разыгралась тройка-вьюга,
Брызжет пот, холодный, тёрпкий,
И плакучая лещуга
Лезет к ветру на закорки.

Смерть в потемках точит бритву...
Вон уж плачет Магдалина.
Помяни мою молитву
Тот, кто ходит по долинам.

<1915>

* * *

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,
Не с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

<1917>

* * *

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы-дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

<1917>

ЛИСИЦА

А. М. Ремизову

На раздробленной ноге приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем дыме выстрел,
Колыхалася в глазах лесная топь.
Из кустов косматый ветер взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.

Как желна, над нею мгла металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель пожаром,
На губах — как прелая морковь...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

<1915>

* * *

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет одетый светом
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиренный Миколай.

Монашьи мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

1917

* * *

Гляну в поле, гляну в небо,
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

15 августа 1917

* * *

То не тучи бродят за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь сыну
Колоб.

Всякой снадобью она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью.

Говорила Божья Матерь сыну
Советы:
«Ты не плачь, мой лебеденочек,
Не сетуй.

На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть одну им малую забаву
Надо.

Жутко им меж темных
Перелесиц,
Назвала я этот колоб —
Месяц».

1916

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

* * *

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

1917

* * *

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть.
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Как птицы свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

И мыслил и читал я
По библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих златых коров.

1917

* * *

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917

* * *

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,
Девическая грудь.
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:
«О любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зеленя.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубко,
Сказал под звон ветвей:
„Прощай, моя голубка,
До новых журавлей“».

15 августа 1918

* * *

Я по первому снегу бреду.
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю — то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

1917

* * *

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теплишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы на узду.
Может быть, к вратам Господним
Сам себя я приведу.

1917

* * *

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив златую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1917

* * *

О верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, златая Русь.

Люблю я ропот буйных вод
И на волне звезды сиянье.
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917

* * *

Песни, песни, о чем вы кричите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезды учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И сбирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип».

1917

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом, несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

* * *

Проплясал, проплакал дождь весенний,
Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напевом
Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых
Прозвенит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи,
Вытянет персты.
Близок твой кому-то красный вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет от Брюсова и Блока,
Встормошит других.
Но все так же день взойдет с востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа...
Навсегда твои пригвождены ко древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат.
Или, Или, лама савахфани,—
Отпусти в закат.

<1917>

* * *

О муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол,
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

О мед воспоминаний!
О звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шалый
Его не смоет в нас,
Чтоб звон твоей лампады
Под ветром не погас.

1917

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость,
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

<1920>

* * *

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилица.
Люблю, когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

* * *

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам.
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

<1916>

* * *

О Боже, Боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаря
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит.

1919

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь.
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

* * *

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела
Накаляющий песни гвоздь
И в одежде празднично белой
Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черемух в глазах беречь,
Только в скупости чувства греются,
Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

1918

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915

* * *

Закружилась листва золотая.
В розоватой воде на пруду
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость —
Все любя, ничего не желать?

1918

* * *

Клюеву

Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошел, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

1918

* * *

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветр,
По-осеннему шепчут листья.

1920

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью поутру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.
Словно дьякон, на кобылу гаркнув,
Чтит возница погребальный чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепами маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома — это тоже плоть.
Людоедке-мельнице — зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

Все побои ржи в припек окрасив,
Грубость жнущих сжав в духмяный сок,
Он вкушающим соломенное мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

1921

ХУЛИГАН

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветр,
Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919

* * *

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная груда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

Февраль 1922

* * *

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть...
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи
И легка ей чугунная гать.
Ну да что же! Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты, я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

* * *

Сторона ль ты моя, сторона!
Дождевое, осеннее олово.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Так немного теплей и безбольней.
Посмотри: меж скелетов домов,
Словно мельник, несет колокольня
Медные мешки колоколов.

Если голоден ты — будешь сытым,
Коль несчастен — то весел и рад.
Только лишь не гляди открыто,
Мой земной неизвестный брат.

Как подумал я — так и сделал,
Но увы! Все одно и то ж!
Видно, слишком привыкло тело
Ощущать эту стужу и дрожь.

Ну, да что же! Ведь много прочих,
Не один я в миру живой!
А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой своей головой.

Только сердце под ветхой одеждой
Шепчет мне, посетившему твердь:
«Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть».

1921

* * *

Не ругайтесь! Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

1921

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский, озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1922

* * *

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролёт, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
— Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне Бог.

1922

* * *

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.

Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека.

Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.

Жалко им, что октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.

Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских степях получил.

Нет! таких не подмять, не рассеять!
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!

<1922>

* * *

Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпеж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами,
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника! Сыпь, моя частая!
Пей, выдра! Пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,
Она глупей.

Я средь женщин тебя не первую,
Немало вас,
Но с такой вот, как ты, со стервою
Лишь в первый раз.

Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая... я плачу...
Прости... прости...

<1923>

* * *

Пой же, пой. На проклятой гитаре
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой. Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляну.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый купол.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал.

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Так чего ж мне ее ревновать.
Так чего ж мне болеть такому.
Наша жизнь — простыня да кровать.
Наша жизнь — поцелуй да в омут.

Пой же, пой! В роковом размахе
Этих рук роковая беда.
Только знаешь, пошли их на хер...
Не умру я, мой друг, никогда.

<1923>

* * *

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий,
Годы буйных, безумных сил.
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная морщь,
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный,
Как о ком-то погибшем, живом.
Что он видел, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю.
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родимому краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом.
Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом!

1923

* * *

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли.
Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну и вот — слушаю на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.

И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.
Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем: твой конец близок ли, далек ли.
Синие твои глаза в кабаках промокли».

1924

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,—
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

<1924>

* * *

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервь!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед,—
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращаются в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить без цели,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжко
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве,—
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил,—
Пусть хоть ветер теперь начинает
Под микитки дубасить рожь».

<1923>

* * *

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым,
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дожидаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

1923

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.
Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

1923

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

1923

* * *

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осенье,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923

* * *

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески — в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жесть.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвесть.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвестность
И мечтать по-мальчишески — в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

ПУШКИНУ

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

26 мая 1924

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года.
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

<1924>

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче — юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И как друга введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

31 июля 1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит коноплянник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

* * *

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на досуге...
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как приятная память о друге.

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

1925

СОБАКЕ КАЧАЛОВА

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

1925

* * *

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляну.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли, дальнее эхо ли,—
Все спокойно впивает грудь.
Стой, душа! Мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что сталось в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

* * *

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру,
И мне — чем сгнивать на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

<1925>

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

* * *

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.

Май 1925

* * *

Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только не любимая.

Эх, береза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую как сон
Лишь для той, в кого влюблен,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для Единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и все ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.

2 июля 1925

* * *

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь.
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревёнчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

* * *

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует коноплянник.

Пусть неровные луга
Обо мне поют крапивой,—
Брызжет полночью дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь не́даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом,
Жил и не́ жил бедный странник...
. . . .
В синий вечер над прудом
Прослезится коноплянник.

<1925>

* * *

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

* * *

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку — чтоб с рыбой невода,
Пахарю — чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить,
Там, где омут розовых туманов
Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели.
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то,
Словно кто-то к родине отвык,
И с того, поднявшись над болотом,
В душу плачут чибис и кулик.

12 июля 1925

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

14 июля 1925

* * *

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять петухи кукарекнули
В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млел
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

Август 1925

* * *

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

17 августа 1925

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письмена.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь».

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык.
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклися,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

17 августа 1925

* * *

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет,
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну а если значит — проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

8 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде —
Повторяешь ты юность мою.

Ты мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя?

Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
Вместо ласки и вместо слез
У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо,
Потому и достался не в срок,
Как любовь, как печаль и отрада,
Твой красивый рязанский платок.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек,
Нам с тобой их не счесть никогда.
Сердцу снится душистый горошек,
И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок,
Только помню с далекого дня —
На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабку,
А еще через несколько лет
Из кота того сделали шапку,
А ее износил наш дед.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде
Напевала нам старая мать,
Не жалея о сгибшей надежде,
Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо,
Потому и волнуй и тревожь,
Будто я из родимого дома
Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну а я с такою,
Вот с такою же песней, как ты,
Лишь немного глаза прикрою,
Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой, ведь моя отрада —
Что вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну а я припомню
И не буду забывчиво хмур:
Так приятно и так легко мне
Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко—
Мне за песнею и за вином
Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном.

13 сентября 1925

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь,
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

13 сентября 1925

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоем саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет.
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

1924

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому что я с севера, что ли?

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

1924

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий, синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

* * *

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?
Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1924

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелесть —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

<1925>

* * *

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травою.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом —
И тебя блаженством ошафранит.

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

<1925>

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья,
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабыть о ласковом урусе
И глазах задумчиво простых.
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе,
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

* * *

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом — значит петь раздольно,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки.
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ложе,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до дома:
«Ну и что ж! помру себе бродягой.
На земле и это нам знакомо».

Август 1925

* * *

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

* * *

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана»,—

Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завысив.

«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Говорила: „Русский не заметит..."
Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело...
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела».

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.
. . . .
Но и все ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Август 1925

* * *

Глупое сердце, не бейся.
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участья...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрою укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем.
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду.
Только удел желанный

Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой нальемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.
Глупое сердце, не бейся.

Август 1925

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе, ты и я,
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

* * *

Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
В далеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи,
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложишь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку,—
Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

* * *

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна.
Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.
То, что далось мне, про то и пою.
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться —
Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись,
Слушай, под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел и много я странствовал,
Много любил я и много страдал,
И оттого хулиганил и пьянствовал,
Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

20 сентября 1925

* * *

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим — что такое?
И станцуем вместе под тальянку трое.

3 октября 1925

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

3 октября 1925

* * *

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

4/5 октября 1925

* * *

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

4/5 октября 1925

* * *

Не криви улыбку, руки теребя,—
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

4/5 октября 1925

* * *

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

4/5 октября 1925

* * *

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца, как песок зыбучий.
Вот при такой же луне без слов,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.
Кто меня помнит? Кто позабыл?
Грустно стою я, как странник гонимый,
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей,—
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас,—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

24 сентября 1925

* * *

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил,
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

Взглянет ли женщина с тихой улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка ль проскачет дорогой зыбкой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет,—
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев, над рощей
Свищет ветер, серебряный ветер.

14 октября 1925

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

* * *

Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,—
Я говорю на каждый миг,
Что все на свете повторимо.

Не все ль равно — придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

27 октября 1925

Другие редакции

ГУСЛЯР

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В темных волнах поясок.
На бугре береза-свечка
В ярких перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.
Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.
Уведу тебя под склоны
В шелкопряные поля.
Ой ли гусли-самозвоны,
Псалмопенья ковыля.

ТРОИЦА

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам зычный перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Нонче на закате с Божьего крыльца
Стану к аналою подле молодца.

Батюшкина воля, матушкин приказ,
Горе да кручина повенчают нас.

Ах, развейтесь кудри, обсекись коса,
Без любви погинет девичья краса.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам зычный перезвон.

* * *

Задымился вечер,
Дремлет кот на брусе.
Кто-то помолился:
«Господи Исусе».

Полыхают зори,
Курятся туманы.
Над резным окошком
Занавес багряный.

Вьются паутины
С золотой повети.
Где-то мышь скребется
В затворенной клети...

У лесной поляны —
В свяслах копны хлеба.
Ели, словно копья,
Уперлися в небо.

Закадили дымом
Под росою рощи.
В сердце почивают
Тишина и мощи.

ИНОК

Пойду в скуфейке, светлый инок,
Степной тропой к монастырям;
Сухой кошель из хворостинок
Повешу за плечи к кудрям.
Хочу концы твои измерить,
Родная Русь, я по росе
И в счастье ближнего поверить
На взбороненной полосе.
Иду. В траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари;
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.
Глядя за кольца лычных прясел,
Одной лишь грезой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.
С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.

* * *

Как покладинка лег через ров
Звонкий месяц над синью холмов.
Расплескалася пегая мгла,
Вижу свет голубого крыла.
Снова выплыл из ровных долин
Отчий дом под кустами стремнин.
И обветренный легким дождем,
Конским потом запах чернозем.
Здесь все так же, как было тогда,
Те же реки и те же стада...
Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.
Знаю я, не приснилась судьбе
Песня новая в тихой избе,
И, как прежде, архангельский лик
Веет былью зачитанных книг.
Тихо, тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...
И тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливая мышь.

* * *

Нощь и поле, и крик петухов...
С златной тучки глядит Саваоф.

Расплескалася пегая мгла,
Вижу свет голубого крыла.

Тихо выплыл из ровных долин
Отчий дом под кустами стремнин,

И, обветренный легким дождем,
Конским потом запах чернозем.

Здесь все так же, как было тогда
Те же реки и те же стада.

Только ивы над красным бугром
Обветшалым трясут подолом.

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму
Уж кому-то не петь на холму.

Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.

Тихо, тихо в божничном углу,
Месяц месит кутью на полу...

Но тревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливая мышь.

* * *

Песня, луг, реки затоны,—
Эта жизнь мне только снится.
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок,
В плеске крыльев голубиных.
Сон мой радостен и кроток
На руках твоих невинных.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

* * *

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Ой, легка моя кошница,
А глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы — тесная родня.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы с земляникой,
Очертивши темью даль,
У полей родного лика
Позабыть свою печаль.

* * *

Дождик мокрыми метлами чистит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут
Следы человечьих ног.

Тогда видишь, как клен без оглядки
Выходит к стеклу болот
И клененочек маленький матке
Деревянное вымя сосет.

* * *

Сыпь, гармоника,— скука, скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной!

Излюбили тебя, измызгали
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь синими брызгами,
Или в морду хошь!?

В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон!
До печенок меня замучила
Со всех сторон!

Я с тобою из женщин не с первою —
Много вас!
Но с такою, как ты, стервою
Лишь в первый раз!

Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая,
Пей, выдра, пей!
Мне бы лучше вон ту, сисястую,—
Она глупей.

И чем дальше, тем звонче,
То здесь, то там...
Я с собой не покончу,
Иди к чертям!

К вашей своре собачьей
Пора б простыть!..
Дорогая, я плачу...
Прости, прости!

Варианты

«Поет зима — аукает...»

Журн. «Мирок», М., 1914, № 2, февраль, с. 57:

Заглавие	Воробышки
1—3	Пришла зима морозная, Подула вьюга грозная, Застынула река.

Беловой автограф («Зарянка» — ИРЛИ); детские альманахи «Творчество», кн. I, М.— Пг., 1917, с. 74:

Заглавие	Воробышки

«Под венком лесной ромашки...»

Беловой автограф (местонахождение неизвестно, описан И. В. Евдокимовым — Собр. ст., 4, 321—322); список рукой И. А. Белоусова (РГАЛИ):

Заглавие	Рыбак
16	С хмельнозвончатой волной.

ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13:

Заглавие	Рыбак

Список рукой И. И. Есенина с авторской правкой (ГЛМ):

Заглавие	Рыбак *зачеркнуто.*

«Темна ноченька, не спится...»

Варианты первой редакции:

Факсимиле автографа (сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 233):

14	I	В шелкопряжные поля.
	II	В шелкопряные поля.

Варианты основного текста:
ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13; сб. «Северная звезда», Пг., 1916, № 6, 15 марта, с. 15:

Заглавие Гусляр

Список рукой И. И. Есенина с авторской правкой (ГЛМ):

Заглавие Гусляр *зачеркнуто.*

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Еж. ж., 1915, № 11, ноябрь, стб. 7:

Заглавие Танюша

«За горами, за желтыми долами...»

Еж. ж., 1916, № 4, апрель, стб. 8:

Посвящение Анне Сардановской

Подражанье песне

P_{16}:

Заглавие	*отсутствует.*
2	Колыхалися бусинки в зыбком пруду.
3	Я смотрел из окошка на красный платок
5	Мне хотелось в кулюканье пенистых струй

«Выткался на озере алый свет зари...»

Беловой автограф (РГАЛИ, альбом И. В. Репина); журн. «Млечный Путь», М., 1915, № 3, март, с. 39; Еж. ж., 1915, № 8, август, стб. 4; P_{16}:

После 8:	Не отнимут знахари, не возьмет ведун, Над твоими грезами я ведь сам колдун.
11—12	*отсутствуют.*

«Матушка в купальницу по лесу ходила...»

$Р_{16}$; ОРиР:

9 — Вырос я до зрелости, внук купальной ночи

Вместо 11—14 — Да не любо молодцу счастье наготове,
Выбираю удалью и глаза и брови.

Пусть бы меня хаяли, пусть бы все галдели,—
Не спугнуть соколика на словах и деле.

Как снежинка белая, в просини я таю
Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

Машинопись с авторской правкой (ГЛМ):

11 I — Да совсем мне нелюбо счастье наготове
II — *как в тексте.*

13—14 — *отсутствуют.*

Наб. экз. (машинопись с правкой С. А. Толстой-Есениной):

11 I — Да совсем мне нелюбо счастье наготове
II — *как в тексте.*

13—14 — *первоначально отсутствовали, вписаны от руки С. А. Толстой-Есениной.*

«Зашумели над затоном тростники...»

Журн. «Млечный Путь», М., 1915, № 2, февраль, с. 28:

Заглавие — Кручина

8 — Выживают мыши девку со двора.

«Новый журнал для всех», Пг., 1915, № 4, апрель, с. 34:

Заглавие — Кручина

Посвящение — Сергею Городецкому

8 — Выживают мыши девку со двора.

$Р_{16}$:

Заглавие — Кручина

«Троицыно утро, утренний канон...»

P_{16}:

Заглавие Троица

Между 8 и 9 Нонче на закате с Божьего крыльца
Стану к аналою подле молодца.

Батюшкина воля, матушкин приказ,
Горе да кручина повенчают нас.

Ах, развейтесь кудри, обсекись коса,
Без любви погинет девичья краса.

«Дымом половодье...»

P_{16}:

13 Роща саламаткой

«Сыплет черемуха снегом...»

Еж. ж., 1915, № 6, июнь, стб. 4; P_{16}:

9 Радуют тайные вести

P_{21}:

9—12 Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Песню о гостье чудесной
Я на пригорке пою.

«На плетнях висят баранки...»

P_{16}; ОРиР:

Заглавие Базар

Калики

Беловой автограф (РНБ, ф. А. М. Ремизова):

7 Мимо клячи с поклажами топали
10 Говорили зазорные речи
12 Опоясав веригами плечи.

Журн. «Русская мысль», М.—Пг., 1915, № 7, июль, с. 27; журн. «Северная звезда», Пг., 1915, № 13 [1 декабря], с. 60:

7 Мимо клячи с поклажами топали
10 Говорили зазорные речи
12 Опоясав вериги на плечи.

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Беловой автограф (местонахождение неизвестно, в 1926 г.— в собрании И. В. Репина; описание — Собр. ст., 4, 327):

1—2 Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных.

Беловой автограф (ГЛМ); Бирж. вед., 1915, 25 декабря, № 15290; $Р_{16}$*; сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, с. 77;* $Р_{18}$:

1—2 Край родной! Поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных...

Кроме того, в Бирж. вед.:

Заглавие Край родной

Рус. (корр. отт. Тел. с авторской правкой):

1—2 I Край родной! Поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных.
II Край родной! Туман, как ряса,
Лунный лебедь в водах лонных.
III Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в нивах лонных.
IV *как в тексте.*

«Пойду в скуфье смиренным иноком...»

Варианты первой редакции:

Беловой автограф (частное собрание, Москва; репродукция — Хроника, I, между с. 192 и 193):

5—6 Хочу концы земли измерить
По отуманеной росе.

18 Бреду в другие берега

P_{16}: P_{18}: Рус. (корр. отт. Тел.); P_{21}:

5—6 Хочу концы земли измерить
По отуманенной росе.

14 Одной лишь думой мыслю я

P_{18}: Рус. (корр. отт. Тел.); P_{21}:

Заглавие отсутствует.

Экз. P_{18} с авторской правкой (ИМЛИ):

1 I Пойду в скуфейке, светлый инок
II Пойду в скуфье смиренным иноком

2—4 *зачеркнуты, новый текст не вписан.*

Осень

P_{18}: Рус. (корр. отт. Тел.); P_{21}; $И_{22}$; Б. сит.:

Заглавие отсутствует.

«Не ветры осыпают пущи...»

Беловой автограф (ГЛМ):

1—4 Не с бурным ветром тучи тают —
Ночных небес иконостас.
Рогульки месяца бодают
Позолочёный канифас.

6 На легкозвонных облаках

Беловой автограф ст. 17—20 (ИРЛИ, альбом Ф. Ф. Фидлера):

9 Что в елках крылья херувима

Биржж. вед., 1915, 22 ноября, № 15225:

1—4 Не с бурным ветром тучи тают,—
Их прожигает черный глаз.
Рогульки месяца бодают
Позолочёный канифас.
6 В нерасторжимых облаках
19 Что в елках крылья херувима

P_{16}:

1—4 Не с бурным ветром тучи тают,
Сливаясь с кроткой синевой,
Рогульки месяца ныряют
По перелескам в кудрях хвой.

В хате

ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13:

Заглавие *отсутствует.*
5 Вьется сажа над заслонками
7 А на лавке за солонками

P_{18}; P_{21}; *ОРиР*:

Заглавие *отсутствует.*

«По селу тропинкой кривенькой...»

Журн. «Огонек», Пг., 1915, № 30, 26 июля, с. 1:

Заглавие Рекруты
6 Но последние деньки

P_{16}:

Заглавие Рекруты

Журн. «Красный офицер», М., 1919, № 5, июнь, с. 15:

Заглавие Рекрута
32 Про остатние деньки.

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Бирж. вед., 1915, 14 ноября, № 15209:

8	Кротко чахнут тополя.
10	По церквам твой тихий Спас.
11	И гудит за хороводом

«Я пастух, мои палаты...»

Еж. ж., 1915, № 8, август, стб. 4:

Заглавие	Пастух
9—10	Светят люстрами в сутемы Под росой мне тополя.
15	Духовитые дубравы

P_{16}:

Заглавие	Пастух

«Сторона ль моя, сторонка...»

Н. прил., 1915, № 12, декабрь, стб. 613:

1	Сторона моя, сторонка

«Сохнет стаявшая глина...»

Зн. бор., 1918, 4 мая, № 39:

9—12	Плещут окуни в затоне, И песок краснее меди. Кто-то в солнечном хитоне На осленке рыжем едет.

«Чую радуницу Божью...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

1	Знаю, чую волю Божью
4	Упадаю на траву.
16	Заглушил веселый зык.

«По дороге идут богомолки...»

Беловой автограф (ГЛМ); ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13; $Р_{16}$:

Заглавие Богомолки

«Край ты мой заброшенный...»

$Р_{16}$:

17 Уж не сказ ли в прутнику

«Заглушила засуха засевки...»

Журн. «Летопись», Пг., 1916, № 2, февраль, с. 4:

Заглавие Молебен

«Черная, потом пропахшая выть!..»

Беловой автограф (ГЛМ); Бирж. вед., 1915, 11 октября, № 15141; $Р_{16}$:

Заглавие Выть

Кроме того, Бирж. вед.:

12 Грустную песню поют рыбаки.

$Р_{16}$:

Посвящение Д. В. Философову

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Беловой автограф (РНБ, ф. И. И. Ясинского):

14 Как котенок, лапкой моет рот

«О красном вечере задумалась дорога...»

Беловой автограф (РНБ, ф. И. И. Ясинского):

5 Осенний шелест ласково и кротко

9 Обвив трубу, сверкает по повети

«Нощь и поле, и крик петухов...»

Варианты первой редакции:

Беловой автограф (ИРЛИ, ф. В. С. Миролюбова):

10 Те же реки и та же вода.

15—16 И, как прежде, архангельский стан
Опоясан кольцом таракан.

Беловой автограф (ИРЛИ, ф. М. В. Аверьянова):

5 Тихо выплыл из ровных долин

Варианты второй редакции:

Ск-2, с. 167:

1 Нощь и поле, и звон облаков

Экз. $Г_{20}$ с авторской правкой ст. 2—4 (частное собрание, Москва):

1—4 Нощь и поле, и крик петухов...
Песня грустная, песня без слов.

Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Голубень

Беловой автограф (ИРЛИ, ф. В. С. Миролюбова):

29 I Тянусь к теплу, вдыхаю мякоть хлеба
II Тянусь к теплу, вдыхаю притчу хлеба

Газ. «Земля и воля», Пг., 1917, 30 сентября, № 156:

29 Тянусь к теплу, вдыхаю притчу хлеба

$Г_н$ (вырезка из газ. «Земля и воля» с авторской правкой; ст. 21—24 автограф):

22 I Но ветра нет, есть только звон стремнин.
II *как в тексте.*

24 I Вцепивши руки в исповедь долин.
II *как в тексте.*

29 I Тянусь к теплу, вдыхаю притчу хлеба.
II *как в тексте.*

$И_{22}$; ОРиР; Б. сит.:
30 И с хрустом мысленно кусаю огурцы

$И_{25}$:
30 И с хрупом мысленно кусаю огурцы

Беловой автограф (ИРЛИ, ф. В.С. Миролюбова); $И_{22}$; ОРиР; Б. сит.; $И_{25}$ — стихотворение разделено на части порядковыми номерами, перед строками 1, 9, 17, 25, 33, 41 *соответственно стоят цифры:* 1, 2, 3, 4, 5, 6.

«Колокольчик среброзвонный...»

Рус. (корр. отт. Тел. с авторской правкой):
1—2 I Желтый лист звезды в затоне,
Каждый вечер ты мне снишься.
II *как в тексте.*

«Запели тесаные дроги...»

Бирж. вед., 1916, 17 апреля, № 15503:
9—12 О Русь — луга, леса и поле,
И синь, упавшая в реку.
Люблю до смерти и до боли
Твою озерную тоску.

Еж. ж., 1916, № 7/8, июль—август, стб. 8:
1—4 Сереют избы. Небо бело.
На солнце дремлют тополя.
Опять ты вновь заголубела,
Моя родимая земля.

$Г_н$ (беловой автограф):
17—18 I И не отдам я эти степи,
И не расстанусь с вещим сном
II *как в тексте.*

«Под красным вязом крыльцо и двор...»

$Г_н$ (беловой автограф):

Посвящение		Андрею Белому	*зачеркнуто.*
4	I	Бредет по тучке седой старик.	
	II	Бредет по туче седой старик.	

Табун

$И_{22}$; ОРиР; Б. сит.— стихотворение разделено на части порядковыми номерами, перед строками 1, 9, 17 *соответственно стоят цифры:* 1, 2, 3.

«Весна на радость не похожа...»

$Г_н$ (беловой автограф):

Посвящение	Л. Каннегисеру	*зачеркнуто.*

«Покраснела рябина...»

$Г_{18}$:

9 Край ты, край мой красивый

«Твой глас незримый, как дым в избе...»

Беловой автограф (РНБ, ф. И. И. Ясинского):

2 Овечьим сердцем молюсь тебе.

5 Золою солнца посеян свет

«В лунном кружеве украдкой...»

Бирж. вед., 1915, 13 декабря, № 15267:

13 Смерть в сутемках точит бритву...

Лисица

Бирж. вед.. 1916. 10 января, № 15314; Н., 1917, № 10, 11 марта, с. 156:

Посвящение *отсутствует.*

«О Русь, взмахни крылами...»

Ск-2, с. 178—179; $Г_н$ *(список рукой З. Н. Райх с авторскими пометами)*:

Заглавие Николаю Клюеву

Эпиграф Я верю: под одной звездой
С тобой мы были рождены.
М. Л.

«Разбуди меня завтра рано...»

Газ. «Вечерняя звезда», Пг., 1918, 5 марта, № 25:

20 Молоко твоих тучных коров.

Газ. «Вечерние известия Московского совета...», 1918, 26 сентября, № 58:

12 Над равниной красным хвостом.

«О Матерь Божья...»

Беловой автограф (РГАЛИ, в составе рукописи «Иорданской голубицы»); журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 7, 23 июня, с. 3; газ. «Известия ВЦИК», М., 1918, 22 августа, № 180 (Лит. прил. № 1); $П_{18}$:

1—4 О Матерь Божия,
Спади звездой
На бездорожие,
В овраг глухой.

«Зеленая прическа...»

Черновой автограф (ИМЛИ):*

Посвящение *отсутствует.*

1—4 I О девушка-березка,
Что стынешь на ветру?
II О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Зеленая прическа,
Девическая грудь.

5—8 I Иль
II О чем в вечернем свете
III Что шепчет тебе ветер,
О чем звенит песок,
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?
IV *вся строфа перечеркнута.*

Далее начала строк (из них 1 — 5, 7 — 8, 10 — 11 зачеркнуты):

О подожди
Иль ароматы сена
Иль
О не
О чем ты
И голые колени
Люблю я лунной
Люблю я
Люблю я [лун] легкой тенью

---

* Здесь и далее так отмечена группа черновых и беловых автографов 1917—1919 гг., которые хранились в родном доме поэта и обгорели при одном из пожаров в Константинове. Края рукописей пострадали сильнее, поэтому в некоторых случаях концы или начала строк не читаются вообще или читаются предположительно.

Опархивать
Смыкать
9—12 *край рукописи обгорел; строфа не сохранилась.*
Перед 13 *зачеркнуто*:
О этот
Любил я
17—20 I Он приседал на сено
II И голые
III Луна струила тени,
Рыдал ручей звеня.
За голые колени
Он обнимал меня.
21—24 I Он целовал в бересту
II Он целовал бересту
III Прощай
IV И гладя мне бересту,
Шептал [нежней] под звон ветвей:
Прощай, моя невеста,
До новых журавлей.
*Беловой автограф (ИМЛИ)***:
Посвящение отсутствует.
17—18 I Луна струила тени,
Рыдал ручей звеня.
II Луны струились тени
На луг и зеленя.
III *как в тексте.*
21 И так вздохнувши глубко

** Край этой рукописи также обгорел и не сохранился. Полный текст, в частности варианты строк 17—18 и 21, устанавливаются по фотографии с рукописи, снятой до того, как она обгорела (ИМЛИ).

«Серебристая дорога...»

Черновой автограф (ИМЛИ):*

2 I Ты
II Вьешься ты, бежишь куда
III *как в тексте.*
5—6 I Грусть ты или радость кажешь
Далее зачеркнуто:
За
Что сулит
Иль безумья тмить огонь
Иль безумья тмишь огонь
Или в смерть [введешь] ведешь меня
II Грусть ты или радость теплишь
Иль к безумью правишь бег
7—8 I Помоги любовью вешней
II Помоги мне сердцем вешним
а) Встретить новый
б) Долюбить твой снег
в) Долюбить твой жесткий снег.
10 I [Этот месяц] Ветку вербы на узду
9—12 *вся строфа зачеркнута; затем на полях пометa:* Надо.

«Отвори мне, страж заоблачный...»

Черновой автограф (ИМЛИ):*

1 Отвори мне страж заобл<ачный>
2 I Двер<ь>
II Золотую дверь зари
III *как в тексте.*
Далее зачеркнуто:
Отвязался конь мой
Отвязался конь мой

Я ищу [с утра] от самой полночи
Уве<ли>?
Ветры
Словно воры, ветры полночью
Моего свели коня.

7 I Слышал я, как ржал он жа<лобно>
II Слышу я, как ржет он жа<лобно>

Далее зачеркнуто:

<Зак>усив злату<ю> *край рукописи и нижняя часть листа не сохранились.*

9 I <И отве>тил страж заобл<ачный>
Не поедет
II Вижу как он бьется мечется

Далее зачеркнуто:

Из
От накинутой узды

11—12 I Не с ноги ль подкова
II Не подковы ль это [месяцем]
[светятся]
месяцем
III С золо<той>
IV Вместо
V И подковы ярче месяца
[Светят]
[Засветились из воды]
[Сеют]
[Сыплют гвозди из воды]
VI Я не
VII А подковы ярче месяца
[Сыплют]

[Сеют]
VIII И бросает
IX И летит с него, как с ме<сяца>
Шерсть буланая в <туман>

«Песни, песни, о чем вы кричите?..»

Беловой автограф (ИРЛИ); $П_{18}$; Рус.(корр.отт. Тел. с пометами автора); $П_{21}$; ОРиР; $И_{25}$:

13 Но осенняя синь не лечит.

Беловой автограф (ИРЛИ); беловой автограф ст. 17—20 (РГАЛИ); $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел. с пометами автора):

17—20 Есть несчастие в мире этом,
Хоть отрадно его носить,
То несчастье родиться поэтом
И своих же стихов не любить.

$П_{21}$:

17—20 Есть несчастье в мире этом,
Когда чувства как с крыш воробьи,
То несчастье родиться поэтом
И своих же стихов не любить.

«Вот оно, глупое счастье...»

Беловой автограф (ГАМ, альбом Н. Л. Манухиной):

15 I Глупое, ми<лое>
II Милое, глупое счастье

«Проплясал, проплакал дождь весенний...»

Ск-2, с. 176:

23 Навсегда пригвождены ко древу

«Я последний поэт деревни...»

Беловой автограф (ГЛМ):

Посвящение		Анатолию Мариенгофу	*вписано, зачеркнуто, затем вписано вновь.*
3	I	За последней стою обедней	
	II	*как в тексте.*	

«Душа грустит о небесах...»

Журн. «Жизнь и творчество русской молодежи», М., 1919, № 34/35, 1 июня, с. 5:

Заглавие А. Кусикову

«Устал я жить в родном краю...»

Черновой набросок (частное собрание, Москва; репродукция автографа — журн. «Смена», М., 1965, № 19, октябрь, с. 18):

Прошла любимая пора,
[Весенней радости]
[Поющей радости]
Когда песком казались тучи.
Уже седой судьбы гора
Становится все круче, круче.

Пойду по белым кудрям дня
Ограбить бедное жилище,
И друг мой верный на меня
[Носить свой нож за голенищем]
Засунет нож за голенище.

И та, чье имя берегу

На рукаве своем повешусь.

А Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.
[Никто не выйдет хоронить]

Журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 9, сентябрь, с. 54; газ. «Советская страна», М., 1919, 10 февраля, № 3:

15 И в синий вечер под окном
21—24 Моя оборванная нить
Не смутит тихие озера...
А Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

Песнь о собаке

Беловой автограф (РГАЛИ); газ. «Советская страна», М., 1919, 10 февраля, № 3:

Заглавие Песня о собаке
12 И всех их поклал в мешок.

$Т_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{25}$:

Заглавие Песня о собаке

Сб. «Плавильня слов», М., 1920, [с. 9—10]:

Заглавие *отсутствует.*

Хулиган

Черновой автограф (РГБ):

Заглавие *отсутствует.*
8 I По коленкам марают стволы.
II По коленкам златят стволы.
III По коленкам марают стволы.
11 I Хорошо, когда сумерки слижут
II *как в тексте.*

После 12 Тогда видишь, как клен без оглядки
Выходит к стеклу болот
И клененочек маленький матке
Деревянное вымя сосет.

Строфа первоначально завершала стихотворение, за ней следовала авторская подпись: Сергей Есенин. *Затем в строфе были зачеркнуты: в 1 строке — слова* как клен без оглядки; *вся 3 строка; в 4 строке — слово* Деревянное. *После этого была зачеркнута подпись и перечеркнута вся строфа.*

Вслед за этим шла еще одна строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Так и хочется крикнуть иль свистнуть,
Взбудоражить собачий гам.
Плюйся, ветер, охапками листьев,
Я такой же, как ты, хулиган.

После 16 *зачеркнуто:*

Кто же мог
В
Полюбил я
Сохранил я
Здравствуй, здравствуй, приветный сад.
Близок сердцу степной конокрад
Что
Кувшином молока пролить
Поющий лунный кувшин

17 [Брезжит] Взбрезжи полночь луны кувшин!
18 I Зачерпнуть
II На кто
III Зачерпнуть сре
IV *как в тексте.*

Далее зачеркнуто:

Тянет
И руками кресты задушить
В поле
Расторили руками
Руки
Тянут руками
Сторожит
а) Ловит горло зари придушить
б) Знать, за горло зарю придушил
Словно ловит кого задушить

19—20 I Словно хочет кого задушить
II Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост.

После 20 зачеркнуто:

Эта жуткая муть мне близка
Ах люблю
эта жуткая
Хороша твоя жуткая муть
Как покойники в белом саду

21—24 I Бродит черная жуть по лугам

Далее зачеркнуто:

Злобным вором струит
Как
По-воровьи вползает в сад
глядится
По-воровьи трясет наш сад

II *как в тексте.*

Далее — начала следующей строфы:

Мне ль бояться
Не боюсь
Побратался

кто
Вот бы стал средь
Мне нежным
Спите мирные
Золотистая рожь на
Самому
Мне ночь
Мне бы
Мне бы в ночь в голубой степи
При дороге стоять с кистенем.

25 I Кто видал, когда степь кипит
II Кто видал, как в лесу кипит
III *как в тексте.*
26 I Кипятко<вых>
II Кипяточных черемух рать?
III *как в тексте.*
27—28 I Мне б в
II Всю
III Мне бы в ночь, в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Далее — начала следующей строфы:

Мне
Ах
Не
Ах
Засосал меня песенный плен
[Что]
[Каждый]
Осужден я чесать гребешком
Золотистые строки поэм — *строфа не завершена и оставлена. Далее — вновь начала этой же строфы:*

Словно
На тяжелой цепи волочусь
С тачкой слов по земле волочусь
Каждый
И в полях скачет по ветру рожь
И не брошу, не брошу я петь
И не тягостен этот мне плен
Так и буду [верт<еть>] кружить и вертеть
Жернова
Я на цепь к жерновам привязал — *строфа вновь не завершена, оставлена и далее начата вновь:*
I Ах я сам
II Ах степная родная тропа,
Проглядел
III Ах степная родная трава,
В твой простор расплескал я глаза
И не видел, как в плен я попал — *строки зачеркнуты; далее зачеркнуты новые начала той же строфы:*
Засосал меня плен
Извела меня каторга слов
Песне
Я на каторгу песни попал
29—32 I Ах степные родные стези
Не видать
Засо<сал>
II Ах увял мой ракитовый куст
III Завянь
IV Ты завянь, головы моей куст
V Ах поблек головы моей куст

VI Ах увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен,
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.
34 I Я и в песнях
II Чисть спокойно помет по лугам
III *как в тексте.*
36 I [Он и] Я и в песнях, как ты, хулиган.

Черновой автограф (РГБ); беловой автограф (РГАЛИ); журн. «Знамя», М., 1920, № 5, ноябрь, стб. 35—36; С. Есенин, «Исповедь хулигана», 1921; $И_{22}$; $Ст_{24}$; ОРиР; Б. сит.:

Заглавие *отсутствует.*

«Все живое особой метой...»

$Ст_{24}$:

13 И теперь вот, когда остыла
22 Только новью брызжет мой шаг

«Мир таинственный, мир мой древний...»

Журн. «Культура и жизнь», М., 1922, № 2/3, 15 марта, с. 3—4; журн. «Вещь», Берлин, 1922, № 3, май, с. 9; Гост., 1923, № 2, [с. 3]; М. каб.; $Ст_{24}$:

Заглавие Волчья гибель

Журн. «Культура и жизнь», М., 1922, № 2/3, 15 марта, с. 3—4:

17—18 Пусть для сердца тягуче-колка
Эта песня звериных прав...
31 Но попробует вражеской крови

Гост., 1923, № 2, [с. 3]:

18 Эта песня звериных прав.

М. каб.:

23 Вдруг прыжок... и двуногова недруга

35 Все же песнь отмщенья за гибель

Ст$_{24}$:

8 Я навстречу тебе выхожу.

24 Разрывают на части клыки.

«Сторона ль ты моя, сторона!..»

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие Уезд

1—3 I Сторона ты моя, сторона,
Травяное осеннее олово.
Ты

II Сторона ты моя, сторона,
Дождевое осеннее олов.
В черной луже продрогший фонарь
Отражает безгубую голову.

5—8 I Ну кому ж стары <*слово не дописано*>

II Здесь, на этом разъезде косом

III Нет, уж лучше мне не смотреть,
[Чтобы в<друг>]
Чтобы вдруг не увидеть хужего
И на всю эту ржавую мреть
Лучше щурить глаза и суживать.

IV *как в тексте.*

9—11 I Так мне будет теплей и безбольней
И на голод

II Так немного теплей и безбольней.
Посмотри, сквозь скелеты

III Так немного теплей и безбольней.
Посмотри, меж скелетов домов

15 I Никогда не гляди открыты<м>

II Только ты не гляди открыто
III *как в тексте.*
18 I Но увы, ничего
II *как в тексте.*
19—20 I Ощущают празд
II Ощущает <*1 сл. нрзб.*: поношеное ?> тело
Ту же стужу и ту же дрожь.
III Видно, слишком привыкшее тело
IV *как в тексте.*
23—24 I Оглянусь, а фонарь хохочет
Из лужи безгубым ртом.
II И так страшно фонарь хохочет
Из лужи безгубым ртом.
III И так страшно фонарь хохочет
[Из] Словно в
IV А фонарь то мигнет, то
V А фонарь то мигнет, то захохочет
VI А фонарь то мигнет, то захохочет
Безгубой
VII И стою я, кривясь от корчи,
Черных дум заглушая вой.

Нак., 1922, 21 мая, № 46 (Лит. прил. № 4); Ст$_{24}$:
1 Сторона ты, моя сторона!

М. каб.:
6 Чтобы вдруг не увидеть хужева.

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Кр. новь, 1922, № 2, март—апрель, с. 100:
Посвящение Сергею Клычкову
3 Увяданья золотом охвачен

7—8		**И в страну березового ситца**
		Не заманишь шляться босиком.

«Я обманывать себя не стану...»

Авторизованная машинопись (ГМЗЕ; 13—16 — автограф, 1—12 и 17—28 — машинопись):

24		**Я готов отдать мой лучший галстух.**

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

Авторизованная машинопись (ГМЗЕ):

6	I	Старый пес уж давно издох
	II	*как в тексте.*
21	I	Сердце бьется все чаще, чаще
	II	*как в тексте.*
23	I	Я такой, как вы, пропащий
	II	*как в тексте.*

Журн. «Ленинград», 1924, № 3, 15 февраля, с. 13:

Заглавие	Из цикла «Кабацкая Москва»

Ст₂₄:

26	Старый пес уж давно издох.

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»

Ст. ск.:

9—12	*отсутствуют.*
23	И уж точится удалью новой

М. каб.:

9	Что-то всеми навеки утрачено.
13—16	*отсутствуют.*
21—24	*отсутствуют.*

Ст$_{24}$:

21—24 *отсутствуют.*

Авторизованная машинопись (ГМЗЕ); наб. экз. (машинопись с авторской правкой):

17 I Что-то злое во взглядах безумных
II *как в тексте.*
23 I И уж точится удалью новой
II *как в тексте.*

«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...»

Вырезка из гранок Ст. ск. с авторскими пометами (ИМЛИ):

Посвящение А. Мариенгофу *вписано автором от руки.*

Наб. экз. (машинопись с авторской правкой):

11 I До печенок меня измучила
II *как в тексте.*
22 I То тут, то там.
II *как в тексте.*

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...»

Ст. ск.:

13—16 Пой, Сандро! навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.
Пусть целует она другова,
Изжитая, красивая дрянь.

Вырезка из гранок Ст. ск. с авторской правкой в макете сб. «Москва кабацкая» (РГАЛИ):

13 I Пой, Сандро! навевай мне снова
II *как в тексте.*
16 I Изжитая, красивая дрянь.
II *как в тексте.*

«Эта улица мне знакома...»

Кр. новь, 1923, № 6, октябрь—ноябрь, с. 126:

22 Как о ком-то пропавшем живом.

31 Ближе, ближе к родимому краю

«Годы молодые с забубенной славой...»

Кр. новь, 1924, № 3, апрель—май, с. 134; «Московские поэты. Сборник стихов. 1924 г.», Великий Устюг, 1924, с. 20; Ст$_{24}$:

15 Бью, а кони, как метель, шерсть разносят в хлопья.

Письмо матери

Черновой автограф (РГАЛИ):

В начале рукописи зачеркнуто:

Не буди меня ты нынче рано

Затем вписан заголовок.

1—2 I Ты жива еще моя ста<рушка>

II Дорогая бедная старушка
Прочитай ты горькое письмо

III Дорогая бедная старушка
Прочитай ты нежное письмо

IV Ты жива еще моя старушка?
Жив и я. Привет тебе! Привет.

7 I Что частень<ко>

II *как в тексте.*

9 Что тебе в вечернем синем мраке

11 I Будто я сражен в кабацкой драке

II *как в тексте.*

14 I Это только тягостные сны

II *как в тексте.*

15—16 I Я уже
II Перестал
III Люди
IV Люди лгут, что будто я пропойца
V Не транжир, не мот я, не пропойца
VI Я всего лишь
VII Я не грубиян и не пропойца,
Я хмелею только от весны
VIII Не такой уж горький я пропойца,
Чтобы в глупой ссоре умереть.
IX *как в тексте.*
17 I Я по-прежнему такой же скромный
И ког<да>
II Я по-прежнему такой же милый
III *как в тексте.*
21—24 I Я к тебе
II Я вернусь

И скажу, чтоб ты меня уж больше
Не будила как
III Я вернусь

Только ты меня, моя родиая,
На рассвете больше не буди.
IV Я вернусь

Только ты меня, моя родная,
На рассветах больше не буди.
V Я вернусь

Только ты уж больше на рассвете
Не буди меня

	VI	Я вернусь
		Только ты меня уж на рассвете
		Не буди, как десять лст назад.
	VII	Я вернусь
		Только ты меня уж на рассвете
		Не буди, как восемь лет назад.
	VIII	*как в тексте.*
26	I	И того, что сгасло, не буди
	II	Не буди, что в жизни не сбылось
	III	*как в тексте.*
27—28	I	Обманула
	II	Слишком раннюю утрату и усталость
		Испытать мне в мире привелось.
	III	Не тревожь обиды и
	IV	Исцели мне раннюю усталость
		И ту боль, что выпить привелось
	V	Исцели мнс раннюю усталость
		И ту боль, что выжить привелось
	VI	*как в тексте.*
32	I	Мне
	II	*как в тексте.*
36	I	В старомодном старом шушуне.
	II	*как в тексте.*

«Я усталым таким еще не был...»

Первоначальная редакция, черновой автограф (РГАЛИ):

Я усталым таким еще не был
...*

---

* Так в автографе.

Что твой взор голубее, чем небо,
Для меня навсегда погас.
Много женщин меня любило
Да и сам я любил не одну.
[И] Привила мне мятежная сила
Стра<сть> к вину.

И
Бесконечные пьяные ночи
И игривая легкость [удач] побед.
Не с того ли глаза мои точит
Словно синие листья червь.

Не больна мне [тво<я>] ничья измена
И не трогает легкость побед.
И волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращаются в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Но не жаль мне прошедшие годы,
Не хочу, что утратил, вернуть.

Я устал себя мучить без цели
И [с улыбкою] со странной улыбкой лица
Полюбил ощущать в крепком теле
Тихий свет и покой мертвеца.

И
Заходить в город
Как в смирительную рубашку
Здесь природа взята в бетон.

I И меня вот по тем же законам,
Умиряя мой бешеный пыл
II И во мне вот по тем же законам
Умирился мой бешеный пыл
III И во мне вот по тем же законам
Умиряется бешеный пыл,
Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом,
[Где я прыгал <?>]
Где резвился на желтой траве,
Шлю привет воробьям и воронам
И рыдающей в ночь сове.

«Этой грусти теперь не рассыпать...»

Черновой автограф (РГАЛИ):
Заглавие **Ужели**
В начале рукописи — строки, не вошедшие в текст:
[Я так много]
Где ты, нежная девушка в белом
[Что калит<ку>]
Ранних лет моих [радость и] радостный свет.
1—2 I Этой грусти теперь не развеять
Звонким смехом далекой поры.
II *как в тексте.*
5—8 I Сколько было в душе посланий,
Сколько нежных берег я чувств,
А теперь в этом
Снова по
II *как в тексте.*

После 8 *зачеркнуто*:

I А знакомая песня, что раньше

II И знакомые песни, что раньше
Волновали до

III И знакомые песни, что раньше
Мне казались

IV И знакомая песня, что раньше
Волновала меня и звала

Далее зачеркнуты начала строк:

Но не волну
Нынче к
Без ра

9 I И по комнате милой и
II И знакомые взору равнины
III *как в тексте.*

11 I Облака
II Буераки, пеньки, косогоры

12 I Не обрадуют
II *как в тексте.*

14 I Человек ли дер
II *как в тексте.*

17 I Ну кому же, кому не мило
II *как в тексте.*

18 I Плач овец и вдали на ветру
II *как в тексте.*

22 I Это все, отчего на Руси
II *как в тексте.*

23 I Пьют и плачут, шумя непогодиной
II *как в тексте.*

После 24 *зачеркнуто*:

I Это все, что от юности нашей
Заставляет нас

II Это все, что от юности нашей
Заставляет томиться
III Это все, что от юности нашей
Отравляет нас
25 I Оттого мне
II Оттого никогда не рассыпать
III Оттого никому не рассыпать

Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 3, с. 74:
25 Оттого никому не рассыпать

Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217:
14 Некрасивая русская гладь.

Вырезка из Бак. раб. с авторской правкой (РГАЛИ):
I Некрасивая русская гладь.
II *как в тексте.*

«Заметался пожар голубой...»

Черновой набросок (РГАЛИ):

Миклашевская
В первый раз я пою о любви
В первый раз
[Перв<ый>]
[Ты пожати<я>]

Лучше б было кутить и пьянствовать
Чем [болея]
знать
[С шарлата<ном>]
[Где ты делос<ь>]
[Что ты тронутая]
[Ты пожалу<й?>]

Я лишился покоя трезвого,
Перестал посещать кабаки,
I Что-то острое женщина врезала
II Что-то жуткое в сердце врезала
Эта женщина
III Что-то жуткое в сердце врезалось
От пожатья твоей руки.

В первый раз я пишу про любовь,
В первый раз зарекаюсь скандалить.
[И пожалу<й?>]

Отдельно, на обороте этого же листа:
От [простого] пожатья твоей руки
[Нынче можно Есенина чествовать]

Беловой автограф (РГАЛИ):
Заглавие Любовь хулигана
Посвящение Августе Миклашевской
Судя по редакционным пометам на автографе, заголовок и посвящение были общими для этого стихотворения и следовавшего за ним в данной рукописи стихотворения «Ты такая ж простая, как все...».

«Ты такая ж простая, как все...»

Беловой автограф (РГБ):
4 Знаешь ты холод осени синий.
6 И по-глупому мысли занял
17 Я не нищий, не жалок, не мал
19 I Рано нравиться я понимал
II *как в тексте.*
26 Словно листья, в глаза косые

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. Н.С.Ашукина):
4 Знаешь ты холод осени синий.

17	I	**Я не нищий, ни жалок, ни мал**
	II	**Я не нищий, не жалок, не мал**
	III	**Я не нищий, ни жалок, ни мал**

Кр. нива, 1923, № 41, 14 октября, с. 19:

4		Знаешь ты холод осени синий.
17		Я ни нищий, ни жалок, ни мал

Ст$_{24}$:

4		Знаешь ты холод осени синий.

«Дорогая, сядем рядом...»

Черновой автограф (местонахождение неизвестно, в 1962 г.— в собрании К. Л. Зелинского):

1	I	Отчего же ты така<я>
	II	Вот чего невеселая
	III	*как в тексте.*
6	I	И эта
	II	Осыпь буйных дум и леса
	III	Эта прядь волос [твоих] белесых
8	I	Забулдыжного повесы
	II	*как в тексте.*
После 16		Дорогая, сядем ближе.
		Я скажу тебе
19	I	Лапами
	II	*как в тексте.*
22	I	На кладби<ще>
	II	*как в тексте.*
25	I	Что и мы, отжив сомненья
	II	*как в тексте.*
27	I	Все, что *<1 сл. нрзб.>* по дороге
	II	*как в тексте.*

29—30	I	**Дорогая, сядьте ближе,**
		Грейте грудью и руками
	II	*как в тексте.*
31—32		*отсутствуют.*

Кр. новь, 1923, № 7, декабрь, с. 128; Ст$_{24}$:

14	**Вспоминало пруд и лето**

В журнале Кр. новь вместе со стихотворением «Пускай ты выпита другим...» под общим заглавием «Любовь хулигана» и общим посвящением «Августе Миклашевской».

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

7	I	**И словно дождик моросит**
	II	*как в тексте.*

Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 2, с. 49:

9	**Но что ж! Я не боюсь его,—**
19—20	**Как кладбище, усеян сад —**
	Берез изглоданные кости.

В журн. вместе со стихотворением «Ты прохладой меня не мучай...» под общим заглавием «Любовь хулигана».

«Ты прохладой меня не мучай...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

Посвящение	Августе Миклашевской
20	**А твое не успело расцвесть.**
31	**Что не высказать сердцу словом**

Посвящение общее для этого и следующего за ним в автографе стихотворения «Вечер черные брови насопил...».

Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 2, с. 50:

5	**Были годы, когда из предместья**
16	**Как заборная надпись и дрянь.**

17—20 И любовь... Не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы — как жесть.
Знаю: чувство мое перезрело,
А твое не умеет расцвесть.

«Мы теперь уходим понемногу...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие Ровесникам

2 I С праздника
II В ту страну, где больше жизни нет
III В ту страну, где нет
IV *как в тексте.*

5—8 I Милая любим<ая>
II Милые березовые пущи,
Я не в силах скрыть моей тоски.
Расставаясь с радостью певущей
III Милые березовые пущи,
Я не в силах скрыть моей тоски.
Расставаясь с радостью поющей
IV Милые березовые чащи,
Ты, земля, и вы, равнин пески,
И чернея
V Милые березовые чащи,
Ты, земля, и вы, равнин пески,
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

9—12 I Слишком я любил тебя земная
II Слишком я любил на этом свете
Все, что пахло кровью и травой,
Что

III Слишком я любил на этом свете
Все, что пахло плотью и травой,
Целовал я на осине ветви
IV Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

После 12 *зачеркнуто*:
I Ел ли пищу я иль пил из [белой] кружки
Чай китайский, я вдыхал ту мощь.
Нравилось мне думать на подушке,
Когда в стекла барабанит дождь.
II Ел ли пищу я иль пил из кружки
Чай китайский, я вдыхал ту мощь,
Что дает блаженство на подушке,
Когда в стекла барабанит дождь.
III Ел ли пищу я иль пил из кружки
Чай китайский, я вдыхал ту мощь,
Что давало думать на подушке,
Когда в стекла барабанил дождь.
13—14 I Много дум я на
II Много дум я в тишине продумал,
Много песен в голове сложил
III *как в тексте.*
15—16 I Но милей
II О тебе, моей стране угрюмой
III Но милей
IV На тебе, земле моей угрюмой,
Все ж я рад
V На тебе, земле моей угрюмой,
Счастлив я, чт<о>

VI На тебе, земле моей угрюмой,
Счастлив тем, что я дышал и жил.
VII И на этой, на земле угрюмой,
Счастлив тем, что я дышал и жил.
После 20 I Я прошел, как нежное
II Бот за эту
III Знаю не
IV Знаю я на
V Вот за эту
VI Я скажу прощальное спасибо
Этим
VII Я скажу прощальное спасибо
Нашим
VIII Знаю я, что в той стране не будет
Этих пастбищ, гречи и озер
IX Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле,
Оттого мне дороги все люди,
Что ласк<ают>
X Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле,
Оттого мне дороги все люди,
Что живут со мною на земле.

После этой строфы, ставшей в окончательной редакции завершающей, на полях вписаны еще две строфы, одна из которых не вошла в окончательную редакцию, а другая встала перед заключительной строфой:

I Оттого земле моей любимой
Я готов бестрепетно сказать
II Оттого земле моей любимой
Говорю я в розовом
III Оттого земле моей любимой
Я слагаю

IV Оттого к земле моей с тоскою
Тысчу раз готов я припадать,
Что из лона той страны
V Оттого к земле моей с тоскою
Тысчу раз готов я припадать,
Что из лона вечного покоя
Никогда ее не увидать.
21—24 I Знаю я, что не цветут там чащи,
Не шуршат там желтые пески,
Оттого пред сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.
II Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит равнинная ковыль,
Оттого пред сонмом уходящих
III Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит ни греча, ни
Оттого пред сонмом уходящих
IV *как в тексте.*

Кр. новь, 1924, № 4, июнь—июль, с. 128; Ст₂₄:
Заглавие Памяти Ширяевца

Пушкину

Беловой автограф (ИМЛИ); Ст₂₄; сб. «Пушкинский альманах», М., 1926:
Заглавие К Пушкину
19 Чтоб и мое глухое пенье

Кроме того, в беловом автографе (ИМЛИ):
Подзаголовок (экспромт)

Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217:
19 Чтобы мое степное пенье

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1 I Тихий домик
II Низкий дом с расписными ставнями
2—4 I Громкий лай
II Так и кажутся мне недавними
III Завыванье грустливого пса
IV Полинялые
V Как тебя мне забыть и не петь.
Так и кажутся мне недавними
VI *как в тексте.*
5 До сегодня [поет и] еще мне снится
6 [Твой] Наше поле, луга и лес
После 12 I Как же я не хотел не любить
II Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

На полях авторская помета ко всей строфе: Перенести с *указанием переноса после пятой строфы.*

13 I Полюбил я твоих журавлей
II Полюбил я родных журавлей
III *как в тексте.*
14 I С их курлыканьем в синие дали
II *как в тексте.*
17 I Не видали их так же, как все
III *как в тексте.*
18 I Да ракитник сухой
II Да ракитник кривой и колючий
III Да ракитник кривой и корявый
IV *как в тексте.*

После 20 I Эх ты, родина, как не грустить,
Если [знаешь] знать никогда не случится
Чтоб я мог разлюбить эту выть
Под поношенным сереньким ситцем.
II Как же тут не жалеть, не грустить,
Если знать, что ввек не случится,
Чтоб я мог разлюбить эту выть
Под изношенным сереньким ситцем.

Строфа автором зачеркнута, сделана также помета о переносе на ее место строфы, шедшей первоначально после 12 строки. Затем зачеркнуты начала следующей строфы:

I Да и как же суметь не рыдать
По
II Как не петь под ве<селый>
III Знать и мне под щегловый звон
Сужд<ено>
IV Как не пить и не брызгать тоской,
Если знаешь, что

26 I Прошу<мели?>
II *как в тексте.*

27 I Низкий дом с голубыми
II Низкий дом с расписными ставнями

Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 3, с. 75:

1 Низкий дом с расписными ставнями
16 Они сытых хлебов не видали.
27 Низкий дом с расписными ставнями

Бак. раб., 1924, 26 сентября, № 218:

5 До сегодня почти мне снится
16 Они сытых хлебов не видали.

Перс. мот.:

27 Низкий дом с расписными ставнями

Наб. экз. (машинопись с авторской правкой):

1	I	Низкий дом с расписными ставнями
	II	*как в тексте.*
27	I	Низкий дом с расписными ставнями
	II	*как в тексте.*

Сукин сын

Факсимиле автографа ст. 33—36 («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 31 декабря, № 316):

34		И, как брата, введу тебя в дом.
35—36	I	Мне припомнилась девушка в белом, Потому что
	II	*как в тексте.*

Авторизованный список рукой В. И. Эрлиха (РНБ, ф. П. Н. Медведева):

34		И, как брата, введу тебя в дом

Бак. раб., 1924, 23 сентября, № 215:

27		С этой боли я будто моложе

Журн. «Новый мир», М., 1925, № 3, март, с. 79:

Заглавие		*отсутствует.*

Наб. экз. (машинопись с авторскими пометами):

36		[А] Но теперь я люблю в голубом.

«Отговорила роща золотая...»

Черновой автограф (местонахождение неизвестно, в 1926 г.— в собрании Е. А. Есениной; фотокопия — РГАЛИ; репродукция — Собр. ст., 3):

6		Пройдет — зайдет и вновь покинет дом
11	I	Так много было
	II	Я не хотел бы радости веселой

III *как в тексте.*

13—14 I Не жаль мне юности, растраченной напрасно,

Не жаль друзей и ветреных подруг

II Не жаль мне юности, растраченной напрасно,

Не жаль друзей, изменчивых подруг

III *как в тексте.*

15 I Холод

II На холоде горит костер рябины красной

III *как в тексте.*

20 I Так я роняю милые слова

II Так я роняю зрелые слова

22 Сберет их все в один ненужный ком

24 I Еще зазвонит новым языком

II Не говорит веселым языком

III Отговорила нежным языком

IV *как в тексте.*

Беловой автограф (ИМЛИ); Кр. новь, 1924, № 6, октябрь—ноябрь, с. 132:

5—6 Кого жалеть? ведь каждый странник

Пройдет — зайдет и вновь покинет дом.

Перс. мот.:

6 Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.

«Синий май. Заревая теплынь...»

Бак. раб., 1925, 19 мая, № 110; Кр. новь, 1925, № 6, июль—август, с. 112:

21—22 Принимаю и дали и близь,

В чем есть грусть, в чем есть боль и отрада...

Наб. экз. (машинопись с авторской правкой):

21—22 I Принимаю и дали и близь,

В чем есть грусть, в чем есть боль и отрада...

II *как в тексте.*

Собаке Качалова

Черновой автограф (РГАЛИ):

Заглавие	I	Джим
	II	Собаке Качалова
После 9 зачеркнуто:		
		Пойми со мной хоть самое простое
10	I	Хозяин твой и ласков и хорош
	II	*как в тексте.*
11	I	И у него гостей бывает много в доме
	II	*как в тексте.*
15	I	С тобой приятно даже целоваться
	II	*как в тексте.*
16	I	И нико<го>
	II	Без позволения
	III	*как в тексте.*
19	I	Много всяких и невсяких было
	II	*как в тексте.*
20—21	I	Та, которая всех мягче и грустней
	II	Но скажи мне — та, что всех грустней, Никогда сюда не заходила?
	III	Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда ни с кем
	IV	*как в тексте.*

Беловой автограф (ГЛМ):

4		На эту тихую бесшумную погоду
5		*отсутствует.*
18		Мой милый [друг] Джим: среди твоих гостей

«Несказанное, синее, нежное...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1	I	Ну и что же зима бесснежная

	II	Несказанное светло<е>
	III	*как в тексте.*

После 8 *зачеркнуто*:

		Кучер, кучер, какой отваго<ю>
10	I	И в дали голубой
	II	И пропали в незримую ясь
	III	*как в тексте.*
11	I	Я смотрю
	II	*как в тексте.*
13—14	I	Я спокоен
	II	Колокольчик ли, дальнее эхо ли Все спокойно впивает душа
	III	Колокольчик ли, дальнее эхо ли Все спокойно впивает грудь
15	I	Но зато как
	II	Стой, душа, мы с тобой проехали
19	I	Всем простим, где нас горько обидели
	II	*как в тексте.*
23	I	Ничего я от жизни не требовал
	II	*как в тексте.*
25	I	Но и дуб молодой, не разжелудясь
	II	*как в тексте.*
26	I	Пригибается, как трава
	II	Так же зыблется, как трава
27	I	Эх ты молодость, молодость, молодость
	II	*как в тексте.*
28	I	Знать уж доля такая твоя
	II	Знать уж доля твоя такова
	III	Золотая твоя голова
	IV	Золотая сорвиголова

Беловой автограф (собрание М. С. Лесмана, хранится у Н. Г. Князевой, Санкт-Петербург); Бак. раб., 1925, 7 апреля, № 77:

5—8 Было время шальное и смелое,
Но ни в чем я его не кляну,—
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась на всю страну.

14 Все впивает спокойная грудь.

21—24 *отсутствуют.*

Песня

Беловой автограф (РГАЛИ):

3 Жила — забубенная, жила — ножевая

После 6 *зачеркнуто*:

Лейся песня трельная! Вылей трель уны<лую>

9 I Лейся песня трельная. Вылей трель унылую
II Лейся песня звонкая. Вылей трель унылую

23 Жила — забубенная, жила — ножевая

Бак. раб., 1925, 17 мая, № 108; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 23:

3, 23 Жила — забубенная, жила — ножевая

Наб. экз. (вырезка из Кр. нови с авторской правкой):

3 I Жила — забубенная, жила — ножевая
II Цвела — забубенная, была — ножевая
III *как в тексте.*

23 I Жила — забубенная, жила — ножевая
II Цвела — забубенная, росла — ножевая
III *как в тексте.*

«Заря окликает другую...»

Беловой автограф (собрание М. С. Лесмана, хранится у Н. Г Князевой, Санкт-Петербург):

5	I	Ты прежде ходя на пригорок
	II	*как в тексте.*
10	I	С обидой и грустью большой
	II	*как в тексте.*
22	I	Пора уж тебе подсмотреть
	II	И время ведь подсмотреть
	III	*как в тексте.*
27	I	Чем гнить и качаться на ветках
	II	*как в тексте.*

«Ну, целуй меня, целуй...»

Беловой автограф (собрание М. С. Лесмана, хранится у Н. Г. Князевой, Санкт-Петербург):

15		Может, смерть мою почуял
17	I	Увядающие силы,
	II	Увядающая сила,
19	I	Но до смерти губы милой
	II	*как в тексте.*

Бак. раб., 1925, 19 мая, № 110:

15	Может, смерть мою почуял

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»

Бак. раб., 1925, 25 мая, № 115:

Посвящение	Посв. В. Болдовкину

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Беловой автограф (ГЛМ):

1	Спит [степной] ковыль. Равнина дорогая

8 I Нам живется лучше на Руси.
II *как в тексте.*

После 8 *зачеркнуто*:

И теперь, когда

12 Не разлюбит отчие [края] поля

19 Что чужая юность брызжет новью

Беловой автограф (РГАЛИ):

8 I Нам живется лучше на Руси.
II *как в тексте.*

19 Что чужая юность брызжет новью

Бак. раб., 1925, 20 июля, № 161:

19 Что чужая юность брызжет новью

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

1 I Месяц на<д>
II *как в тексте.*

«Каждый труд благослови, удача!..»

Черновой автограф (ГЛМ):

12 I На себе погибшем вспоминать
II На себе уставшем вспоминать

15—16 I Может быть, с другим уж на постели
II Те, что в жизни сердцем опростели
Под [суровой] веселой ношею труда

22 I За того кто
II И за тех кто
III За того кто к родине отвык
IV *как в тексте.*

«Видно, так заведено навеки...»

Черновой автограф (ГЛМ):

1—4 I Видно, так заведено на свете,
II Видно, так заведено на свете,
К тридцати годам перебесясь,
С тем, что в юности имелось на примете,
Мы сильней удерживаем связь.
III Видно так заведено навеки
К тридцати годам перебесясь
Все сильней прожжоные калеки
С жизнью мы удерживаем связь.
7—8 I Сердце хочет с нежностью смириться
а) Под зара
б) Пред
II *как в тексте.*
13—16 I Мне кольцо надела
II То кольцо надела мне цыганка
И сказала: Будешь ты
III То кольцо надела мне цыганка,
Я его, как счастье, берегу.
[И теперь]
Каждый раз, когда грустит шарманка,
Про тебя не вспомнить не могу.
IV То кольцо надела мне цыганка.
Я надел
V *как в тексте.*

После 16 *зачеркнуто*:

Отцвели черемушник и вишни,
Но тебя далекой нет и нет.
Не дала ли ты его другому
17 I В голове болотный [светит] бродит омут
19 Может быть [легко его] кому-нибудь другому

Машинописный список с авторской правкой (ГЛМ):

9 Коль гореть, так уж гореть [сгорая] [пылая]
сгорая

«Листья падают, листья падают...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

25 I Ничего я желать не умел
II Я над песней ни таял ни млел

Бак. раб., 1925, 2 сентября, № 199:

18 Чтоб глазами она васильковыми

«Гори, звезда моя, не падай...»

Черновой автограф (собрание А. А. Есениной, хранится у наследников):

После 8 зачеркнуто:

Как мил мне голос журавлиный
<*Нрзб.*> душой
Он так же светит над равниной,
Как будто герб страны родной.

«Я красивых таких не видел...»

Запись С. А. Толстой-Есениной под диктовку Есенина, с его правкой (РГАЛИ):

Посвящение отсутствует.

5 I Принимаю тебя, близкое слово
II *как в тексте.*
7 I Как жива теперь наша корова
II *как в тексте.*
9—10 I Запоешь ты, а я все слышу,
Будто кто-то дрожащей рукой

II Запоешь ты, а я все слышу,
Я цвету, а не ты отцвела
III *как в тексте.*
18 I Вместо ласки, вместо слез
II *как в тексте.*
Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001:
Посвящение единое, к этому и последующим трем стихотворениям.

«Ах, как много на свете кошек...»

Запись С. А. Толстой-Есениной под диктовку Есенина, с его правкой (РГАЛИ):
Посвящение отсутствует.
Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001:
8 Без различья смотря на меня.

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Запись С. А. Толстой-Есениной под диктовку Есенина, с его правкой (РГАЛИ):
Посвящение отсутствует.
11—12 I На немного глаза лишь прикрою,
Вижу милые сердцу черты.
II *как в тексте.*
18 I И не буду ни жалок, ни хмур
II *как в тексте.*
27 I Показалось, что ты березка
II *как в тексте.*
Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001:
26 Мне за песнью и за вином

«В этом мире я только прохожий...»

Запись С. А. Толстой-Есениной под диктовку Есенина, с его правкой (РГАЛИ):

Посвящение отсутствует.
8 — На любовь, уж которой нет.
16 I — Эту родину довелось.
II — *как в тексте.*

Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001:

4 — Свет приятный и тихий такой.
7—8 — И опять я живу и надеюсь
На любовь, уж которой нет.

«Улеглась моя былая рана...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1—4 I — У меня большая в сердце рана,
Тяжесть дум лежит как груз на мне.
Синими цветами Тегерана
Я ее приехал исцелять.
II — *как в тексте.*

После 4 зачеркнуто:

Длинный ряд кривых и узких улиц
<Начало след. строки нрзб.>

7—8 I — Угощает меня крепким чаем
Вместо едкой водки и вина.
II — Угощает меня крепким чаем
Вместо горькой водки и вина.
III — *как в тексте.*
10 — Много роз растет в твоем саду
13—16 I — Мы в России жен своих не мучим,
На цепи не держим, как собак,
Мы любую поцелуям учим

II Мы в России девушек не мучим,
На цепи не держим, как собак,
Мы любую поцелуям учим
III *как в тексте.*
19 Подарю я шаль из Хоростана
После 20 *зачеркнуто*:
И с тобой прощаясь
Газ. «Трудовой Батум», 1924, 10 декабря, № 280:
4 Я лечу их ныне в чайхане
10 Много роз растет в твоем саду
Перс. мот.:
10 Много роз растет в твоем саду
Экз. Перс. мот. с правкой Есенина (местонахождение неизвестно, в 1926 г.— собрание И. В. Евдокимова, см. Собр. ст., 4, 368):
10 I Много роз растет в твоем саду
II *как в тексте.*
Рукописный список с правкой и другими пометами Есенина (ГЛМ):
10 I Много роз растет в твоем саду
II Много роз цветет в твоем саду*
19 I Подарю я шаль из Хоростана
II *как в тексте.*

«Я спросил сегодня у менялы...»

Беловой автограф (РГАЛИ):
9 I А еще спросил я у менялы
II И еще спросил я у менялы
Газ. «Трудовой Батум», 1924, 10 декабря, № 280:
6 Тише ветра, легче Ванских струй

* Данная поправка (зачеркнуто «растет» и вписано «цветет») внесена рукой жены И. В. Евдокимова.

Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 139; Перс. мот.:

10 В сердце радость глубже притая

Экз. Перс. мот. с правкой Есенина (местонахождение неизвестно, в 1926 г.— собрание И. В. Евдокимова, см. Собр. ст., 4, 369):

10 I В сердце радость глубже притая
II *как в тексте.*

Рукописный список с пометами Есенина (ГЛМ):

10 I В сердце радость глубже притая
II В сердце робость глубже притая*

«Ты сказала, что Саади...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

После 4 I Ты сказала, что в Коране
Магомет к неверным строг.
Ну а я ведь из Рязани,
Этой книги не читал.
II Ты сказала, что в Коране
Магомет к неверным строг.
Ну а я ведь из Рязани,
Прочитать тех строк не мог.
III Ты сказала, что в Коране
Говорится: месть врагу.
Ну а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

5—6 I Ты сказала: розы с Вана,
Розы лучше губ и щек
II Ты сказала: за Эфратом
Розы лучше губ и щек

* Данная поправка (зачеркнуто «радость» и вписано «робость») внесена рукой жены И. В. Евдокимова.

	III	Ты пропела: розы Вана,
		Розы лучше губ и щек
	IV	Ты пропела: за Эфратом
		Розы лучше смертных дев
8	I	Я б другой
	II	*как в тексте.*

Беловой автограф (собрание А. А. Есениной; хранится у наследников, Москва):

После 4 *зачеркнуто*:

Ты сказала, что в Коране
За любовь с неверным жгут.
Ну а я ведь из Рязани,
Знать тех строчек не могу.

«Никогда я не был на Босфоре...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

13	I	У меня в душе поет тальянка
	II	*как в тексте.*
15	I	Ты не хочешь разве персианка
	II	Разве ты не хочешь персианка
21	I	Я давно ищу теперь покоя
	II	*как в тексте.*
27		Чтобы я о нежной северянке
31		Все равно твои глаза, как море

Беловой автограф (РГАЛИ, ф. Г. В. Бебутова):

27	I	Чтобы я о дальней северянке
	II	Чтоб я о далекой северянке

«Свет вечерний шафранного края...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

5	I	Спой мне песню, моя дорогая.
	II	Спой мне песню шафранного края.

III *как в тексте.*
10 I Лунным светом Шираз осиянен.
II Кружит звезд мотыльковый рой.
III Лунным светом Шираз осиянен.
После 10 *зачеркнуто*:
Тихо крадутся тени вдоль стен.
Может, мимо проходит такая
11—15 I Я не знаю, вам холодно? Или
Вы, храня розоватую медь,
Чтобы больше вас в ласках любили,
Не хотите лицом загореть.
Что<бы> больше вас в ласках любили.
II Иль они от тепла застыли
Закрывая телесную медь
Или чтобы их больше любили
Не желают лицом загореть
Закрывая телесную медь.
20 I Дорогая, с чадрой не дружись.
II *как в тексте.*
23—24 I Так зачем же прекрасные щеки
Плащаницей черной скрывать
II Потому-то прекрасные щеки
Перед миром грешно прикрывать
III *как в тексте.*
26—30 I Тихо розы бегут по полям.
Снится сердцу страна другая.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.
II Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,

Этой песни не пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.
III Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе песнь, дорогая,
Ту, которой не пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.

«Воздух прозрачный и синий...»

Беловой автограф (ИРЛИ):

2 I Выйду в цветочные чащи
II Веют цветочные чащи
III Дремлют цветочные чащи
IV Выйду в цветочные чащи
18 I И гор<деливого стана?>
II *как в тексте.*

«Золото холодное луны...»

Беловой автограф (собрание М. С. Лесмана, хранится у Н. Г. Князевой, Санкт-Петербург):

1 I Золото текущее — луны
II Золото текучее — луны
2 Запах олеандры и левкоя
7 I Отзвенел
II *как в тексте.*
9 I Голоса далекие земли
II *как в тексте.*
13 I Оглянись, как хорошо вокруг
II *как в тексте.*
23 I Тем, которым ничего не надо
II *как в тексте.*

Бак. раб., 1925, 13 апреля; № 82; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 24; Перс. мот.:

1 Золото — текучее луны

Наб. экз. (вырезка из Бак. раб. с авторской правкой):

1	I	Золото — текучее луны
	II	*как в тексте.*

«В Хороссане есть такие двери...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

2	I	У котор<ых>
	II	У которых
	III	Что открыты
	IV	Под навесом роз и чебреца
	V	*как в тексте.*
4—5	I	Но ее увидеть я не мог.
	II	В Хороссане есть такие двери, Но открыть те двери я не мог.
6	I	У меня в руках хватает силы
	II	У меня в руках немало силы
9		У меня в руках немало силы
14—15	I	Ни к чему в любви моей отвага И коль дверь не смог я отпереть.
	II	И коль дверь не смог я отпереть, Ни к чему в любви моей отвага.
17	I	До свиданья, ласковая пери.
	II	Персия, тебя ли покидаю
21	I	До свиданья, родина Гассана.
	II	До свиданья, пери. До свиданья.
22—23	I	Пусть не мог я двери отпереть, Ты вспомянешь поздно
	II	*как в тексте.*

Бак. раб., 1925, 3 апреля, № 74:

2		Где обсеян розами порог.
10		Но дверей не мог я отпереть.

21—25 До свидания, Пери, до свидания,
Хоть дверей не смог я отпереть,
Ты дала ведь нежное страдание,
Про тебя на родине мне петь.
До свидания, Пери, до свидания.

Кр. новь, 1925, № 3, апрель, с. 133:
6, 9 У меня в руках не мало силы
12—14 И зачем, кому мне песни петь,
Если стала неревнива Шага?
И коль дверь не смог я отпереть.

Перс. мот.:
6, 9 У меня в руках не мало силы
14 И коль дверь не смог я отпереть

«Голубая родина Фирдуси...»

Беловой автограф (РГАЛИ):
6 I Хороша ты, родина, я знаю
II *как в тексте.*
13 I И твой голос, ласковая Шага
II *как в тексте.*
18 Дальнему и близкому мне люду

Бак. раб., 1925, 3 апреля, № 74:
21 Я с тобой несчастий не боюсь

Кр. новь, 1925, № 3, апрель, с. 132; Перс. мот.:
18 Дальнему и близкому мне люду

Наб. экз. (вырезка из Бак. раб. с авторской правкой):
21 I Я с тобой несчастий не боюсь
II *как в тексте.*

«Быть поэтом — это значит то же...»

Беловой автограф (ГЛМ); Бак. раб., 1925, 7 августа, № 177:
8 У него всегда одна и та же песня.

9—10		Канарейка — с голосу чужого,
		Желтая смешная побрякушка.
21		Но, горя ревнивою тревогой

«Руки милой — пара лебедей...»

Беловой автограф (РГАЛИ):

5	I	Пел ее когда-то далеко
	II	*как в тексте.*
21	I	Про меня ж и за такие песни
	II	*как в тексте.*
23	I	Он мог петь нежней и интересней
	II	*как в тексте.*

Беловой автограф (РГАЛИ, собрание П. И. Чагина); Бак. раб., 1925, 10 августа, № 179:

5		Пел и я когда-то — далеко
8		Ласкою пропитанное слово.
23		Он бы пел нежней и интересней

«Отчего луна так светит тускло...»

Черновой автограф строк 1—20 (РГАЛИ):

2		Отчего бледна и не шафранна
3—4	I	Так она в равнине только
	II	Свет такой
	III	Только так она в равнине русской
		Смотрит из-за полога тумана.
	IV	Словно я хожу равниной русской
		Под шуршащим пологом тумана.
5	I	Я спросил об этом, дорогая Лала
	II	Я спросил так, дорогая Лала
7	I	Вся их рать ни слова не сказала
	II	*как в тексте.*
10	I	Я спросил в цв
	II	*как в тексте.*
18	I	Нет следов, когда ласкают тело

II Сердцу песнь, а телу нужно тело

Беловой автограф (РГАЛИ): журн. «Прожектор», М., 1925, № 18, 30 сентября, с. 15:

Заглавие	Персидский мотив

Бак. раб., 1925, 14 августа, № 183:

Заглавие	Персидские мотивы

«Глупое сердце, не бейся...»

Бак. раб., 1925, 7 августа, № 177:

3	Нищий лишь ищет участья.
10—11	Все мы смеемся, как дети, Часто порою плачем.
13	Радости и удачи.
16	Счастье искал повсюду.

«Голубая да веселая страна...»

Беловой автограф (ГМЗЕ):

Заглавие		(Подражание Омар Хаяму)
Посвящение		Гелии Николаевне Чагиной
9		Ты ребенок. В этом слова нет
19—20		*отсутствуют**.
22	I	Пусть и честь моя за песню продана.
	II	Пусть и жизнь моя за песню отдана.

* Пропуск этих строк — вероятнее всего, случайная описка автора. Автограф представляет собой беловую запись (авторский список). Он выполнен на четырех бланках «Редактор газеты „Бакинский рабочий"». На каждой страничке умещалось всего по три двустишия: л.1 — строки 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6; л.2 —строки 7 и 8, 9 и 10, 11 и 12; л.3 — строки 13 и 14, 15 и 16, 17 и 18; л.4 — строки 21 и 22, 23 и 24, подпись и дата. Отсутствующие строки приходились на переход с л.3 на л.4. Скорее всего, они случайно выпали, когда автор переписывал данный текст. Вероятно, такой же непреднамеренной опиской является изменение в ст.9 (вместо «спора» стало «слова»).

Весь текст записан двустишиями.

Бак. раб., 1925, 10 августа, № 179:

Посвящение	Гелии Николаевне Чагиной
19—20	*отсутствуют.*
22	Пусть и честь моя за песню продана.

«Эх вы, сани! А кони, кони!..»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1	I	Эх, дуга! А кони, кони
	II	Эх вы, сани! А кони, кони
3	I	По метели в раздольной погоне
	II	*как в тексте.*
После 4	I	Снеговая пустая Только
	II	Снеговая, пустая дорога, Только скрип, только снег да Принакрыты
	III	Снеговая, пустая дорога, Только скрип, только снег да поля. Ах, выткало небо много
	IV	Снеговая, пустая дорога, Только скрип, только снег и поля. Ах, как выткало небо много Рассыпающегося миткаля.
9—10	I	Эй, ямщик, не жалей своей мочи, *<1 сл. нрзб.>* песню тебе запою
	II	Пой, ямщик, не удерживай мочи, Хочешь, сам я тебе подпою
12	I	Про *<1 сл. нрзб.>*
	II	Про погибшую
	III	*как в тексте.*

После 12 *зачеркнуто*:

На такой вот безгласной равнине

15 I На санях ткнешься в сена охапку

II Да приляжешь на сена охапку

После 16 *зачеркнуто*:

Ну а там уж, конечно, тальянка

Тише ед<ешь>

Пляс и песни

И она

И откуда бралась осанка

18 I А в полночную тишину

II *как в тексте.*

23 I И тальянка утратила голос

II *как в тексте.*

После 24 *зачеркнуто*:

И другие чужие кони

И теперь вот чужие кони

И теперь под чужой

И теперь у родимы<х>

Засыпает

под чужой дугою

И теперь под чужой дугою

Потому

25—28 I Но и все ж ты *<1 сл. нрзб.>* в далеком

Душу радуют снег и мороз

И над бешеным конским

II Но и все же душа не остыла,

Так приятны мне снег и мороз,

И над всем, что прошло, что было

III *как в тексте.*

«Новый мир», М., 1925, № 11, с.66:

После 4: Снеговая, пустая дорога,
Только скрип, только снег и поля.
Ах, как выткало небо много
Рассыпающегося миткаля!

«Снежная замять дробится и колется...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1	I	Снежная равни<на>
	II	*как в тексте.*
3	I	Вот и опять
	II	*как в тексте.*
6	I	Только б немного души и
	II	*как в тексте.*
10	I	Словно от горечи, словно от мук
	II	Пряди седые
	III	И на устах замирают слова
	IV	*как в тексте.*
20	I	Что лучше тебя никого не видал.
	II	Что лучше родимой избы не видал.
	III	*как в тексте.*
21	I	Вот
	II	Жизнь открываю
	III	Вновь я
	IV	*как в тексте.*
22	I	Дедов
	II	Снова
	III	*как в тексте.*
26	I	То ль
	II	В диком, шумном, метельном чаду
	III	*как в тексте.*

27 I Кажется мне, что
II Кажется мне, осыпаются липы
28 I Белые липы в майском саду.
II *как в тексте.*

«Синий туман. Снеговое раздолье...»

Черновой автограф строк 1—9 и двух не вошедших в окончательный текст строф (ГЛМ):

2 I Тонкий лимонный свет лун<ы>
II *как в тексте.*
3 I Ах как приятно с хорошей болью
II *как в тексте.*
5—8 I Снег у крыльца как песок зыбучий.
Ах вот в так<ой же>
II Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне над прудом
Шапку кошачью
III Снег у крыльца как песок зыбучий.
Вот при такой же луне над прудом,
Шапку из кошки на лоб нахлобучив,
Тайно покинул я отчий дом.
IV *как в тексте.*

После 8 две незаконченные строфы, не вошедшие в окончательный текст:

I Счастье искал я везде и всюду
II Много скитался я в разных странах,
Счастье казалось живет везде
И улыбался над
III Много скитался я, много бродяжил,
Счастье казалось живет везде,

И улыбался с собаками даже
Не согревающей душу звезде.
I Был я и нищим и был знаменитым
II Был я безвестным и был известным
III Был я бесславным и был известным
Только желанный удел не нашел.
Взглядам веселым и взорам честным
9 Снова вернулся я к отчему крову

Машинописный список с предшествующего чернового автографа с правкой и автограф строк 9—24 (ГЛМ):

После 8 *зачеркнуто*:

Много скитался я, много бродяжил,
Счастье казалось живет везде.
И улыбался с собаками даже
Не согревающей душу звезде.

Был я бесславным и был известным,
Только желанный удел не нашел.
Взглядам веселым и взорам честным
Небо казалось как синий шелк.*

Снова вернулся я к отчему крову

9—10 I Снова вернулся я в дом родимый
II Снова вернулся я в край родимый,
Пес мой любимый забыл меня
III Снова вернулся я в край родимый,
Пес мой любимый меня забыл

* Строка вписана в машинопись автором от руки.

После 12 *строфа, не вошедшая в окончательный текст*:

Тихо всплывает веселое детство,
Я ль не крестьянин и я ль не богат,
Есть у меня родовое наследство —
Старая кошка и пара щенят.

13—16 Эту я кошку себе на шапку,
Этих щенят я себе на мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабку,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

21 Вот почему я чуть-чуть не заплакал

Список С. А. Толстой-Есениной с предшествующего автографа с правкой Есенина (ГЛМ):

После 8 *зачеркнуто*:

Много скитался я, много бродяжил,
Счастье казалось живет везде.
И улыбался с собаками даже
Не согревающей душу звезде.

10 I Пес мой любимый меня забыл
II *как в тексте.*

После 12 *зачеркнуто*:

Тихо всплывает веселое детство,
Я ль не крестьянин и я ль не богат,
Есть у меня родовое наследство —
Старая кошка и пара щенят.

13—14 I Эту я кошку себе на шапку,
Этих щенят я себе на мех.
II *как в тексте.*

21 Вот почему я чуть-чуть не заплакал

«Свищет ветер, серебряный ветер...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

5 I Пусть на окошках над

II Пусть на окошках оттепель, сырость
III *как в тексте.*

После 12 *зачеркнуто*:

I Знаю я. Все так, которые смело
Жили, кипели, бросались в пламя,
Те, кому жизнь не совсем надоела,
Тот даже крохи сбирает на память.

II Знаю я. Все так, которые смело
Жили, кипели, бросались в пламя,
Те, кому жизнь не совсем надоела,
Те даже крохи сбирают на память.

17 I Ну<жно>
II *как в тексте.*

«Мелколесье. Степь и дали...»

Черновой автограф (РГАЛИ):

1 I Снег и ветер. Степь и дали.
II *как в тексте.*

После 4 *зачеркнуто*:

Полно хныкать, колокольцы,
Я вас слышал много лет.

После 8 *зачеркнуто*:

Всякий ночью у пролесиц
Потому чу

11 I Не забыть, что я крестьянин
II *как в тексте.*

После 12 *зачеркнуто*:

Дай, ямщик, мне эти возжи

До полуночи, — не позже
Мы прискачем в отчий дом.

16 I Я не видел много лет.
II *как в тексте.*
17—20 I Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь
II Тот, кто видел хоть немного
Этот край и эту гладь,
У березки одноногой
Рад
III *как в тексте.*
22 I Если рядом в стынь и звень
II Если бойко в стынь и звень
III *как в тексте.*
После 24 зачеркнуто:
За подросточью ораву
В незнакомом далеке
26 I Потому под этот вой
II *как в тексте.*
Кр. нива, 1925, № 50, 6 декабря, с. 1214:
1 Темнолесье. Степь и дали.
Кр. новь, 1925, № 10, декабрь, с. 109:
13—16 *отсутствуют.*

«Цветы мне говорят — прощай...»

Беловой автограф (ГЛМ):
2 I Головками кивая нежно
II *как в тексте.*
15—16 I Возлюбленной и дорогой
Живой прекрасней песню сложит.
II *как в тексте.*

Кр. нива, 1925, № 50, 6 декабря, с. 1214; Кр. новь, 1925, № 10, декабрь, с. 110:

5—6 Ну что ж, любимые, ну что ж!
Я видел вас и видел землю

15 Оставленной, но дорогой

Комментарии

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Б.сит.— Сергей Есенин. Березовый ситец, М., Госиздат, 1925.

Бак. раб.— газ. «Бакинский рабочий», Баку, с 1906 г.

Бирж. вед.— газ. «Биржевые ведомости», утр. вып., СПб., 1880—1917.

Блок — Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах, тт. 1—8, М.—Л., Гослитиздат, 1960—1963.

Восп., 1, 2 — сб. «С.А.Есенин в воспоминаниях современников», тт. 1—2, М., «Художественная литература», 1986.

ВЛ — журн. «Вопросы литературы», М., с 1957 г.

$Г_{18}$ — Сергей Есенин. Голубень, СПб., «Революционный социализм», 1918.

$Г_{20}$ — Сергей Есенин. Голубень, «Московская трудовая артель художников слова», 1920.

$Г_{н}$ — наборная рукопись сборника «Голубень» 1918 г., подготовленная автором (РГАЛИ).

Г. тр. кр.— газ. «Голос трудового крестьянства», М., 1917—1919.

ГЖ — журн. «Голос жизни», Пг., 1914—1915.

Гост.— журн. «Гостиница для путешествующих в прекрасном», М., 1922—1924.

Грж.— Есенин Сергей Александрович. Собрание стихов и поэм. Том первый, Берлин—Пб.—М., изд. З.И.Гржебина, 1922.

Еж. ж.— «Ежемесячный журнал», Пг., 1914—1918.

З.Вост.— газ. «Заря Востока», Тифлис, с 1922 г.

Зн. бор.— газ. «Знамя борьбы», Пг., 1918.

Зн. тр.— газ. «Знамя труда», Пг., затем М., 1917—1918.

$И_{22}$ — Есенин. Избранное, М., Госиздат, 1922.

$И_{25}$ — Сергей Есенин. Избранные стихи (Библиотека «Огонек», № 40), М., Огонек, 1925.

Кр. нива — журн. «Красная нива», М., 1923—1931.

Кр. новь — журн. «Красная новь», М., 1921—1942.

ЛН — непериод. сб. «Литературное наследство», М., с 1931 г.

М.каб.— Есенин. Москва кабацкая, Л., 1924.

Н — журн. «Нива», СПб., 1870—1918.

Н.прил.— журн. «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу „Нива"», СПб., 1894—1916.

Наб. экз.— наборная рукопись первого, второго и третьего томов «Собрания стихотворений», подготовленная автором в 1925 г. (ГЛМ).

Нак.— газ. «Накануне», Берлин, 1922—1924.

ОРиР — Сергей Есенин. О России и революции, М., «Современная Россия», 1925.

$П_{18}$ — Сергей Есенин. Преображение, «Московская трудовая артель художников слова», II-й год I века [1918].

$П_{21}$ — Сергей Есенин. Преображение, [М.], «Имажинисты», 1921.

Перс. мот.— Сергей Есенин. Персидские мотивы, М., «Современная Россия», [1925].

ПиР — журн. «Печать и революция», М., 1921—1930.

Прож.— журн. «Прожектор», М., 1923—1935.

$Р_{16}$ — Сергей Есенин. Радуница, Пг., изд. М.В.Аверьянова, 1916.

$Р_{18}$ — Сергей Есенин. Радуница, «Московская трудовая артель художников слова», 2-й год I века [1918].

$Р_{21}$ — Сергей Есенин. Радуница, [М.], «Имажинисты», 1921.

РЛ — журн. «Русская литература», Л., с 1958 г.

Р.сов.— Сергей Есенин. Русь советская, «Бакинский рабочий», 1925.

Рж. к.— Сергей Есенин. Ржаные кони, М., «Альциона», 1921 (верстка невышедшего сборника; ИМЛИ).

Рус.— Сергей Есенин. Руссеянь, книга первая, М., «Альциона», 1920 (рукопись-макет невышедшего сборника, ИМЛИ).

Сел. час.— Сергей Есенин. Сельский часослов, «Московская трудовая артель художников слова», 2-й год I века [1918].

Ск-1 — «Скифы», сборник 1, Пг., 1917.

Ск-2 — «Скифы», сборник 2, Пг., 1918.

Собр. ст.— Сергей Есенин. Собрание стихотворений, тт. 1—3, М.—Л., Госиздат, 1926; т. 4 — Стихи и проза, М.—Л., Госиздат, 1927.

Ст. ск.— Сергей Есенин. Стихи скандалиста, Берлин, изд. И.Т.Благова, 1923.

$Ст_{24}$ — С.Есенин. Стихи (1920—24), М.—Л., «Круг», 1924.

Стр. сов.— С.Есенин. Страна советская, Тифлис, «Советский Кавказ», 1925.

T_{20} — Сергей Есенин. Трерядница, М., «Злак», 1920.

T_{21} — Сергей Есенин. Трерядница, [М.], «Имажинисты», 1921.

Тел.— Сергей Есенин. Телец, М., Госиздат, 1920 (невышедший сборник).

Хроника 1, 2 — В.Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника, чч. 1 и 2. М., «Советская Россия», 1969—1970.

ГЛМ — Государственный литературный музей. Отдел рукописей (Москва).

ГМЗЕ — Государственный музей-заповедник С.А.Есенина (с. Константиново Рязанской обл.).

ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук. Рукописный отдел (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Рукописный отдел (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редкой книги (Санкт-Петербург).

В данном томе. в соответствии с общим планом издания, печатаются стихотворения, которые Есенин включил в первый том подготовленного им в 1925 году трехтомного «Собрания стихотворений» (Собр. ст.).

Основным источником текста для первого тома (так же, как для второго и третьего томов) является так называемый наборный экземпляр — рукопись, по которой в ноябре-декабре 1925 г. осуществлялся набор Собр. ст. (хранится в ГЛМ*). Эта рукопись была подготовлена Есениным в течение второй половины 1925 г. В работе принимали участие С.А.Толстая-Есенина и редактор издательства И.В.Евдокимов.

Наборный экземпляр представляет собой собрание различных материалов. В нем соединены отдельные страницы из целого ряда сборников Есенина, вырезки из газет и журналов, машинописные списки (значительная часть этих списков готовилась не в связи с работой над наб. экз., а много раньше и с другими целями), рукописные списки, выполненные С.А.Толстой-Есениной и некоторыми другими лицами. Подобный характер рукописи, объединение в ней различных по времени возникновения и подготовки материалов связаны, в частности, с историей работы над ней.

---

* Здесь и далее указания на архивные фонды опущены, когда речь идет о фондах С.А.Есенина. В прочих случаях фонды поименованы.

Как известно, замысел собрания сочинений возник у Есенина еще в 1923 году, вскоре после возвращения на родину из зарубежной поездки (связь этого замысла с «Тельцом», «Руссеянью» и другими предшествующими сборниками в данном случае мы здесь не затрагиваем). Этот замысел оставался в центре внимания поэта и в 1924 году. Все это время Есенин неоднократно обращался к плану издания, занимался вопросом, где и когда лучше его выпустить (см. подробнее «От редакции» в наст. томе). При этом работа не ограничивалась определением принципов композиции и общих контуров томов, одновременно готовилась и рукопись предполагавшегося издания. К этим предшествующим этапам восходят некоторые части наб. экз., о чем свидетельствуют сохранившиеся в нем пометы. Можно сказать, что наб. экз. как бы «вырос» из этих предшествующих этапов и аккумулировал в себе работу, проводившуюся Есениным с 1923 года.

Наборный экземпляр — последнее по времени обращение поэта к текстам своих произведений. Но его значение как основного источника текста основывается не только и не столько на этом формальном моменте. В рукописи — в ее составе и построении, в степени авторской выверенности текстов, в датировке произведений — отчетливо проявилось далеко не формальное отношение автора к ее подготовке. Последовательная, глубоко осмысленная, целенаправленная работа, проведенная Есениным по формированию и редактуре наборного экземпляра (на различных этапах работа велась, правда, с разной степенью интенсивности), позволяют расценить эту рукопись как *активное выражение творческой воли автора*.

Разумеется, наборный экземпляр не свободен от недостатков. В нем имеются различные погрешности, которые остались не замеченными автором. Тем не менее, при

анализе наборного экземпляра с самых различных сторон отчетливо выявляется воплотившаяся в нем авторская воля.

* * *

Она видна прежде всего в том, как были решены композиционные проблемы.

С самого начала работы над собранием сочинений Есенин положил в его основу Грж.— наиболее полное к тому времени собрание его произведений. В этот сборник входило 75 лирических стихотворений от «Радуницы» до стихов 1922 года и 15 «маленьких поэм». Приступив в 1925 г. к подготовке Собр. ст., Есенин счел необходимым дополнить это издание не только стихами, появившимися после выпуска Грж., т.е. после 1922 года, но и рядом ранних стихотворений, которые не входили в Грж. и практически не перепечатывались после появления в свет.

В этой связи он обратился прежде всего к своему первому сборнику $Р_{16}$. Этот сборник состоял из 33 стихотворений. 15 из них входили в Грж. и поэтому изначально были в Собр. ст. Из оставшихся 18 Есенин отобрал еще 12, остальные 6 так и оставил вне Собр. ст. Тексты этих 12-ти отобранных стихотворений он выправил, причем дважды. Первоначально правка велась, очевидно, по экземпляру $Р_{16}$, с которого затем были сняты машинописные копии. (Местонахождение данного экземпляра $Р_{16}$ неизвестно, но то, что экземпляр сборника, выправленный тогда автором, существовал и что именно с него снимались машинописные копии, доказывается тем, что последовательность стихов в листах машинописи та же, что и в сборнике, а тексты машинописи разнятся с текстами сборника). Затем машинопись была вновь просмотрена Есениным и в некоторые стихи внесены дополнительные исправ-

ления. Первый ее экземпляр, куда С.А.Толстая-Есенина перенесла авторскую правку, был вложен в наб. экз., а машинописный отпуск (второй экз.), по которому работал автор, остался в его архиве (ныне — в ГЛМ).

Всего в этой рукописи пять листов, которые включают тексты следующих стихотворений: л. 1 — «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...», «Подражанье песне», «Выткался на озере алый свет зари...»; л. 2 — «Матушка в купальницу по лесу ходила...», «Зашумели над затоном тростники...», «Троицыно утро, утренний канон...»; л. 3 — «Туча кружево в роще связала...», «Дымом половодье...»; л. 4 — «Сыплет черемуха снегом...», «На плетнях висят баранки...»; л. 5 — «Калики», «Задымился вечер, дремлет кот на брусе...». На обороте последнего листа помета С.А.Толстой-Есениной: «Эти стихи были переписаны мною, когда Сергей готовил рукопись своего полного собрания для Госиздата. Правки сделаны его рукой. *С.Есенина*».

Этими стихами Есенин намеревался открыть том и поэтому пометил на первом листе машинописи: «Начало». Однако потом он решил дополнить издание еще и другими стихами. Помета «Начало» была им зачеркнута и в рукопись перед этими стихами включено еще восемь стихотворений.

Два первых стихотворения из числа включенных на этом этапе («Вот уж вечер. Роса...» и «Там, где капустные грядки...») продиктованы автором С.А.Толстой-Есениной и в ее списках вошли в наб. экз. Очевидно, тогда же было переписано С.А.Толстой-Есениной третье стихотворение — «Поет зима — аукает...». Остальные были найдены в журналах 1915—1916 гг.

Готовя издание, Есенин счел необходимым разыскать некоторые свои ранние произведения, которые печатались

только в периодике. Он собственноручно составил две памятки с перечислением газет и журналов, которые следовало просмотреть (оба списка — ГЛМ).

Первый список:

«Журнал ленинградский Голос жизни. 1915 с апреля по июнь.

Газета московская Голос трудового крестьянства. 1918 с апреля по июнь.

Ежемесячный журнал Миролюбова. 1915 и 16».

Второй список:

«Русская мысль. 1915, летние номера, август, или сентябрь, или июль.

Голос жизни. 1915 (весенние №).

Ежемесячный журнал Миролюбова. 1915, 16, 17.

Скифы. 2 №.

Голос трудового крестьянства.

Весь мир. 1915.

1910. Рязанский вестник».

На втором списке С.А.Толстая-Есенина пометила: «Для составления полного собрания в Госиздате вспоминал, где у него печатались вещи, и старался найти их в Румянцевской библиотеке, но не нашел».

Последнее не совсем точно. Непосредственно поисками занялся двоюродный брат поэта И.И.Есенин. На первом листке с памяткой он переписал из ГЖ (1915, № 17, 22 апреля, с. 13) четыре опубликованные там стихотворения: «Гусляр» («Темна ноченька, не спится...»), «В хате» («Пахнет рыхлыми драченами...»), «Богомолки» («По дороге идут богомолки...») и «Рыбак» («Под венком лесной ромашки...»). В списке поэт отметил два стихотворения — «Темна ноченька, не спится...» и «Под венком лесной ромашки...», зачеркнул их заголовки, а два других стихотворения, поскольку они входили в Грж., оставил без

внимания. С этого списка С.А.Толстая-Есенина сняла копии, которые были вложены в наб. экз.

Тогда же И.И.Есенин снял с Еж. ж. рукописные копии еще трех стихотворений: «За горами, за желтыми долами...», «Опять раскинулся узорно...» и «День ушел, убавилась черта...». На списках первых двух стихотворений — авторская помета «нужно», отмечающая решение включить их в Собр. ст. На списке третьего стихотворения такой пометы нет.

Для понимания авторских принципов композиции Собр. ст. показательно как включение двух последних стихотворений, так и то место, на которое они были поставлены. Стихи были четко — и точно — датированы Есениным 1916 годом, но тем не менее помещены в самом начале тома, среди ранних стихов, которые он сам отнес к 1910—1912 гг. Причина подобного отступления от хронологии была не в пренебрежении к ней, а в стремлении поэта собрать в начале тома стихи, раскрывающие различные истоки его творчества. К числу таких произведений он вполне мог отнести эти два стихотворения (подробнее — см. комментарий к ним).

Таким образом, начальная часть наб. экз. первого тома (она охватывает первые двадцать стихотворений) была составлена автором из рукописных списков С.А.Толстой-Есениной и машинописных списков, подготовленных специально для этих целей.

Следующая за ней часть рукописи — вырезки из Грж. Это довольно значительная часть текстов: от стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся...» по «Сторона ль ты моя, сторона...». Одно стихотворение («Пропавший месяц») вставлено среди этих вырезок в виде рукописного списка, выполненного С.А.Толстой-Есениной. Готовя эту часть тома, поэт удалил циклические заголовки, имевши-

еся в Грж. («Радуница», «Голубень», «Преображение», «Трерядница», «Песни забулдыги»), но не изменил последовательности в расположении стихотворений. В результате разделы и циклы утратили свои внешние границы, однако сохранились в виде своеобразных «циклических кругов» (если так можно определить группировку и расположение стихотворений в соответствии с их образно-стилистической связью между собой). Это дало возможность сохранить цельность в развитии лирических тем, их определенную последовательность.

Тот же композиционный прием — устранение циклических заголовков при сохранении определенной последовательности стихотворений — был применен Есениным при формировании последующих частей тома. Автор сохранил заголовок только одного цикла — «Персидские мотивы». Остальные заголовки были опущены.

Есенин снял заглавие цикла «Москва кабацкая», но стихи расположил в непосредственной близости друг к другу. Опустил название цикла «Любовь хулигана», но полностью сохранил последовательность стихов, входивших в него.

В композиции и в текстах этой части тома можно выявить следы одного из неизданных сборников — «Рябинового костра», над которым Есенин работал с осени 1924 г. Этот сборник поэт задумал во время пребывания в Баку. «Составил Вам список для составления книги,— писал он Г.А.Бениславской 20 октября 1924 г.— Продайте ее в таком порядке под названием „Рябиновый костер“, куда можно». В сборник Есенин намечал включить: «1. Больничное <„Годы молодые с забубенной славой...“>. 2. Письмо матери. 3. „Я усталым таким еще не был...“. 4. Возвращение на родину. 5. Памяти Ширяевца <„Мы теперь уходим понемногу...“>. 6. „Этой грусти те-

перь не рассыпать...". 7. „Низкий дом с голубыми ставнями...". 8. Сукин сын. 9. Русь советская. 10. Пушкину. 11. „Отговорила роща золотая...". 12. На Кавказе. 13. Стансы» (машинописная копия с пометами Г.А.Бениславской — ГМЗЕ). Позже Есенин варьировал название сборника, просил Г.А.Бениславскую дополнить состав (ее пометы, связанные с этим, есть на списке), но мысль об издании не оставлял. 20 июня 1925 года Есенин подписал договор с Госиздатом на его выпуск. Поскольку через десять дней был заключен договор на Собр. ст., договор на «Рябиновый костер» был расторгнут.

Сборник не вышел, но рукопись его была подготовлена. Видимо, начала ее готовить Г.А.Бениславская зимой 1924/25 гг., когда поэт был на Кавказе. По возвращении в Москву Есенин просмотрел рукопись, внес в нее поправки. Из этой рукописи перешли в наб. экз. тексты стихотворений «Письмо матери», «Я усталым таким еще не был...», «Этой грусти теперь не рассыпать...», «Низкий дом с голубыми ставнями...», «Сукин сын», «Пушкину», «Отговорила роща золотая...».

Такая же авторская активность видна и в формировании заключительной части тома. На этом этапе был, например, перестроен и значительно дополнен цикл «Персидские мотивы», именно тогда получивший свою окончательную композицию.

Работа поэта над наб. экз. прервалась в ноябре 1925 г. Есенин не считал ее полностью завершенной, в том числе и в отношении состава: он думал несколько расширить его. «На днях пришлю тебе лирику „Стихи о которой"»,— писал он 6 декабря 1925 г. И.В.Евдокимову, предполагая включить эти стихи в первый том. Рукопись цикла, переданная поэтом Е.А.Есениной, в издательство не поступи-

ла. Характер и состав этой рукописи остаются неизвестными, она никогда не попадала в поле зрения исследователей.

Несмотря на внимательное отношение поэта, одна ошибка, допущенная при составлении, все же осталась. Стихотворение «Заря окликает другую...» оказалось включенным в рукопись дважды. Первый раз оно было поставлено после «Песни» («Есть одна хорошая песня у соловушки...»), второй раз — перед «Не вернусь я в отчий дом...». Не заметил этой ошибки и издательский редактор И.В.Евдокимов. Рукопись ушла в типографию, из-за чего стихотворение было набрано дважды. Корректор отметил это в гранках (они поступили после смерти поэта). Тогда в наб. экз. появилась помета: «Выкинуть. Второй раз. *И.Евдокимов*». Эта помета была сделана явно post factum, после возвращения рукописи из типографии. (Не этот ли случай имел в виду И.В.Евдокимов, когда, описывая в воспоминаниях, как плохо подготовил поэт рукопись Собр. ст., замечал: «...в разных местах попадались одни и те же стихотворения...» — Восп., 2, 289).

Несмотря на подобные погрешности, есть все основания говорить о высокой степени авторизации наб. экз. Это касается не только его состава и построения, но и текстов произведений.

* * *

Все тексты наб. экз. были прочитаны автором. С бóльшим вниманием он отнесся, естественно, к рукописным и машинописным текстам, менее скрупулезно вычитывал тексты, представленные в виде вырезок из собственных сборников или из газет и журналов.

Выше говорилось о значительной правке, внесенной Есениным в ранние стихи, отобранные для включения в

Собр. ст. Авторские изменения (смысловые и стилистические поправки, уточнения пунктуации, устранение опечаток и т.п.) имеются на многих листах наб. экз.

В целях проверки текстов при подготовке наст. изд. все они сопоставлялись с известными и оказавшимися доступными автографами и печатными источниками.

Рукописное наследие Есенина сохранилось в относительно большом объеме. Из 167 стихотворений, которые входят в первый том, в настоящее время выявлены полные автографические источники 108 стихотворений. Кроме того, имеются записи отдельных строф, фотокопии и факсимиле не дошедших до нас рукописей, вычитанные автором корректурные оттиски, авторизованные машинописные и рукописные списки и т.п. Правда, атрибуцию некоторых автографов трудно признать бесспорной*.

В ходе работы над настоящим томом было впервые привлечено для подготовки текстов свыше двадцати автографов Есенина. Кроме того, изучение рукописного наследия поэта позволило выявить даже среди известных ранее документов детали, существенно уточняющие и дополняющие представления об истории тех или иных текстов.

Так, среди рукописей Есенина, хранящихся в РГАЛИ, имеются две тетради, в которых З.Н.Райх в свое время переплела значительное число автографов поэта, вырезок из газет и журналов с его текстами, списков произведений поэта, выполненных ею и другими лицами

* К их числу можно отнести, например, одну из рукописей первой редакции стихотворения «Колокольчик среброзвонный...» (РГБ, ф. 393, карт. 1, ед.хр. 3), представляющей собой по существу копию авторской записи этого стихотворения в альбоме М.М.Марьяновой (РГАЛИ, ф. 1336, оп. 2, ед. хр. 1, л. 11), рукопись стихотворения «Ты такая ж простая, как все...» (РГБ, ф. 393, карт. 2, ед. хр. 24) и некоторые другие.

(РГАЛИ, ф. 190, оп. 2, ед. хр. 9 и ед. хр. 4). Пометы, имеющиеся на отдельных листах этих тетрадей, позволили установить, что среди различных материалов оказались вплетенными фрагменты наборной рукописи сборника «Голубень» (1918). На основе редакционных помет и остатков авторской нумерации страниц удалось реконструировать сохранившуюся часть этой рукописи. Из 34 стихотворений, входивших в сборник и соответственно составлявших наборную рукопись, в тетрадях выявлены тексты (автографы, рукописные списки, вырезки из различных изданий с авторскими пометами) двадцати двух произведений. Кроме того, там же имеются автографы оглавления (с авторскими поправками, которые показывают изменения в составе, сделанные в ходе подготовки издания), титула и шмуцтитулов. Это позволило прояснить историю текстов входивших в «Голубень» произведений, точнее представить, на каком этапе производилась правка в них. Все это отмечено в комментариях к конкретным произведениям.

Еще один важный документальный источник, выявленный в ходе подготовки тома,— сборник «Телец». В 1919 году Есенин начал и в течение 1920 года вел переговоры с Госиздатом о выпуске этого сборника, которому придавал большое значение. В Госиздате сборник был набран, сверстан, но в свет так и не вышел. Его корректурный оттиск был в руках И.В.Евдокимова, когда тот готовил дополнительный, четвертый том Собр. ст. В корректурно · оттиске, которым располагал И.В.Евдокимов, название сборника было обозначено как «ЕЛЕЦ». (Первая буква названия на титульном листе, очевидно, должна была быть рисованной, остальная часть — наборной. Как это бывает в издательской практике, наборная часть была в типографии подготовлена и оттиснута в корректурных листах, а клише готово не было. В результате в оттиске

появилось усеченное «ЕЛЕЦ».) И.В.Евдокимов, который не знал о существовании «Тельца», принял это усеченное слово за полное название сборника. Под названием «Елец» корректура была многократно упомянута И.В.Евдокимовым в составленных им примечаниях, которые были напечатаны в четвертом томе Собр. ст. Примечания И.В.Евдокимова позволили реконструировать состав этого сборника; под заголовком «Елец» он даже начал фигурировать в специальной литературе (см., например, Хроника, 1, 279—281). Однако в своем подлинном виде этот корректурный оттиск в поле зрения исследователей не попадал и оставался известным только по описаниям Собр. ст., 4.

Изучение подготовленного Есениным в 1920 г. макета сборника «Руссеянь» (еще один из сборников, составленных поэтом, которому также не суждено было увидеть свет; макет — ИМЛИ), показало: его листы по большей части — это корректурные оттиски «Тельца», что доказывается почти полным совпадением текстов оттисков со сведениями, содержащимися в примечаниях И.В.Евдокимова, совпадениями пагинации и т.п. Оглавление сборника «Телец», которое также находится в составе макета «Руссеяни», позволило установить не только состав, но и композиционное построение этого сборника.

За последнее время в РГАЛИ и ГМЗЕ поступил ряд машинописных списков произведений Есенина, преимущественно 1924—1925 гг. Эти списки, вероятнее всего, восходят к архиву З.Н.Райх (см. Восп., 2, 279). На некоторых машинописях — пометы рукой поэта, на некоторых — поправки корректорского характера (исправление опечаток, уточнение пунктуации), но столь незначительные по объему, что по ним трудно определить, кем они выполнены и соответственно признать такие машинописные списки

авторизованными. Тут же дубликаты машинописей из наб. экз. Можно предположить, что эти материалы (во всяком случае, часть их) — из числа тех, которые Есенин увез в Ленинград в декабре 1925 г. и которые были получены З.Н.Райх вместе с вещами поэта после его смерти.

Расширение источниковедческой базы, достигнутое в ходе подготовки настоящего издания, позволило выявить и устранить ряд неточностей, искажений в текстах Есенина, которые оставались незамеченными. Кроме того, удалось установить, что некоторые разночтения печатных источников, которые ранее рассматривались как авторские варианты, возникли не в результате творческой переработки текста, а в силу редакционных ошибок или посторонних вмешательств. Подобные разночтения были, естественно, исключены из свода вариантов.

* * *

Большая работа была проведена Есениным при подготовке собрания сочинений по датировке своих произведений. С самого начала отказавшись от формально-хронологического принципа построения, поэт в то же время не отбросил мысли указать даты произведений. Ряд хронологических помет, имеющихся в наб. экз., восходит к первым этапам формирования рукописи. Но фронтально эта работа была проведена при подготовке Собр. ст. В работе приняла самое непосредственное участие С.А.Толстая-Есенина, а на редакционной стадии в нее включился И.В.Евдокимов. В итоге была датирована большая часть включенных в «Собрание стихотворений» произведений.

По существу, Есенин здесь впервые детально раскрыл хронологию своего творчества. До этого, в авторских сборниках и при публикациях в периодике, он, как прави-

ло, не указывал дат создания произведений. Применительно к большинству своих вещей он явно не рассматривал даты как часть их текста, в отличие, например, от А.А.Блока, И.А.Бунина или М.И.Цветаевой, для которых не только дата, но иногда и место написания были полны особого значения и строго ими фиксировались. Есенину подобное отношение к датам не было свойственно: он датировал в сборниках лишь отдельные произведения (особняком в этом отношении стоят лишь «Сельский часослов» и «Ржаные кони», куда входили только «маленькие поэмы», созданные до 1921 г., и где датированы все произведения).

Иначе подошел поэт к Собр. ст., где решил датировать каждое произведение. В наб. экз. первого тома из 165 стихотворений, представленных в нем (тексты двух стихотворений отсутствуют), указаны даты 104 стихотворений. У 61 даты не указаны. В Собр. ст. даты проставлены под 141 стихотворением. В частности, с датами напечатаны в Собр. ст. стихи второй половины 1925 года, в большинстве своем в наб. экз. не датированные. В нескольких случаях даты, появившиеся в Собр. ст., несколько отличаются от дат наб. экз. Внося эти уточнения, С.А.Толстая-Есенина и И.В.Евдокимов, судя по всему, руководствовались указаниями поэта, которые не были зафиксированы в наб. экз.

О том, как велась работа по датировке произведений при подготовке наб. экз., вспоминал И.В.Евдокимов:

«Сделали первый том. Начали определять даты написания вещей. Тут между супругами возник разлад. И разлад этот происходил по ряду стихотворений. Есенин останавливал глаза на переписанном Софьей Андреевной произведении и ворчал:

— Соня, почему ты тут написала четырнадцатый год, а надо тринадцатый?

— Ты так сказал.

— Ах, ты все перепутала! А вот тут надо десятый. Это одно из моих ранних... Нет! Не-е-т! — Есенин задумывался.— Нет, ты права! Да, да, тут правильно.

Но в общем у меня получилось совершенно определенное впечатление, что поэт сам сомневался во многих датах. Зачеркнули ряд совершено сомнительных. Долго обсуждали — оставлять даты или отказаться от них вовсе. Не остановились ни на чем. Проработали часа полтора-два. И сделали два тома. Есенин перескакивал от одного тома к другому, переделывал по нескольку раз, быстро вытаскивая листки из грудки и перекладывая их, снова нумеровали, снова ставили даты, писали шмуцтитула и уничтожали их. <...>

Собирались и еще и еще. Есенин несколько раз приносил новые стихотворения, но уже небольшими частями, проставлял некоторые даты, а главную, окончательную проверку по рукописям откладывал до корректуры» (Восп., 2, 291—292).

Уезжая 23 декабря 1925 года в Ленинград, Есенин просил И.В.Евдокимова поскорее прислать корректуру, которая должна была вскоре поступить. И.В.Евдокимов обещал:

— Как только придут из типографии, в тот же день и направлю тебе. Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?

— Я... я все сделаю.

После разговора о так и оставшейся ненаписанной поэме «Пармен Крямин», он вновь напомнил Есенину:

— Даты не позабудь.

— Нет, нет! И даты — все проставлю. Раз «Собрание», надо по-настоящему сделать. Я помню все стихи. Мне надо остаться одному. Я припомню... (там же, 299—300).

И.В.Евдокимов, подробно описав работу автора по датировке своих произведений и отметив его намерение еще раз вернуться к этому в корректуре, к сожалению, обошел молчанием один момент, связанный с обозначением дат в Собр. ст.

Дело в том, что Собр. ст. первоначально намечалось построить несколько иначе. Оно должно было открываться заметкой «От издательства», за которой следовала статья А.К.Воронского «Сергей Есенин». В таком виде первый том был сдан в производство в ноябре 1925 г. В таком же виде он вернулся в издательство уже набранным. Первая партия гранок поступила в издательство 31 декабря 1925 г., следующие партии — 5 и 6 января 1926 г. (чистые и правленые экземпляры гранок — ГЛМ). На обороте первой партии гранок надпись С.А.Толстой-Есениной: «Эта корректура была получена мною в день похорон Сергея. Другую корректуру положили ему в гроб».

Смерть поэта вызвала изменения. Статья А.К.Воронского (после соответствующих переделок) была перенесена во второй том, для первого тома он написал новую статью — «Об отошедшем». Полностью была переделана и заметка «От издательства», которая в новой редакции представляла читателям издание скончавшегося автора. Ни первый, ни второй варианты этой заметки не подписаны, но, вероятнее всего, их автором был И.В.Евдокимов.

В первом варианте заметки «От издательства» о датах говорилось: «Издательство пыталось установить точные даты стихотворений, но так как многие даты стерлись в

памяти даже самого автора, пришлось ограничиться только теми, которые были установлены с несомненностью». Свидетельство примечательно тем, что в нем содержится прямая оценка части дат как установленных «с несомненностью». Четко было сказано и о том, что в сомнительных случаях стихи печатаются без дат. Действительно, как это уже было отмечено, в первом томе шестая часть стихов (26 из 167) была напечатана без дат. Все это говорит о том, что на том этапе работники издательства склонны были расценить ту часть дат, которая была зафиксирована поэтом, как авторитетную.

Однако в самих гранках даты под стихотворениями практически полностью отсутствовали. Они были набраны только под четырьмя стихотворениями: «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...», «Ты сказала, что Саади...», «Голубая родина Фирдуси...», «Цветы мне говорят — прощай...». Причина отсутствия дат в гранках крылась в наб. экз.

Значительное число дат в наб. экз. было обозначено сокращенно — 14, 15, 16, 17 и т.п. Эти обозначения были нанесены по большей части карандашом, не всегда разборчиво, иногда сопровождались дополнительными пояснительными надписями («самое первое», «второе» и т.п.), расположены они были не там, где полагается, а иногда над текстом или сбоку от него, на полях, в одном случае даже на обороте листа. На основе этих помет работники издательства (в данном случае И.В.Евдокимов) должны были переоформить даты, придав им полную, пригодную для набора форму — 1914, 1915, 1916 и т.п. Это сделано не было и в свою очередь послужило причиной того, что даты в гранках оказались не набранными.

Кроме того, очевидно, непосредственно перед отправкой в типографию, в наб. экз. были зачеркнуты все поме-

ты, не относящиеся к тексту (различные технические надписи, не связанные с набором, старая пагинация и т.п.). В их число попали и были убраны пометы, связанные с датами. При этом в начальной части первого тома они были даже не зачеркнуты, а густо заштрихованы графитным карандашом. Причем заштрихованы явно сразу, подряд, одной рукой и одним карандашом, без какого-либо разбора и выбора, вместе с дополнительными, сопровождавшими их пояснениями («самое первое», «второе», «третье» и т.п.).

Как было отмечено, гранки начали поступать в издательство 31 декабря 1925 г. Несмотря на явную необходимость внесения в издание тех или иных изменений, связанных с гибелью поэта, решено было работу не задерживать. Новая статья А.К.Воронского, которой предусматривалось открыть том, еще не была готова. Поэтому на гранке, с которой начинались стихи Есенина, появилось распоряжение И.В.Евдокимова: «В.В.Гольцеву. Верстать, начиная со стихов. Статью сверстать после с римской пагинацией. В римскую пагинацию включить и шмуцтитул, чтобы не задерживать работу. 6.1.26. *И.Евдокимов*». На следующей партии гранок аналогичная надпись: «Верстать. 8.1.26. *И.Евдокимов*». На этой же гранке помета другой рукой: «Даты набрать петитом». Этой же рукой черными чернилами в гранки внесены даты. Так, уже без автора, была завершена в корректуре работа, не законченная в ходе подготовки наб. экз. к производству.

Данная история с датами протекала без участия автора, никакого отношения к ней Есенин не имел. Поэтому И.В.Евдокимов и не коснулся этого эпизода в своих воспоминаниях, где подробно рассказывал о работе поэта над Собр. ст. Не может быть принято также предположение (см. с.417), что, когда он писал в мемуарах: «зачеркнули

ряд совершенно сомнительных», то имел в виду это фронтальное зачеркивание дат в наб. экз. Прежде всего, в число этих «совершенно сомнительных» дат пришлось бы включить множество несомненных, никем (главное, в данном случае — самим И.В.Евдокимовым) и никогда не оспаривавшихся. Например, среди первых густо заштрихованных дат — 1916 год, которым помечены стихотворения «За горами, за желтыми долами..» и «Опять раскинулся узорно...». Но эти даты не вызывали и не вызывают сомнений: оба стихотворения были впервые напечатаны в 1916 году, из журналов 1916 года они по просьбе и по прямому указанию Есенина были переписаны для включения в Собр. ст. Стихи переписывались, правились и включались в наб. экз. осенью 1925 г., работа была проведена на глазах у всех участников, и откуда могли возникнуть сомнения в датах? Затем, тот же И.В.Евдокимов, подробно описавший работу поэта над датами и явно не стремившийся приукрасить его точность в этом отношении, а скорее наоборот — стремившийся подчеркнуть обоснованность своих сомнений, ни словом не обмолвился ни в мемуарах, ни в примечаниях к Собр. ст. о якобы имевшем место полном «отказе» поэта от проставленных им дат.

Необъяснимой становится и позиция С.А.Толстой-Есениной. Если бы решение об отказе от дат вообще или от всех дат, проставленных в наб. экз., было принято поэтом, она должна была знать об этом, но она никогда не писала и не говорила ни о чем подобном. Более того, в 1940 году она подготовила известный комментарий к сборнику произведений Есенина, где много раз касалась вопросов датировок различных произведений. При этом она постоянно ссылалась на даты, проставленные поэтом в наб. экз. («Дата проставлена по его указанию», «В руко-

писи Собрания датировано автором» и т.п.), но ни слова не сказала о том, что автор якобы произвел «тотальную» их отмену. Она отметила лишь в примечании к «О Русь, взмахни крылами...»: «На рукописи Собрания рукой Есенина проставлены две даты „17" и „1916", обе зачеркнуты». Нет никаких оснований думать, что С.А.Толстая-Есенина пыталась замолчать какие-либо факты.

Изложенное позволяет прийти к заключению, что в датах наб. экз. с достаточным основанием можно видеть выражение авторской позиции и соответственно расценивать эти даты как непосредственное, прямое свидетельство самого Есенина о времени создания тех или иных его произведений.

Разумеется, авторские даты, равно как тексты, должны были быть подвергнуты анализу и проверке. Для проверки в данном случае, как это принято, привлекались рукописи поэта, его свидетельства в письмах и других документах, сведения о поступлении произведений в различные редакции, об их публикациях, воспоминания современников и т.п. Эти документальные материалы позволили подтвердить многие даты наб. экз. В ряде случаев, когда в наб. экз. произведение датировалось только годом, рукописи дали возможность установить более полную дату. Можно отметить случаи, когда в наб. экз. автор повторял даты, которые задолго до этого фигурировали в других документальных источниках, причем повторял их по памяти, не обращаясь к этим источникам. Вместе с тем, был установлен и ряд ошибок в датах, проставленных в наб. экз.

В процессе проверки датировок наб. экз. учитывался целый ряд специфических особенностей этой стороны творческой работы поэта. Как отмечалось выше, за некоторыми исключениями Есенин не указывал при публика-

циях дат своих произведений. По большей части не проставлял он даты и в рукописях. Более того, даже когда в рукописях встречаются даты, на них не всегда можно опираться. Датируя рукописи (особенно беловые), Есенин нередко этим отмечал не время создания стихотворения, а время записи, дату автографа. Таковы, например: помета на одном из автографов «Руси» (РГАЛИ) «31 мая 1916 г.» — между тем стихотворение было напечатано почти за год до этого; дата под автографом «Песни о хлебе» (РГАЛИ) «Апрель 1921» — а сборник, в котором было напечатано стихотворение, вышел не позже февраля 1921 года и т.д.

Хотя рукописное наследие поэта сохранилось в относительно большом объеме, значительная часть автографов представляет собой списки, предназначавшиеся для тех или иных сборников, повторных публикаций, дарений и т.д. Поэтому анализ рукописей и их особенностей (почерк, бумага и т.п.) лишь в редких случаях (исключение — стихотворения 1924—1925 гг.) помогает определить или уточнить даты написания произведений.

Эта работа осложняется состоянием рукописного наследия поэта, которое в настоящее время рассредоточено по многим архивным учреждениям. Ряд важных архивов находится в частном владении, что затрудняет их использование. Нельзя считать завершенной и разработку библиографии прижизненных публикаций произведений Есенина. Остаются ненайденными публикации некоторых его стихотворений.

В ходе подготовки наст. изд. удалось выявить один материал, свидетельствующий, что Есенин еще в 1920 г. предпринимал попытку дать хронологическую систематизацию своих стихотворений. Макет сб. «Руссеянь», как сказано выше, составлен из корректурных оттисков

«Тельца». Этот сборник, готовившийся к выпуску в Госиздате, был там раскритикован, и автор пытался его переработать.

Изучение макета «Руссеяни» показало, что Есенин не сразу пришел к окончательной композиции книги. Авторские пометы позволяют выявить следы одного из промежуточных вариантов, особенность которого состояла в том, что Есенин намеревался построить его по хронологическому принципу. Сохранились, в частности, наметки двух шмуцтитулов — «1914» и «1916». Вероятно, Есенин думал распределить стихи по годам и разделить их подобными шмуцтитулами. Имеющиеся материалы не позволяют судить о том, был ли этот план отработан и доведен до конца, или это лишь набросок. Реконструировать план можно только в малой степени.

Остатки авторской пагинации позволяют выделить два таких годовых цикла. К 1914 году Есенин думал отнести стихотворения: «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Шел Господь пытать людей в любови...», «Осень», «Не ветры осыпают пущи...», «В хате», «Гой ты, Русь, моя родная...», «Я пастух, мои палаты...», «Чую радуницу Божью...». К 1916 — «За темной прядью перелесиц...», «Я снова здесь, в семье родной...», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «О красном вечере задумалась дорога...», «Нощь и поле, и крик петухов...», «О край дождей и непогоды...», «Голубень». Характерно, что все стихи, отнесенные здесь к 1914 г., в наб. экз. датированы так же. Из числа отнесенных к 1916 году — три первых стихотворения в наб. экз. были датированы 1915 г. (в данных случаях в макете дата была определена, видимо, более точно — см. примеч. к этим стихотворениям), четыре следующих в наб. экз. датированы не были.

Важным источником, помогающим в ряде случаев уточнить даты тех или иных произведений, является история их публикаций, включения в авторские сборники и т.п. Однако эти материалы требуют также критического подхода. Если публикация стихотворений в периодике далеко не всегда зависела от самого Есенина, то при включении тех или иных произведений в авторские сборники (разумеется, речь не идет о государственных или других официальных издательствах) воля автора была во многом определяющей. Поэтому отсутствие тех или иных стихотворений в «Радунице» или «Голубени» может представиться косвенным свидетельством того, что эти стихотворения ко времени подготовки сборников еще не были написаны. Однако, подобное предположение будет неверным. Характерный пример — история публикации стихотворения «Устал я жить в родном краю...». Оно было написано в 1916 году, тогда же было напечатано в журнале «Северные записки», но не включалось автором ни в один из его сборников, выходивших в 1918—1919 годах («Голубень», «Преображение», «Радуница»). Только после перепечатки в газете «Советская страна» (в том же номере, в котором публиковалась «Песнь о собаке») оно — так же как и «Песнь о собаке» — вошло в проектировавшийся сборник «Руссеянь» и в последующие — «Плавильня слов», «Трерядница» и др. Отсутствие стихотворения в «Голубени» или «Преображении» объясняется скорее всего композиционными соображениями.

Немало сведений о времени написания отдельных произведений есть в мемуарах. Во многих воспоминаниях встречаются свидетельства самых разных людей о том, как поэт «на их глазах» написал то или другое стихотворение, как они оказались «первыми слушателями» его произведений. Так, например, И.И.Старцев вспоми-

нал: «Возвратясь домой усталый, я повалился на диван. Рядом со мной сидел Есенин. Не успел я задремать, как слышу, меня кто-то будит. Открываю глаза. Надо мной — склонившееся лицо Есенина: „Вставай, гусар, послушай!“ И прочитал написанную им с маху „Волчью гибель“» (Восп., 1, 413). Вот другое свидетельство: «Я только один раз видел Есенина пишущим стихи. Это было днем: он сидел за большим красного дерева письменным столом Айседоры, тихий, серьезный, сосредоточенный. Писал он в тот день „Волчью гибель“. Когда я через некоторое время еще раз зашел в комнату, он, без присущих ему порывистых движений, как будто тяжело чем-то нагруженный, поднялся с кресла и, держа листок в руках, предложил послушать» (Восп., 2, 40). А.Б.Мариенгоф и Л.И.Повицкий по-разному вспоминают обстоятельства написания стихотворения «По-осеннему кычет сова...». Можно привести немало аналогичных примеров. Дело здесь не в обычных ошибках памяти и тем более не в субъективной недобросовестности мемуаристов. Просто они оказывались свидетелями того, что Есенин по существу не *писал*, а *записывал* свои стихотворения.

Все это учитывалось в работе по перепроверке дат наб. экз. и при определении дат стихотворений, которые в наб. экз. не были датированы.

В настоящем издании принят следующий порядок указания дат под текстами произведений:

— воспроизводятся даты, указанные в наб. экз., если они не опровергаются известными в настоящее время документальными источниками (автографами, письмами, временем появления в печати более ранним, чем даты, указанные в наб. экз., и т.п.);

— воспроизводятся также даты из автографов, авторских публикаций и других подобных документальных ис-

точников. Они приводятся в том объеме (то есть с указанием числа, месяца и года или только года и месяца), в котором они даны в данном источнике;

— в тех случаях, когда даты, указанные в наб. экз., опровергаются другими документальными источниками, под стихотворением проставляется или авторская дата из данного источника, или — в угловых скобках — редакционная дата;

— в тех случаях, когда стихотворение не датировано ни в наб. экз., ни в источниках, в угловых скобках ставится редакционная дата, которая ограничивается указанием года, без дальнейших уточнений (месяца, места написания и т.п.).

В комментариях к каждому произведению указывается источник его датировки. Одновременно с этим приводятся также все имеющиеся сведения об авторских датах в других источниках текста; о времени, к которому относятся автографы произведения; о редакционных пометах, позволяющих судить о времени поступления рукописи в редакцию, и другие данные, дающие документальные основания для суждений о времени создания и публикации произведения.

Места написания произведений указываются вместе с датами под текстом только в тех случаях, когда они обозначены в основном источнике и могут расцениваться как элемент авторского замысла.

* * *

Решающая роль Есенина в определении дат произведений, которое проводилось в процессе подготовки наб. экз.,— несомненна. Ясно и то, что эти даты — не просто

бегло и формально проставленные числа. В них выразился взгляд Есенина на свой творческий путь.

Конечно, в строгом смысле слова, даже ясно выраженная воля автора применительно к датам не является доказательством их правильности. История литературы знает десятки случаев, когда писатели сознательно искажали хронологию своего творчества и относили те или иные произведения не к тем годам, когда они были действительно написаны. Вымышленные даты ставились, например, с целью закамуфлировать связь произведений с какими-либо историческими событиями или жизненными обстоятельствами и тем самым затушевать их смысл. Причины подобных хронологических смещений многообразны. Поэтому недостаточно просто выявить авторскую волю в датах. Столь же необходимо — особенно в случаях сомнений и колебаний — найти подтверждение или объяснение авторских дат.

Именно в этом заключается одна из наиболее сложных проблем наследия Есенина.

Сомнения в точности авторских датировок в Собр. ст. появились очень быстро, почти сразу после его выпуска. Широко проблема начала обсуждаться с шестидесятых годов, с начала научных изданий наследия Есенина.

В первую очередь следует отметить, что в процессе обсуждений никогда не высказывались предположения, что, проставляя даты в Собр. ст., Есенин преследовал цели что-либо скрыть или затушевать в истории своей жизни или в творчестве. Не было никаких внешних обстоятельств или внутренних причин, которые могли бы побудить его намеренно поставить ложные даты, чтобы что-то утаить или замаскировать.

Тем не менее сомнения существовали. Наиболее остро дискутировалась датировка ранних стихотворений. Эту

проблему затронул К.Л.Зелинский во вступительной статье к пятитомному собранию сочинений Есенина (М., 1961). Он отметил, что стихи поэта, «обозначенные 1910—1911 годами, но напечатанные значительно позже, возможно, и относятся к более поздним годам», но тем не менее, возглавляя научную подготовку издания, сохранил эти авторские даты.

Потом в обсуждение включилась большая группа исследователей*.

---

* В.Вдовин. «О датировке ранних стихов С.Есенина» — журн. «Вестник Московского университета», серия «Филология. Журналистика», 1965, № 6; Е.Никитина. «Есенин и русская поэзия» — журн. «Волга», Саратов, 1968, № 7; П.Ф.Юшин. «Сергей Есенин». М., 1969; В.Вдовин. «...и над каждой строкой без конца...» — ВЛ, 1969, № 8; В.Белоусов. «Сергей Есенин. Литературная хроника», ч. 1—2, М., 1969—1970; Л.Бельская. «Обоснован ли пересмотр?», В.Вдовин. «Необходимые предпосылки», Е.И.Прохоров. «Несколько общих замечаний» — все: ВЛ, 1972, № 9; В.Кожинов. «Легенды и факты. Когда Есенин стал поэтом?» — РЛ, 1975, № 2; В.Чубукова. «Лирика С.Есенина 1911—1915 годов» — РЛ, 1987, № 2; В.Кожинов. «Когда Есенин стал поэтом?» — сб. «В мире Есенина», М., 1986; К.М.Азадовский. «Есенин» — «Русские писатели 1800—1917». Биографический словарь, т. 2, М., 1992 и др.

Уже в ходе работы над томом появилась заметка С.И.Субботина (см. «De visu», М., 1993, № 11) о якобы имевшем место отказе Есенина от дат в Собр. ст.: «...хотя в наборном экземпляре Есенин и предпринял попытку датировать часть своих стихотворений, в итоге *почти от всех этих дат он отказался*» (подчеркнуто автором). Вывод базируется прежде всего на описанных выше «зачеркиваниях», которые a priori объявлены принадлежащими Есенину. Заметка содержит явные противоречия (например, если Есенин в ноябре 1925 г. зачеркнул практически все даты, то как мог И.В.Евдокимов *после этого* писать, что сохранены даты, «установленные с несомненностью», и т.п.). В заметке отсутствует главное: в ней нет *текстологических* доказательств того, что в наборном экземпляре даты зачеркнуты рукой Есенина.

При этом значительно расширился круг «спорных» стихотворений, в него начали включаться произведения 1915, 1916 и даже более поздних лет. Вопросы вызывает прежде всего резкая качественная разница между стихами, датированными в наб. экз. 1910—1913 годами, и произведениями, бесспорно относящимися к этому периоду (стихи из тетрадей, переданных Есениным Е.М.Хитрову в 1912 году, цикл «Больные думы», стихи из писем к Г.Панфилову и М.Бальзамовой и т.п.). В качестве аргументов, подтверждающих сомнения, выдвигается то, что Есенин, оставляя стихи на память своему учителю или составляя целый цикл для публикации, извещая друзей о своих замыслах, не упоминает о таких стихах, как «Матушка в купальницу по лесу ходила...» или «Дымом половодье...», а отбирает стихи в основном подражательные, в которых ясно ощутимы перепевы Надсона, Дрожжина, Сурикова и др. Еще чаще обращают внимание на то, что стихи, отнесенные Есениным в наб. экз. к раннему периоду, за несколькими исключениями, не появлялись в московских изданиях, где он печатался в 1914—1915 годах, а оставались неопубликованными до начала его сотрудничества в петроградских журналах.

Все эти аргументы, несомненно, серьезны, в них — реальные противоречия, с которыми сталкивается любой читатель и исследователь. Но они все же не могут служить достаточным основанием для отмены авторских датировок.

Прежде всего следует отметить, что когда Есенин в наб. экз. датировал ряд стихов из «Радуницы» годами своей жизни в деревне, это не было чем-то совсем новым в его самооценках, чем-то связанным с ситуацией 1925 года и невозможностью «проверить даты по рукописям». Он много раз и раньше подчеркивал, что значительная

часть стихов, печатавшихся в Петрограде в 1915—1916 годах, была написана им задолго до этого. В автобиографии 1922 года он писал, что его «сознательное творчество» началось в 1911—1912 годы и что «некоторые стихи этих лет помещены в „Радунице“». Это было написано в 1922 году и повторено в автобиографии 1925 года. «В это время <то есть в 1913 г.> у меня была написана книга стихов «Радуница»,— свидетельствовал он в автобиографии 1924 года. В 1920 или 1921 году он говорил И.Н.Розанову: «Эти „Маковые побаски“ <цикл из первого издания «Радуницы», куда входит большинство «спорных» в отношении дат стихов> написаны были мною, когда мне было около четырнадцати лет» (Иван Розанов. «Есенин о себе и других», М., 1926, с. 14) — иными словами, около 1909 г. В «Предисловии» к проектировавшемуся в 1923—1924 гг. изданию произведений он писал: «В этом томе собрано почти все, за малым исключением, что написано мной с 1912 года». Это издание должно было строиться на основе гржебинского сборника и, следовательно, открываться стихотворением «Край любимый! Сердцу снятся...». Нет никаких данных, что поэт намеревался расширить издание и включить в него, например, «Выткался на озере алый свет зари...» или «Дымом половодье...», как это было сделано в Собр. ст. Это устраняет внешнее противоречие между «Предисловием», где начало отнесено к 1912 году, и датировками наб. экз., где ряд стихов помечен 1910 годом. Иными словами, поэт неоднократно подчеркивал, что многие его стихи, вошедшие в «Радуницу», а потом открывшие первый том Собр. ст., написаны им еще в годы жизни в деревне.

То, что стихи, публиковавшиеся Есениным в петроградских журналах и газетах в 1915 году, были написаны им раньше, подтверждается и обстоятельствами его появ-

ления в Петрограде, литературных выступлений там. 9 марта 1915 года, после первой встречи с Есениным, Блок делает пометку на его письме: «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные» и пишет М.П.Мурашеву: «Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к Сергею Митрофановичу <Городецкому>» (Блок, 8, 441). Неизвестно, какие именно стихи отобрал Блок и что читал ему Есенин. Но оценка Блоком стихов Есенина как «свежих» и «голосистых» говорит о том, что Есенин пришел к нему со стихами более значительными, чем те в большинстве своем вполне ординарные произведения, которые до этого печатались в московских журналах. Подтверждением того, что в марте 1915 года Есенин приехал в Петроград с немалым запасом написанных, но еще не опубликованных вещей, могут служить его слова из письма Н.А.Клюеву от 24 апреля 1915 года: «Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51».

Разрыв между указанными в наб. экз. датами написания и временем появления в печати многих ранних произведений действительно значительный. Объяснение тому, что в мелких московских журналах в 1914—1915 гг. появлялись стихи вроде «Сиротки» или «Побирушки», а несравненно более совершенные оставались ненапечатанными, надо искать, как представляется, в условиях жизни поэта в Москве, в характере его тогдашнего литературного окружения.

В критике справедливо отмечалось, что Есенин в годы московской жизни должен был учитывать как профиль ряда этих изданий (многие журналы были детскими), так и уровень требований редакций, стиль изданий, где он печатался («Друг народа», «Парус», «Мирок», «Проталинка» и др.). Тип этих изданий, сама их природа не могли не сказаться на его творчестве, на том отборе, который он

должен был производить среди своих произведений. Господствующая в этих изданиях манера письма, несомненно, наложила отпечаток на часть того, что было им создано и предлагалось для публикации. Характерно в этом отношении, например, что в журнал «Млечный Путь», отношения с редакцией которого были очень недолгими — несколько зимних месяцев 1914/15 г.,— Есенин сдал не только два стихотворения, которым суждено было стать одними из лучших в его наследии («Выткался на озере алый свет зари...» и «Зашумели над затоном тростники...»), но и два других стихотворения, которые к его шедеврам не отнести — «Ты ушла и ко мне не вернешься...» и «Буря» (эти два стихотворения остались ненапечатанными, как свидетельствует И.И.Морозов, потому что прекратилось издание журнала). В данном случае важно отметить, что поэт одновременно предлагал для издания вариации на привычные темы и действительно лирические шедевры.

То, что в редакциях названных журналов, в московском окружении Есенина не смогли разглядеть и оценить своеобразие его дарования, масштабы его таланта, дает объяснение чувству творческой неудовлетворенности, которое испытывал молодой поэт в то время.

Отношения Есенина с «суриковцами» завершились, как известно, резким разрывом, когда он демонстративно заявил о выходе из кружка.

Не менее напряженными были его отношения и с литературным кружком, группировавшимся вокруг журнала «Млечный Путь». Д.Н.Семеновский вспоминал: «Он уже печатался в разных небольших журналах,— главным образом в детских. Охотно и много читал знакомым свои стихи. Часть их вошла потом в „Радуницу" <...> Был в то время маленький литературно-художественный журнал

„Млечный Путь“, дававший на своих немногочисленных страницах приют начинающим поэтам, беллетристам и художникам. На собраниях сотрудников „Млечного Пути“, вокруг самовара редактора-издателя, авторы читали стихи, рассказы. Есенин, как один из самых молодых „млечнопутинцев“, встречал здесь подчас полунасмешливое, полуснисходительное отношение к себе. Его мало печатали, не хотели слушать. Понятно, это обижало его». И дальше он привел собственные слова Есенина, сказанные в 1923 году: «Вы в „Млечном Пути“ считали меня дураком,— вспомнил он.— Смеялись надо мной...» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1926, 31 января, № 25).

Показательны в этом отношении оценки, которые давали московские литературные знакомые Есенина его первым петроградским публикациям. Один из «суриковцев», С.Д.Фомин, 27 января 1916 г. писал Л.М.Клейнборту по поводу выступления Есенина и Н.А.Клюева в Обществе свободной эстетики: «...ломанье их в литературе и маскарад на вечерах — мне не нравятся. Пожалуй, они далеки от настоящего народничества» (ИРЛИ). В письме к тому же адресату от 9 июня 1916 г., отрицательно оценив повесть «Яр», он называет «корявыми» и стихи Есенина (ИРЛИ). А ведь к этому времени вышла «Радуница», были опубликованы циклы стихов в «Ежемесячном журнале», «Русской мысли», «Биржевых ведомостях» и т.д.

Более чем сдержанно отнесся к «Радунице» Г.Д.Деев-Хомяковский, увидевший в сборнике Есенина и «Мирских думах» Н.А.Клюева лишь «собирательный материал, обработанный в красивые стихотворные формы из народных песен той или иной местности» — иными словами, стилизацию под фольклор (журн. «Друг народа», М., 1916, № 1, октябрь, с. 76).

Подтверждение тому, что московские редакции в то время недооценили стихи Есенина, можно видеть, например, в том, что одно из наиболее значительных его произведений — «Русь», которая была, несомненно, написана еще в московский период и тогда же читалась друзьям — в Москве так и не была напечатана. Выше приведено свидетельство Д.Н.Семеновского, что в годы московской жизни Есенин читал стихи из «Радуницы», но ведь в московских изданиях они тоже тогда не появились. На тот круг московских редакций, с которыми ему приходилось общаться, жаловался Есенин в письме Г.Панфилову осенью 1913 г.: «Москва не есть двигатель литературного развития, а она всем пользуется готовым из Петербурга. Здесь нет ни одного журнала. Положительно ни одного. Есть, но которые только годны на помойку...». Об этом же свидетельствует А.Р.Изряднова: «Настроение было у него угнетенное: он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать» (Восп., 1, 144).

В известной мере так же подходил к оценке стихов Есенина в годы его учебы в Спас-Клепиковском училище преподаватель словесности Е.М.Хитров. Еще при жизни поэта, в феврале 1924 года он вспоминал: «Стихи он начал писать с первого года своего пребывания в школе. Я удивлялся легкости его стиха. Однако в первые два года мало обращал внимания на его литературные упражнения, не находя в них ничего выдающегося. Писал он коротенькие стихотворения на самые обыденные темы. Более серьезно занялся я им в третий, последний год его пребывания в школе, когда мы проходили словесность. Стихи его всегда подкупали своей легкостью и ясностью. Но здесь уже в его произведениях стали просачиваться и серьезная мысль, и широта кругозора, и обаяние поэтического творчества» (Восп., 1, 139—140). Между тем среди сти-

хов «на самые обыденные темы», которым Е.М.Хитров не придавал значения, могли быть и «Вот уж вечер. Роса...», и «Ты поила коня...», и другие. Разве они не «подкупают своей легкостью и ясностью»? И не написаны ли они на «обыденные темы»? «Звезды» были выделены Е.М.Хитровым, видимо, потому, что он услышал в них «высокие» лермонтовские мотивы. Поэтому Есенин переписал для него в тетрадь стихи, где можно было усмотреть «широту кругозора», а не «коротенькие стихотворения на самые обыденные темы».

Значение встречи Есенина с А.А.Блоком в марте 1915 года в том-то и заключалось, что, по существу, Блок первый распознал его исключительную художественную одаренность, помог Есенину услышать и открыть самого себя.

В ограниченности московского литературного окружения — одна из причин того, что в допетроградский период значительная чáсть стихотворений Есенина (причем именно та часть, которая отличалась от расхожих стереотипов и которой в силу этого суждено было особо выделиться в его наследии) оставалась ненапечатанной. Окружение Есенина, литературная обстановка, в которой он тогда жил, не давали ему возможности до конца разобраться ни в самом себе, ни в современной литературе. «Хорошим по мысли» он мог находить банальнейшее стихотворение Н.В.Корецкого. В те годы Есенин был в немалой степени литературно дезориентирован. Ему еще предстояло научиться отличать золото истинной поэзии от словесного шлака. Вот почему, отмечая в автобиографии, чтó ему дало начавшееся в 1915 году общение с А.А.Блоком и Н.А.Клюевым, он писал: «Блок и Клюев научили меня лиричности». Он считал, что они прежде всего помогли ему утвердиться как поэту в профессиональном плане, но

никогда не говорил, что *стал поэтом* лишь после общения с Блоком и Клюевым.

Этим объясняется и то, что в допетроградские годы в его творчестве хронологически совмещались разные по своим художественным достоинствам, образной природе и стилистическому складу произведения. Само по себе хронологическое «сосуществование» сильных и слабых вещей в наследии одного поэта, тем более среди юношеских произведений,— явление обычное. Оно подтверждается творчеством многих и многих поэтов (скажем, А.Кольцова или М.Лермонтова). У Есенина это осложнялось особыми обстоятельствами первых лет его литературной жизни. Делать из факта достаточно обычного временно́го совмещения самостоятельных и подражательных вещей выводы о необходимости пересмотра авторских дат с тем, чтобы придать творческому пути жесткую линейную перспективу,— неправомерно.

Еще более неправомерными выглядят попытки искусственно конструировать начальную часть творческого пути Есенина, ограничив ее стихами из тетрадей Е.М.Хитрова и «Больными думами» и соответствующим образом передатировав остальные его произведения. Между тем, на подобной основе рождаются утверждения, будто в начале своего творческого пути Есенин «создает стихотворения, как правило, подражательные», а источники подражания — Кольцов, Лермонтов и «любимый им Надсон». То, что есть стихи Есенина, написанные в подражание этим поэтам,— неоспоримо. Но свести начало его творческой жизни к подобным стихам, к литературному подражательству — значит существенно исказить саму природу дарования великого русского поэта. Первоосновой есенинского творчества была та стихия русских народных песен, частушек, сказок, загадок, пословиц, в которой он вырос. Он

многократно подчеркивал: «К стихам расположили песни, которые слышал кругом себя...», «Стихи начал писать, подражая частушкам...» и т.п. На этот главный органический источник его стихов обратила внимание большая группа критиков и рецензентов, в первую очередь — А.А.Блок, З.Н.Гиппиус, С.М.Городецкий. Каждый из них по-своему, каждый со своих позиций, но увидели все и расценили как отличительный признак его таланта. Этот неоспоримый исторический факт полностью разрушает умозрительные конструкции, базирующиеся на представлении, что Есенин шел от литературных подражаний.

Гораздо более продуктивными представляются попытки понять некоторые особенности творческой манеры Есенина, которые самым непосредственным образом сказались на датировке им своих произведений. Для Есенина было характерно долгое «вынашивание» своих вещей. При этом далеко не всегда он работал прямо по бумаге. «У Есенина была своеобразная манера в работе,— свидетельствовал И.И.Старцев.— Он брался за перо с заранее выношенными мыслями, легко и быстро облекая их в стихотворный наряд. Если это ему почему-либо не удавалось, стихотворение бросалось. Закинув руки за голову, он, бывало, часами лежал на кровати и не любил, когда его в такие моменты беспокоили. Застав однажды Есенина в таком состоянии, Сахаров его спросил, что с ним. Есенин ответил: „Не мешай мне, я пишу“» (Восп., 1, 412). О том же вспоминал М.П.Мурашев: «Обычно Есенин слагал стихотворение в голове целиком и, не записывая, мог читать его без запинки <...> Читал, а сам чутко прислушивался к ритму. Затем садился и записывал. <...> Прочитанное вслух стихотворение казалось вполне законченным, но когда Сергей принимался его записывать, то делал так: напишет строчку — зачеркнет, снова напишет — и опять

зачеркнет. Затем напишет совершенно новую строчку. Отложит в сторону лист бумаги с начатым стихотворением, возьмет другой лист и напишет почти без помарок. Спустя некоторое время он принимался за обработку стихов; вначале осторожно. Но потом иногда изменял так, что от первого варианта ничего не оставалось» (Восп., 1, 188). В такой манере работы можно найти объяснение тому, что среди рукописного наследия поэта, особенно ранней поры, сравнительно немного черновых рукописей.

Можно привести целый ряд примеров, когда временно́е «расстояние» от этих первоначальных (чаще всего — устных) редакций до окончательных текстов было весьма значительным (разумеется, по меркам поэта, весь литературный путь которого составил немногим более одного десятилетия). Вот один из примеров, причем взятый не из ранней лирики, а — что еще показательнее — из поздней. Стихотворение «Вижу сон. Дорога черная...» — из числа лучших в его наследии. На черновой рукописи четкая дата: 2 июля 1925 г. (Дата проставлена не рукой поэта, но сомнений не вызывает.) Беловой автограф переписан автором явно тогда же и с этого черновика. Полностью согласуется с этой датой и срок первой публикации — она состоялась 20 июля 1925 г. Стихотворение хорошо укладывается в обстоятельства личной жизни поэта (время вступления в брак с С.А.Толстой). Казалось бы, все это дает исчерпывающие данные о времени создания стихотворения.

Но всем этим несомненно убедительным данным противостоит свидетельство Н.Д.Вольпин, которая утверждает, что Есенин читал ей это стихотворение, когда она навещала его в так называемой «больнице на Полянке», то есть в декабре 1923 года (журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1987, № 4, с. 174). Значит, по Н.Д.Вольпин, сти-

хотворение написано на полтора года раньше! Можно было бы предположить, что это случай нередкого для мемуаров смещения во времени. Но дело в том, что в 1925 г. Н.Д.Вольпин с Есениным не встречалась и, следовательно, такого «сдвига» в памяти вообще не могло произойти. Значит ли это, что мемуаристка вообще не слышала авторского чтения этого стихотворения? Конечно, нет. Н.Д.Вольпин, несомненно, слышала, как Есенин читал стихотворение, и, вероятно, в нем были строки и строфы, сходные с теми, которые он записал в 1925 г. Эти строки и строфы могли жить в сознании поэта много лет, они могли возникнуть и до 1923 года (недаром один из исследователей справедливо усмотрел в стихотворении отсветы блоковских тем), но сложились в целостное произведение они в 1925 году. Можно ли на основании подобного свидетельства считать, что стихотворение создано не в 1925, а в 1923 году и соответственно изменить его дату? Думается, это было бы ошибкой. Лишь наглядно сопоставив тексты разного времени и убедившись в их тождественности или художественной близости, в их стилистическом единстве, можно было бы пересмотреть датировку. В данном случае таких источников нет, и изменение авторской даты без подобного анализа и документального подтверждения явилось бы произволом. Никто в подобных случаях, кроме самого автора, не вправе судить о том, *когда* именно из первоначальных заготовок и наметок родилось целостное произведение, *когда* произошел тот таинственный процесс, который соединил атомы слов и строк в законченное единство.

Подобные случаи длительного, «изустного» существования произведений у Есенина не единичны. Из числа наиболее известных — «Черный человек», многие стихи «Москвы кабацкой», из ранних вещей — «Маковые по-

баски», «Микола» и др., где известны убедительные свидетельства их достаточно длительного «допечатного» бытия.

Опасность передатировок в случаях, сходных с «Вижу сон. Дорога черная...» (независимо от того, сдвигается ли стихотворение в результате к более ранним или более поздним срокам), заключается в том, что несомненно *авторские* даты заменяются на даты в лучшем случае *предположительные*, которые конструируются различными толкователями текстов поэта.

У Есенина была еще одна особенность в датировке некоторых событий своей творческой жизни, которая вполне могла сказаться на определении дат тех или иных произведений. Он иногда видел в датах не просто хронологическую фиксацию фактов создания или публикации, а нечто иное. Так, например, в 1923 году он написал в автобиографии: «...осенью (1915) появилась моя первая книга „Радуница"». Установлено, что сборник в действительности вышел 1 февраля 1916 г. Конечно, можно предположить, что поэт забыл, когда появился сборник, хотя речь велась о первой книге, да и времени прошло не так уж много. Но еще неожиданнее звучат его слова о той же самой книге в автобиографии 1924 года: «Вышла она в ноябре 1915 г. с пометой 1916 г.». Здесь автор указал даже месяц выхода сборника — и вновь неправильно. Но вот что примечательно: именно в ноябре 1915 г. Есенин подписал запродажную на этот сборник и передал рукопись издателю М.В.Аверьянову. Этот акт продажи, своего рода отчуждение рукописи, скорее всего, и имел в виду автор, когда писал, что книга вышла в 1915 г. Не в этом ли одна из причин того, что в ряде документов Есенин называл различные газеты и журналы, в которых он якобы печатался, а в самих этих изданиях его вещей нет? Может

быть, он передавал в эти редакции свои стихи, даже получал авансы, и вот этот-то момент передачи в его представлении и становился своеобразным рубежом в судьбе произведения. Поэтому в его понимании датой произведения могло послужить и время подобного отчуждения, редакционной фиксации.

Все вышеизложенное обязывает подходить к авторским датам Есенина с ясным пониманием того, что это не даты нотариальных актов, исторических документов или писем. Для Есенина в датах, которые он проставлял под произведениями, было гораздо более глубокое содержание, нежели формальная фиксация года и числа. В этих датах воплощалось понимание автором своего творческого пути, его свидетельство о времени возникновения и воплощения творческих замыслов, о времени создания произведений.

Равно опасны как нигилистическое отношение к авторским датам, так и стремление их абсолютизировать. Разумеется, пока остаются неизвестными автографы или публикации стихотворений, относящиеся к тем же годам, которыми они помечены по прошествии ряда лет автором, трудно с абсолютной уверенностью утверждать, что они были написаны именно тогда и, главное, каков был их изначальный текст. Если между датой создания, указанной поэтом, и публикацией проходит значительное время, всегда есть возможность изменения текста, его совершенствования. Но это не означает, что в таких случаях можно отказаться от авторских дат. Если руководствоваться нередко раздающимися предложениями опираться при датировке стихов Есенина по преимуществу на сроки первых публикаций, то из первых ста стихотворений, вошедших в этот том, авторские даты сохранились бы

лишь у полутора десятков. Остальные пришлось бы отбросить*.

При таком подходе все годы жизни Есенина до переезда в Петроград придется считать периодом долитературным, а в нем самом видеть всего лишь «выученика» Клюева или Блока.

Не менее ложна и бездумная апологетика авторских дат. Рожденные из поверхностных сопоставлений, на основе некритического подхода к авторским датам выводы типа «Есенин не знал ученического периода» имеют мало общего с реальностью и наукой. Они столь же далеки от истины, как и выводы типа «Есенин начинал как подражатель Надсона».

---

* К числу таких стихотворений будут относиться: «Вот уж вечер. Роса..», «Там, где капустные грядки...», «Поет зима — аукает...», «Под венком лесной ромашки...», «Темна ноченька, не спится...» «Хороша была Танюша, краше не было в селе...», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...», «Подражанье песне», «Выткался на озере алый свет зари...», «Матушка в купальницу по лесу ходила...», «Зашумели над затоном тростники...», «Троицыно утро, утренний канон...», «Дымом половодье...», «Сыплет черемуха снегом...», «Калики», «Задымился вечер, дремлет кот на брусе...», «Край любимый! Сердцу снятся...», «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «Шел Господь пытать людей в любови...», «Осень», «Не ветры осыпают пущи...», «В хате», «По селу тропинкой кривенькой...», «Гой ты, Русь, моя родная...», «Я пастух, мои палаты...», «Сторона ль моя, сторонка...», «Сохнет стаявшая глина...», «Чую радуницу Божью...», «По дороге идут богомолки...», «Край ты мой заброшенный...», «Заглушила засуха засевки...», «Черная, потом пропахшая выть!..», «Топи да болота...», «Корова», «Табун», «Прощай, родная пуща...», «Покраснела рябина...», «Твой глас незримый, как дым в избе...», «Там, где вечно дремлет тайна...», «Тучи с ожереба...», «То не тучи бродят за овином...», «Разбуди меня завтра рано...», «О муза, друг мой гибкий...», «Я покинул родимый дом...», «Хорошо под осеннюю свежесть...», «Песнь о собаке», «Закружилась листва золотая...», «Теперь любовь моя не та...» и т.д.

Противоречие, о котором говорилось выше, когда сближенными во времени (а отсюда и в творчестве) оказываются стихи самобытные, стихи, в которых даже неискушенный человек легко почувствует полное и свободное поэтическое дыхание, и стихи далекие от совершенства или явно подражательные,— это противоречие должно решаться не на основе произвольных передатировок и тем более замен авторских дат, а на основе глубокого и научного их понимания и интерпретации.

* * *

В комментариях составитель следовал общим принципам, установленным для настоящего издания.

Это касается, в частности, истории восприятия и оценок творчества Есенина в прижизненной критике, хотя освещение этих проблем в комментариях тома имеет некоторые особенности. Есенин внимательно следил за критикой, которая играла немаловажную роль в его литературном развитии. Некоторые статьи получали непосредственное отражение в его произведениях и тем самым становились фактом творчества. Многие статьи, посвященные творчеству Есенина, выходили за рамки оценок того или иного сборника и становились фактами литературной и общественной жизни своего времени. Все это диктовало необходимость широкого охвата этих материалов.

Однако приходилось учитывать, что большинство отзывов и статей было связано с появлением тех или иных сборников поэта. В настоящем томе представлены все сборники, которые вышли при жизни поэта (за исключением объединявших только «маленькие поэмы»). Поэтому обзор отзывов о них вольно или невольно перерос бы в обзор подавляющей части всего того, что было написано

о Есенине на протяжении его творческого пути. А это явно вышло бы за рамки комментариев. Составитель поэтому вынужден был ограничиться ссылками на суждения только по поводу тех или иных *конкретных* стихотворений.

Существенную проблему, возникающую при комментировании произведений Есенина, составляет то, что во многих его стихах нетрудно расслышать прямые отзвуки произведений других авторов или ощутить их неявную сопряженность. Много раз отмечались взаимосвязи целого ряда стихотворений Есенина (особенно позднего периода) и произведений А.С.Пушкина. Не раз говорилось, например, об интертекстуальных связях между «Отговорила роща золотая...» и «Выхожу один я на дорогу...» М.Ю.Лермонтова и «Давай ронять слова...» Б.Л.Пастернака. На поверхности лежат подобные параллели между «Цветы мне говорят — прощай...» и строками А.А.Фета:

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой...

Или такие же связи между рядом стихов Есенина 1917—1918 гг., где варьируется тема звезды, ее вещего, путеводного блеска, и строками Ф.И.Тютчева:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда...

Современники остро слышали совпадение интонаций Есенина и А.А.Блока: «...рисунок, данный Блоком в «Стихах о России», бережно сохраняется Есениным,— писал К.В.Мочульский.— Он только разрабатывает детали, подчеркивает неуловимые штрихи, нагромождает па-

раллели» (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31). Сами собой складываются параллели между «Осенью» Есенина и «Осенней волей» и другими стихами А.А.Блока. Эмоциональные, красочные эпитеты Есенина находят много аналогий в стихах Г.Р.Державина (даже к знаменитому «розовому коню» есть параллель в одной из строк «Водопада» — «На сребророзовых конях...»). Нет необходимости напоминать здесь имена А.В.Кольцова, И.З.Сурикова, И.С.Никитина, С.Д.Дрожжина — этому посвящен ряд специальных работ. Очевидны взаимосвязи между целым рядом стихотворений Есенина и Андрея Белого, Есенина и Н.А.Клюева. Еще легче найти общность между Есениным и такими его сверстниками и товарищами, как С.А.Клычков, А.Б.Кусиков, А.Б.Мариенгоф или Н.Р.Эрдман (при всей несхожести этих поэтов между собой). Если сопоставить, к примеру, «Зашумели над затоном тростники...» Есенина и «Семик» А.Н.Толстого (сб. «За синими реками», 1911), то из них без труда можно составить единый текст (центон) — столь велика их сюжетная, лексическая, стилистическая, ритмическая близость. Правда, в то же время видно изначальное несходство этих текстов, отчетливо рисующее глубокое различие в отношении двух поэтов к общим фольклорным источникам.

О литературности стихов Есенина, обилии возможных реминисценций и широте связей со стихами других поэтов резко и категорично писал еще в 1924 году Ю.Н.Тынянов: «Литературная личность Есенина — от „светлого инока" в клюевской скуфейке до „похабника и скандалиста кабацкой Москвы" — глубоко литературна. Его личность — почти заимствование,— порою кажется, что это необычайно схематизированный, ухудшенный Блок, пародированный Пушкин <...> Теперь он кажется порою хре-

стоматией „от Пушкина до наших дней“» (журн. «Русский современник», Л.— М., 1924, № 4, с. 212). Оспаривать мнение Ю.Н.Тынянова, что поэт не был силен ни «новизной», ни «самостоятельностью», а лишь «эмоциональным тоном» своей лирики, нет нужды: история читательского восприятия творчества Есенина говорит сама за себя.

Специальное, широкое исследование литературных связей и параллелей, несомненно, важно и плодотворно. Многое в этом отношении уже сделано большой группой ученых и критиков (прежде всего, А.М.Марченко, А.К.Жолковским и др.). Но в рамках комментария провести эту работу представляется нереальным, хотя бы по причине обилия материала и ограниченности объема. Поэтому в комментариях указание параллелей между стихами Есенина и других поэтов вынужденно ограничивается указанием лишь таких случаев, когда следование тем или иным стилистическим приемам других поэтов, прямое или завуалированное цитирование их стихов имело целенаправленный характер и входило в художественную задачу самого Есенина. Это касается и параллелей, возникающих между некоторыми его произведениями и фольклорными источниками.

Составитель считает своим долгом отметить, что при подготовке тома была учтена работа, проведенная в 1960—1962 гг. в ходе выпуска первого пятитомного собрания сочинений поэта Е.А.Есениной, В.Ф.Земсковым, С.А.Коваленко, С.П.Кошечкиным, Л.К.Кувановой, С.С.Масчан, И.С.Правдиной, Ю.Л.Прокушевым. Фронтальная текстологическая работа, проведенная тогда впервые, явилась базой для всех последующих изданий и существенно помогла при подготовке данного Полного собрания сочинений.

Составитель выражает признательность Н.В.Есениной и С.П.Есениной за предоставленную возможность использовать материалы из собраний сестер поэта — Екатерины Александровны и Александры Александровны. Ценные советы дала составителю Т.П.Флор-Есенина (1933—1993). Значительную помощь оказали Н.Н.Браун, Н.И.Гусева, Н.Г.Князева, Н.Н.Макеев, Ю.А.Паркаев, С.И.Субботин, Н.Г.Юсов, которые познакомили составителя с собранными ими документальными материалами или поделились своими наблюдениями и разысканиями, что позволило обогатить комментарии.

«Вот уж вечер. Роса...» (с. 15).— Собр. ст., 1.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. Текст был продиктован автором С.А.Толстой-Есениной в период подготовки Собр. ст. На списке в наб. экз. ее помета: «Самое первое. 1910 г.» Датируется согласно этой помете.

В 1919—20 гг. Есенин предполагал выпустить сборник Тел., который был задуман как своего рода итоговый. Возможно, в связи с подготовкой этого издания на обороте одного из листов чернового автографа стихотворения «Хулиган» (РГБ) он набросал перечень стихотворений. В перечень включены стихи, относящиеся к различным периодам его творческого пути, начиная с ранних, преимущественно не вошедшие в Тел. Это как бы дополнение к составу сборника. Список открывается стихотворением «Там, где...», следующим назван «Вечер», далее известные стихи «Рекруты», «Калики», «Дед» и др. Под заглавием «Вечер» в $Р_{16}$ публиковалось стихотворение «На лазоревые ткани...» (однако оно входило в Тел. и поэтому в данном списке не должно было фигурировать). Стихотворение Есенина с таким заглавием зарегистрировано как поступившее 16 января 1915 г. в редакцию Еж. ж. Из числа ранних стихов такой заголовок могло также иметь «Ве-

чер, как сажа...». Но не исключено, что в 1919 г. под этим заголовком — тем более в соседстве с «Там, где...» — могло подразумеваться «Вот уже вечер. Роса...».

В 1940 г. С.А.Толстая-Есенина об этом и следующем стихотворениях писала: «По словам Есенина, это его первые стихи. Считая их слабыми, он не хотел включать их в „Собрание“. Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких. Текст был продиктован им. Дата проставлена по его указанию» (Восп., 2, 260).

Возражения против авторской датировки высказывал В.А.Вдовин, аргументируя это отсутствием рукописей стихотворения или других документальных подтверждений его создания в 1910 г., а также его стилистическим отличием от стихов, достоверно относящихся к тому времени: «Это стихи зрелого мастера, ошибочно датируемые 1910 годом» (журн. «Вестник МГУ», серия VII, Филология, журналистика, 1965, № 6, с. 94). Стилистический анализ, подтверждающий принадлежность стихотворения к ранним опытам поэта, сказавшуюся в нем «непосредственность и неопытность в обращении со словом» приводит, полемизируя с В.А.Вдовиным, Л.Л.Бельская (ВЛ, 1972, № 9, с. 175—176).

«*Там, где капустные грядки...*» (с. 16).— Собр. ст., 1.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной) с исправлением в ст. 2 («поливает» вместо «поливают»).

Текст этого стихотворения, также как и предшествующего, был продиктован в 1925 г. автором С.А.Толстой-Есениной, которая на списке в наб. экз. пометила: «Второе. 1910 г.»

В черновой рукописи первой редакции стихотворения «Хулиган» (РГБ) есть две строки, близкие к ст. 3 и 4 стихотворения «Там, где капустные грядки...». Образ «клененочка маленького» должен был завершить стихотворение «Дождик мокрыми метлами чистит...», которое поначалу задумывалось как преимущественно пейзажное. На основании текстуальной близости данных строк выдвигалось предложение датировать «Там, где капустные грядки...» «не ранее 1919 года» — времени создания стихотворения «Хулиган» (Юшин П.Ф., «Сергей Есенин», М., 1969, с. 76; ВЛ, 1972, № 9, с. 180—181).

Однако на одном из листов той же рукописи «Хулигана» имеется составленный автором перечень стихотворений, который открывается «Там, где...». В данном случае скорее всего имелось в виду именно стихотворение «Там, где капустные грядки...», а это позволяет сделать вывод, что автор еще в 1919 г. предусматривал возможность публикации этого стихотворения как самостоятельного произведения. Появление же строк о «клененочке маленьком» среди черновиков 1919 г. может быть объяснено тем, что Есенин, очевидно, попытался использовать давно возникший у него поэтический образ, но потом отказался от этого намерения и восстановил стихотворение в первоначальном виде. Весьма спорным представляется предположение, что под записью «Там, где...» скрывалось стихотворение «Там, где вечно дремлет тайна...», т.к. перечень практически полностью составлен из стихов, не вошедших в Тел., а данное стихотворение включено в сборник. Кроме того, если видеть в списке прикидку композиции будущего сборника, то «Там, где вечно дремлет тайна...» никак не могло соседствовать с «Рекрутами».

«Поет зима — аукает...» (с. 17).— Журн. «Мирок», М., 1914, № 2, февраль, с. 57; детские альманахи «Творчество», кн. 1, М.—Пг., 1917, с. 74.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф — ИРЛИ (ф. М.В.Аверьянова), без даты, в составе рукописи сб. «Зарянка», подготовленного Есениным в 1916 г. На списке в наб. экз. С.А.Толстая-Есенина пометила: «1910 г. Третье». Датируется по этой помете.

В первых публикациях — под заглавием «Воробышки». По сообщению С.А.Толстой-Есениной, среди материалов Собр. ст. имелась машинописная копия стихотворения с заглавием «В дурную погоду». «Готовя „Собрание", Есенин снял название» (Комментарий — ГЛМ).

Стихотворение входило в число тех произведений Есенина, которые вскоре после выхода в свет начали перепечатываться в различных хрестоматиях и других изданиях для детей. Вошло в сб. «Урожай. Вторая после азбуки книга для чтения». Составил Н.Казмин-Вьюгов, Пг., 1918, с. 104; «Утренние зори. Вторая книга для чтения», М.—Пг., 1923 (под заглавием «В дурную погоду»); «Красная звездочка», Харьков, 1924, № 1, с. 6; «Зеленый шум. Хрестоматия для трудовой школы. Первый год», М.—Пг., 1923 (семь изданий в 1923—25 гг.). В альм. «Творчество» было напечатано с двумя рисунками Д.С.Моора.

«Под венком лесной ромашки...» (с. 19).— ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф — в 1926 г. был описан И.В.Евдокимовым (Собр. ст., 4, 321), местонахождение в настоящее время не установлено, сохранилась копия, сделанная И.А.Белоусовым (РГАЛИ). Копия — по новой орфографии, следовательно, выполнена после 1918 г. Автограф, очевидно, не был датирован; поскольку он находился у И.А.Белоусова, то предположительно может быть отнесен к 1914 г. При подготовке Собр. ст. в наб. экз. стихотворение было помечено 1911 г. Датируется в соответствии с этой пометой.

В ГЛМ — просмотренный автором единый список этого и трех других стихотворений из ГЖ, выполненный в 1925 г. И.И.Есениным (см. с. 395—396 наст. тома).

В ГЖ было напечатано вместе со стихотворениями «Темна ноченька, не спится...», «В хате» и «По дороге идут богомолки...». Это была первая крупная публикация Есенина в столичной печати (в том же апреле в «Новом журнале для всех» было напечатано «Зашумели над затоном тростники...», а в журнале «Задушевное слово» — «Черемуха»). Позже, в краткой автобиографии, выделяя этот факт, Есенин писал даже, что в ГЖ он «напечатался впервые», хотя, как известно, публиковаться он начал раньше чем за год до того в мелких московских журналах. Значимость этой публикации возросла еще и потому, что она появилась в сопровождении статьи З.Н.Гиппиус «Земля и камень». Хотя статья была напечатана под псевдонимом Роман Аренский, подлинное имя автора тогда ни для кого секретом не было.

Отмечая в Есенине прежде всего способность найти «свои, свежие, первые и верные слова» для передачи виденного, З.Н.Гиппиус, в частности, писала: «В стихах Есенина пленяет какая-то «сказанность» слов, слитость звука и значения, которая дает ощущение простоты. Если мы больше и чаще *смотрим* на слова (в книгах), чем *слы-*

шим их звуки,— мастерство стиха приходит после долгой работы; трудно освободиться от «лишних» слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие. Важен конечно талант; но я сейчас не говорю о личном таланте; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности Есенин — настоящий, *современный* поэт» (ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 12). Выделив особенности есенинского словаря, З.Н.Гиппиус обратила внимание на то, что прежде всего отметил и А.А.Блок: «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык».

Правда, в оценках этих двух поэтов было и немаловажное различие. Во время встречи 9 марта 1915 г. А.А.Блок отобрал шесть стихотворений Есенина и направил его с ними к С.М.Городецкому. Какие именно стихи отобрал Блок — неизвестно, но, вероятнее всего, когда 12 марта Есенин, на этот раз уже с рекомендательным письмом Городецкого, пришел к редактору Еж. ж. В.С.Миролюбову и передал ему свои стихи (среди них — все еще неразысканное стихотворение «Галки»), то в их число вошли те, что были выделены Блоком. Встреча с Гиппиус произошла после встреч с Блоком, Городецким и Миролюбовым (первое воскресенье, когда Есенин мог быть у Гиппиус, приходилось на 15 марта). Дважды отдать одни и те же стихи Есенин не мог, поэтому можно считать, что стихи, которые Гиппиус выбрала для публикации в ГЖ, не входили в число отобранных Блоком. Действительно, стихи, появившиеся в ГЖ, выделяются среди ранних произведений Есенина картинностью, предметностью, «вещностью», в них менее ощутимо лирическое начало. Обращает на себя внимание также то, что Блок отмечает «многословность» стихов Есенина, а Гиппиус на-

против: «Никаких лишних слов нет». При этом она подчеркивает, что он «прежде всего видит», а не чувствует, что он «описатель». Так, уже с первых шагов, начало проявляться существенное различие в понимании и оценке Есенина: одни видели в нем самобытного лирика, другие — парня, «орущего частушки», нечто от деревенской стихии; позже одни видели в его стихах движение народной души, другие пытались свести суть поэта к серии масок, сначала — «пейзанина», мужичка-травести, затем — хулигана и забулдыги.

Заинтересованное отношение Гиппиус вскоре сменилось отчуждением, а после революции перешло в откровенную враждебность к Есенину.

«Темна ноченька, не спится...» (с. 20).— ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13. Перепечатывалось в сб. «Северная звезда», Пг., 1916, № 6, 15 марта, с ошибочной подписью «Яков Годин».

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной). Ранняя редакция («Гусляр» — с. 297) печатается по факсимиле автографа (сб. «Памяти Есенина», М., 1926, с. 233).

Автограф — в 1926 г. входил в собрание И.А.Белоусова, датировался владельцем 1914 г.; местонахождение в настоящее время не установлено. В ГЛМ список стихотворения, просмотренный автором в 1925 г. (см. с. 395—396 наст. тома).

Стихотворение в наб. экз. помечено 1911 г. Датируется в соответствии с этой пометой.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...» (с. 21).— Еж. ж., 1915, № 11, ноябрь, с. 7.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1911 г.

«За горами, за желтыми долами...» (с. 22).— Еж. ж., 1916, № 4, апрель, стб. 8.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1916 г. В «Книге регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“» (ИРЛИ, ф. В.С.Миролюбова), отмечено, что стихотворение поступило в редакцию 3 апреля 1916 г. В ГЛМ — просмотренный автором список стихотворения, выполненный И.И.Есениным (см. с. 395—396 наст. тома). На списке авторская помета: «Нужно», свидетельствующая о решении включить стихотворение в Собр. ст.

В первой публикации стихотворение имело посвящение «Анне Сардановской». Анна Алексеевна *Сардановская* (1896—1921) — юношеское увлечение поэта. Внучатая племянница отца Ивана (И.Я.Смирнова, священника села Константиново), она вместе с матерью, сестрой и братом часто приезжала к нему и, случалось, проводила в Константинове все лето. «Сергей был в близких отношениях с этой семьей, и часто, бывало, в саду у Поповых можно было видеть его с Анютой Сардановской...» — вспоминала Е.А.Есенина (Восп., 1, 38). Во второй половине июня 1916 г. Есенин, получив краткосрочный отпуск с воинской службы, ездил к себе на родину и там виделся с А.А.Сардановской. В июле 1916 г. она ему писала: «Спасибо тебе, пока еще не забыл Анны, она тебя тоже не забывает. <...> Очень многое хочется сказать о чув-

стве, настроении, смотря на чудесную природу, но, к сожалению, не имею хотя бы немного слов, чтобы высказаться» (РЛ, 1970, № 2, с. 151). В 1918 г. она вышла замуж. Скончалась родами 7 апреля 1921 г. Не исключено, что с известием о ее смерти связан рассказ Есенина, записанный И.В.Грузиновым и отнесенный им к весне 1921 г.: «У меня была настоящая любовь. К простой женщине. В деревне. Я приезжал к ней. Приходил тайно. Все рассказывал ей. Об этом никто не знает. Я давно люблю ее. Горько мне. Жалко. Она умерла. Никого я так не любил. Больше я никого не люблю» (Восп., 1, 353).

«Опять раскинулся узорно...» (с. 24).— Еж. ж., 1916, № 9/10, сентябрь-октябрь, стб. 9; Г.тр. кр., 1918, 2 июля, № 162.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной) с исправлениями в ст. 11 по списку И.И.Есенина с авторскими пометами (ГЛМ) и первопечатному тексту («не обмашет» вместо «не обманет») и в ст. 25 по тем же источникам и Г.тр. кр. («Но и познав» вместо «Но и поняв»).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1916 г.

На списке, выполненном И.И.Есениным (см. с. 395—396 наст. тома), авторская помета: «Нужно», свидетельствующая о решении включить стихотворение в Собр.ст., и авторское исправление ошибок (ГЛМ).

Есенин, датируя это и предшествующее стихотворения 1916 г., тем не менее поместил их в самом начале тома, резко нарушив этим общую хронологическую последовательность. Автор не дал этому объяснения, но можно предполагать, что причина — в особенностях его собственного отношения к этим стихам, в том, какую грань

творческого пути, с его точки зрения, они открывали и подчеркивали.

Исследователями отмечено сходство стихотворения с «Осенней волей» А.А.Блока:

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Близость третьей строфы стихотворения Есенина к этим строкам дала основание писать даже о «текстуальном заимствовании» (Бельская Л.Л.«Песенное слово», М., 1990, с. 32). В стихотворении ясны отзвуки и других стихов Блока («Опять, как в годы золотые...», «Не мани меня ты, воля...» и мн. др.). Не менее ощутимы в этом и предшествующем стихотворениях следы чтения Н.А.Клюева. Ср., например, у Есенина:

Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

У Клюева:

Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.
И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...

(«Любви начало было летом...»)

У Клюева там же: «Но сердце чует: есть туманы...»; у Есенина: «Я по тебе — в глухом тумане...» и т.д.

Обращает на себя внимание и сходство балладно-романсного строя обоих стихотворений Есенина: в первом — она «бедная странница», поклоняется «любви и

кресту», молится за его «погибшую душу», во втором — то же самое, но в зеркальном повороте: он «ласковый послушник», она «разгульная жена». Реминисценции стихов Блока и Клюева настолько отчетливы, что не позволяют предположить непреднамеренного, случайного совпадения. Тем более, что Есенин отлично знал стихи обоих поэтов. «У Есенина была исключительная память. Он помнил почти всего Блока»,— свидетельствовал, например, Г.Ф.Устинов (сб. «Сергей Александрович Есенин. Воспоминания», М.—Л., 1926, с. 152).

Определенные элементы ученичества, подражательности, ощутимые в этих стихах, возможно, явились причиной особенности их композиционного расположения в Собр. ст. Автор мог намеренно поставить их среди самых первых, ранних стихотворений, как своеобразную иллюстрацию к словам автобиографии, которой открывалось издание: «Блок и Клюев научили меня лиричности». Следует отметить, что эта фраза была вписана в автобиографию именно в октябре 1925 г., т.е. тогда, когда формировалась структура т. 1 Собр. ст. Возможно, что такая авторская оценка этих стихов была причиной того, что Есенин никогда не включал их в свои сборники.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» (с. 26).— $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с пометами автора).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где рукой Есенина проставлена дата: 1912 г. Помета сделана перед текстом. Рядом помета рукой С.А.Толстой-Есениной — 1910 <?>. Колебания в датировке были, видимо, разрешены в пользу авторской даты, поскольку в Собр. ст. дата — 1912.

На листе машинописи в наб. экз. помета рукой Есенина: «Начало», отражающая один из этапов работы по подготовке Собр. ст. (см. с. 393—394 наст. тома).

В рецензии на $Р_{16}$ Г.Д.Деев-Хомяковский отмечал, что это стихотворение «обработано или, проще, написано на мотив старинной народной песни про „тальяночку — резвы голоски“» (журн. «Друг народа», М., 1916, № 1, октябрь, с. 76). Стихотворение часто приводилось в качестве доказательства песенных начал творчества Есенина. Так, В.Л.Львов-Рогачевский, считавший песенность вообще одной из отличительных примет «новокрестьянской» поэзии, подчеркивал: «Сами поэты-певцы прекрасно сознают, что они не стихотворцы, а певцы. Клюев слышит и заставляет слушать „сосен перезвон“... Сергей Есенин радостно обращается к своей „тальяночке“ со стихами, в которых вы слышите самые звуки „тальяночки“» (журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 8, 7 июля, с. 10—11).

Подражанье песне (с. 27).— $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1910 г.

В $Р_{16}$ — без заголовка и с вариантами 2, 3 и 5 строк. Новая редакция возникла в 1925 г. при подготовке Собр. ст. Введенный заголовок «Подражанье песне», очевидно, не был связан с намерением указать конкретный источник подражания, а так же, как и в случае с «За горами, за желтыми долами...» и «Опять раскинулся узорно...», имел целью обратить внимание на еще одну важнейшую основу и источник творчества поэта — народную песню.

По словам исследователя, стихотворение «не является художественной обработкой народных песен... Есенин со-

здает оригинальное произведение, лишь ориентируясь на стиль народных лирических песен» (Коржан В.В. «Есенин и народная поэзия», Л., 1969, с. 38—39). Это мнение развивает другой исследователь, подчеркивая, что стилеобразующим началом в данном случае «явилась не только лирическая народная песня, но семейно-бытовая баллада» (Харчевников В.И. «Поэтический стиль Сергея Есенина», Ставрополь, 1975, с. 20). Видимо, круг таких источников можно дополнить и городским романсом, стилистика которого также явно чувствуется здесь.

Резкие столкновения мнений, полярность оценок, которые были характерны для критических суждений о Есенине на протяжении всего его творческого пути, сказались и в отношении к этому стихотворению. Так, Н.О.Лернер, резко критически встретивший появление Есенина и расценивший его стихи как подделку под народность (см. прим. к «Гой ты, Русь, моя родная...»), замечал, что поэт «до того опростился и омужичился, что решительно не в состоянии словечко в простоте сказать», и в качестве доказательства цитировал данное стихотворение («Журнал журналов», Пг., 1916, № 10, февраль, с. 6). Напротив, П.Н.Сакулин, приводя ту же строку («В пряже солнечных дней время выткало нить»), писал, что «в Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками» (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 205).

Со своей стороны С.Я.Парнок прежде всего с одобрением заметила, что мир образов первого сборника поэта «подлинен, а не изготовлен в театральной костюмерной». Но в то же время иронизировала по поводу некоторых «красивостей», встречающихся в нем. Цитируя, в частности, это стихотворение («поэту не будет „хотеться“ „в кулюканьи песенных струй“ „с алых губ“ „сорвать поцелуй“,

сумерки не станут „лизать золота солнца", а „ветерок", если и будет „трепать черные кудри", то не обязательно по-бальмонтовски „*змейно*"»), она высказала надежду, что вскоре «столь заманчивая для неискушенного воображения литературность выражений утратит свое обаяние для молодого поэта» (журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 6, июнь, с. 219—220).

«Выткался на озере алый свет зари...» (с. 28).— Журн. «Млечный Путь», М., 1915, № 3, март, с. 39; Еж. ж., 1915, № 8, август, с. 4; $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

Беловой автограф — в альбоме И.В.Репина (РГАЛИ) с авторской датой «1916. 17 июнь» (дата записи). Датируется по пометам в наб. экз. 1910 г.

Вспоминая о времени учебы Есенина в Московском городском народном университете им. А.Л.Шанявского, его товарищ тех лет Н.А.Сардановский писал, как однажды Есенин рассказал, что с ним обещал побеседовать по поводу его стихов П.Н.Сакулин. «Вскоре Сергей с восторгом рассказывал мне свои впечатления о разговоре с профессором», который «особенно одобрил» стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...» (Восп., 1, 133).

Совсем иначе было оценено стихотворение акмеистской критикой. Г.В.Иванов, осудивший «Радуницу» за то, что в сборнике видно, по его мнению, воздействие московских модернистов (см. прим. к «Пойду в скуфье смиренным иноком...»), приводил в доказательство заключительные строки первой редакции стихотворения и писал, что Есенин «подбирает слова только благозвучные, образы только конкретно-красивые, но почти в каждом его стихотворении есть какая-нибудь зацепочка, какие-нибудь

„рогульки луны“, и тогда видишь, что вся эта красивость здесь — лишь не к лицу платье» (газ. «Русская воля», Пг., 1917, 23 сентября, № 226).

«Матушка в купальницу по лесу ходила...» (с. 29).— $Р_{16}$; ОРиР.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись с правкой С.А.Толстой-Есениной, являющейся копией авторской правки в другом экземпляре той же машинописи — ГЛМ).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1912 г.

В том, что автор как бы отнес день своего рождения (21 сентября) к кануну Ивана Купалы (т.е. к 23 июня) — нет намерения изменить свою реальную биографию. Это — поэтическая условность. Однако в кругу знакомых Есенина был писатель, действительно родившийся на Ивана Купалу,— А.М.Ремизов, который многое выводил в своем творчестве именно из этого, в частности, свои особые отношения со всякой сказочной лесной нежитью, о чем он не раз писал и говорил. Можно было бы предположить, что под воздействием одного из таких рассказов А.М.Ремизова, с которым Есенин познакомился в первый свой приезд в Петроград в марте 1915 г., могло возникнуть и это стихотворение. Однако у Есенина совсем другой характер обращения к купальским легендам — он раскрывает через это свою «слитость» с природой, песенность своего творчества.

Стихотворение широко цитировалось критиками как доказательство народных истоков творчества Есенина. «С первых же минут своей жизни Есенин приобщился к народно-поэтическому миру,— писал, например, П.Н.Сакулин.— Он — „внук купальной ночи“. Матушка в ку-

пальницу по лесу ходила, собирала „травы ворожбиные“; тут и сына породила» (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 204). Н.Н.Вентцель отмечал в некоторых строках стихотворения «влияние кольцовского стиля» (газ. «Новое время», илл. прилож., Пг., 1916, 27 августа, № 14539).

Купальница — канун праздника Ивана Купалы, приходившийся на 23 июня. Народные поверия, которыми отмечены этот день и день Ивана Купалы (24 июня), были связаны с языческими верованиями в силы, способные выполнить желание человека. В этот день как бы раскрываются потаенные силы природы: вода получает силу смыть с тела недуги и наделить человека крепостью и здоровьем; особую, целебную или колдовскую, силу получают травы и цветы; из земли выступают клады и сокровища — и человек получает возможность добыть их и т.п. С этими поверьями связаны такие обряды, как купание в воде или в росе, прыгание через костер, сборы трав, поиск цветов папоротника или разрыв-травы и т.д. «Св. Агриппина известна в народе русском под именем Аграфены-Купальницы. Причиною такого названия послужило то обстоятельство, что предки наши еще в эпоху дохристианскую с 23 июня, памяти св. Агриппины, начинали одно из важнейших языческих своих празднеств Купалы» (Калинский И.П. «Церковно-народный месяцеслов на Руси», СПб., 1877, с. 145—146).

...травы ворожбиные...— По поверьям, многие растения в купальницу и в ночь на Ивана Купалу получают колдовскую или целебную силу. «Купальница в народе слывет также лютые коренья, а Купало хорошие травы» (Снегирев И.М. «Русские простонародные праздники и суеверные обряды», вып. IV., М., 1839, с. 39).

«Зашумели над затоном тростники...» (с. 30).— Журн. «Млечный Путь», М., 1915, № 2, февраль, с. 28; «Новый журнал для всех», Пг., 1915, № 4, апрель, с. 34; $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

В «Новом журнале для всех» — с посвящением «Сергею Городецкому». Встреча с Сергеем Митрофановичем *Городецким* (1884—1967), к которому Есенин пришел с рекомендательным письмом Блока (не сохранилось), сыграла немалую роль в относительно быстром вхождении молодого поэта в петроградскую литературную среду. С.М.Городецкий, в частности, дал ему рекомендательные письма к В.С.Миролюбову и С.Ф.Либровичу, помог напечататься в «Кубанской мысли». Он стал организатором общества «Краса». В одноименном издательстве в мае 1915 г. было объявлено, что печатается сборник «Краса», в который входит «Усильник» Есенина (какое произведение имелось в виду — неизвестно), готовится сборник Есенина «Радуница» и намечен к изданию сборник «Рязанские прибаски, канавушки и страдания», который также, несомненно, был бы составлен Есениным. Эти издательские начинания, правда, не осуществились. Но на вечере «Красы» 25 октября 1915 г., который открывал С.М.Городецкий своим «зачальным присловьем», Есенин впервые вышел на эстраду со своими стихами. «Это был первый публичный успех Есенина»,— вспоминал С.М.Городецкий (Восп., 1, 181).

Однако вскоре Есенин начал отдаляться от С.М.Городецкого. Их дружеские отношения оборвались с отъездом С.М.Городецкого в качестве корреспондента «Рус-

ского слова» на кавказский фронт. Они восстановились с возвращением С.М.Городецкого в Москву в 1921 г., но не стали столь же близкими и тесными, как в 1915 г.

Семик — четверг седьмой недели после Пасхи, то есть последней недели перед Троицей. С этим днем связано немало обрядов и поверий, в которых сказался культ растений. К этому дню рубили ветки берез и расставляли их по избам. С утра в роще завивали венки из берез, украшали березовые деревца лентами и лоскутками. В этот день девушки часто гадали о своей судьбе, о суженом, в частности — по венкам: их бросали в воду и по тому, всплывет венок или потонет, поплывет вдаль или будет кружиться на одном месте, судили о будущем. Бытовало немало других примет, связанных с поведением леших и домовых в этот день; считалось, например, что много мышей на гумне в семик — к голодному году и т.п.

«Троицыно утро, утренний канон...» (с. 31).— Еж. ж., 1915, № 6, июнь, с. 4; $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись) с исправлением в ст. 4 по Еж. ж. и $Р_{16}$ («В благовесте» вместо «В благосте»). Первая редакция («Троица» — с. 298) печатается по Еж. ж.

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

В Еж. ж.— первая редакция; она была повторена в $Р_{16}$ (против редакции Еж. ж. изменена только одна строка: «В роще по березкам белый перезвон»). Текст был выправлен автором при подготовке Собр. ст. (очевидно, по экз. $Р_{16}$): снят заголовок и вычеркнуто три строфы. Экземпляр, правленный Есениным, неизвестен, но характер правки ясен из сопоставления $Р_{16}$ и машинописи, снятой С.А.Толстой-Есениной с этого экземпляра.

Откликаясь на появление стихов Есенина в Еж. ж., Н.А.Клюев писал В.С.Миролюбову 22 июля 1915 г.. «Какие простые неискусные песенки Есенина в июньской книжке — в них робость художника перед самим собой и детская, ребячья скупость на игрушки-слова, которые обладателю кажутся очень серьезной вещью» (сб. «Есенин и современность», М., 1975, с. 243; публ. К.М.Азадовского). Многие критики уже в первых отзывах выделили как одну из отличительных черт молодого поэта особую «слитость» с природой, выявившуюся в его стихах. Так, Н.Н.Вентцель писал о тональности ряда стихотворений, и в частности данного: «Как и у Клюева, у С.Есенина явственно звучат религиозные настроения, по временам сливаясь с простодушными народными верованиями, по временам приобретая оттенок чего-то сродного пантеизму. Это не всепоглощающий тютчевский пантеизм, для которого между „я" и природой не было грани и который нашел такое полное выражение в поэтической формуле: „Все во мне и я во всем". У Есенина такого слияния с природой мы не находим, но она для него — обширный храм, и потому все в ней может считаться священным, все может возбудить молитвенный восторг» (газ. «Новое время», илл. прил., Пг., 1916, 27 августа, № 14539).

Я пойду к обедне плакать на цветы...— Отзвук магического обряда, по которому оплакивание принесенных букетов цветов, трав, наломанных ветвей березы должно было вызвать дождь.

«Туча кружево в роще связала...» (с. 32).— $Р_{16}$; $Р_{18}$; ОРиР.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

Текст при отборе стихов для Собр. ст. в 1925 г., перепечатке и последующем просмотре оставлен автором без изменений.

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1915 г.

Наумяк (наумёк, наумок) — наугад, наобум, примерно, приблизительно (диалектн.).

«Дымом половодье...» (с. 33).— $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

При подготовке Собр. ст. автор заменил диалектное «Роща саламаткой» (*саламата* — род жидкого мучного киселя, заваренная кипятком мука) на «Роща синим мраком».

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где есть авторская помета: «1910» и повторная аналогичная помета С.А.Толстой-Есениной.

«Сыплет черемуха снегом...» (с. 34).— Еж. ж., 1915, № 6, июнь, с. 4; $Р_{16}$; $Р_{21}$; ОРиР.

Текст Еж. ж. и $Р_{16}$ практически совпадал. В $Р_{21}$ автор существенно изменил третью строфу: вместо безличного «радуют» появилось «радугой», а вместо «невесты» — «гостья чудесная». В 1925 г., составляя ОРиР, Есенин вновь выправил эту строфу: в ст. 9 «радуют» опять заменил на «радугой», но остальную часть текста оставил без изменений. При подготовке Собр. ст. Есенин, видимо, забыл об этих поправках и, отметив стихотворение как подлежащее включению в Собр. ст., оставил его текст невыправленным. Учитывая, что автор дважды правил третью строфу, текст печатается по наб. экз. (авторизованная ма-

шинопись) с исправлением в ст. 9 по $Р_{21}$ и ОРиР («Радугой тайные вести» вместо «Радуют тайные вести»).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1910 г.

В сдержанной по тону и критичной по направленности рецензии Н.Н.Вентцеля на $Р_{16}$, где усиленно подчеркивалась несамостоятельность многих вещей Есенина, тем не менее отмечалось, что «наряду с этим мы встречаем и самостоятельный подход к лирическим темам» и в качестве доказательства цитировалось данное стихотворение (газ. «Новое время», илл. прил., Пг., 1916, 27 августа, № 14539).

«На плетнях висят баранки...» (с. 35).— $Р_{16}$; ОРиР.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

При подготовке Собр. ст. Есенин оставил текст неизменным, удалив только заглавие «Базар».

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1915 г.

В рецензии на ОРиР В.А.Красильников, отмечая появление в печати этого стихотворения (публикация в $Р_{16}$ им учтена не была), писал, что в нем «заметно сильное влияние Блока», и на этом основании относил его к 1918—1919 годам (журн. «Город и деревня», М., 1925, № 16/17, 1 сентября, с. 75).

Калики (с. 37).— Журн. «Русская мысль», М.—Пг., 1915, № 7, июль, с. 27; журн. «Северная звезда», Пг., 1915, № 13, [1 декабря], с. 60; Литературно-художественный альманах. Бесплатное приложение к журн. «Женщина» за 1915 г., Пг., 1915, № 24, с. 60; $Р_{16}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись).

Беловой автограф — РНБ (ф. А.М.Ремизова), без даты, вклеен в альбом А.М.Ремизова «Цветник», выполнен в апреле 1915 г. Датируется по помете в наб. экз. 1910 г.

Анализируя фольклорные источники произведений Есенина, В.Г.Базанов замечал, что стихотворение «Калики» — это «вывернутый наизнанку духовный стих» (Базанов В.Г. «Сергей Есенин и крестьянская Россия», Л., 1982, с. 102).

«Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» (с. 38).— $Р_{16}$; $Р_{18}$.

Печатается по наб. экз. (авторизованная машинопись). Другая редакция (с. 299) печатается по $Р_{18}$.

В комментариях И.В.Евдокимова указано, что стихотворение входило в Тел. (Собр. ст., 4, 326). Вероятно, это ошибка. Экземпляр Тел., которым он располагал, в настоящее время неизвестен. В Рус. (макет этого сборника создан на основе корректурного оттиска Тел.) стихотворение отсутствует, нет его и в содержании Тел., оттиск которого также имеется в Рус. У И.В.Евдокимова отмечено, что стихотворение было в Тел. на с. 5. В действительности на этой странице — стихотворение «Пойду в скуфье смиренным иноком...», наличие которого в Тел. И.В.Евдокимов не отметил. Видимо, в его комментариях были спутаны отсылки к этим двум стихотворениям.

В $Р_{18}$ строки поделены по цезуре, стихотворение из шестистопного превращено в трехстопное, а двустишия — в четверостишия.

Автограф — в альбоме С.П.Ремизовой; с надписью: «На память Серафиме Павловне Ремизовой» и датой 18

апреля 1915 г. (см. текст записи: «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, Michigan, 1986, № 19, p. 302). Серафима Павловна *Ремизова-Довгелло* (1876—1943) — жена А.М.Ремизова.

Датируется по помете в наб. экз. 1912 г.

Свясло — жгут из соломы, которым вяжут снопы.

«Край любимый! Сердцу снятся...» (с. 39).— Бирж. вед., 1915, 25 декабря, № 15290; $Р_{16}$; сб. «Салон поэтов. Весенний первый». Избр. стихи за 1914—1916 гг., М., 1917, с. 55; сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, с. 77; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел. с авторской правкой); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ГЛМ; как сообщила С.А.Толстая-Есенина, он принадлежал М.П.Мурашеву и на этом основании был отнесен ею к 1916 году. Автограф последней строфы с подписью автора — в дневнике Б.А.Лазаревского (ИРЛИ), в составе записи от 21 октября 1915 г. По свидетельству И.В.Евдокимова, имелся еще один автограф, принадлежавший И.В.Репину (см. Собр. ст., 4, 327), был ли он датирован — не указано; местонахождение автографа в настоящее время неизвестно.

Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

Стихотворение часто читалось Есениным публично. Читал он его, в частности, 21 октября 1915 г., выступая вместе с Н.А.Клюевым в редакции Еж. ж. Дневниковую запись Б.А.Лазаревского об этом см.: Азадовский К. «Николай Клюев», Л., 1990, с. 164—165.

Начиная с первых отзывов, стихотворение нередко приводилось в критике как пример патриотических чувств автора, любви к родному краю. Выделив из ряда других стихов, С.Я.Парнок отмечала его «несомненную поэтиче-

ческую ценность» (журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 6, июнь, с. 219). В.Л.Львов-Рогачевский, И.Г.Эренбург, П.С.Коган, Е.Ф.Никитина и др., отталкиваясь от этого стихотворения, говорили по преимуществу о крестьянской природе таланта Есенина, о его стремлении воспеть «смиренную Русь». Приведя последнюю строфу стихотворения, А.В.Бахрах писал: «В этом равнодушии ко всему, в этом философском безразличии таится его настоящее „я". Начало его поэтической деятельности — это некое послушничество. „Пойду в скуфье смиренным иноком",— поет он в „Радунице". Тишь... Кротость... Непритязательность... Примитивная религиозность... Вот основные ноты его первых вещей. Его любимые пейзажи — тихий вечер, сумерки; любимые краски — нежные, закатные...» (газ. «Дни», Берлин, 1922, 24 декабря, № 48). Те же черты, но отрицательно их оценивая, выделяли критики пролеткультовского толка. Они использовали стихотворение как один из излюбленных объектов для нападок. Г.Г.Адонц, цитируя его, писал: «...чисто молитвенная лирика идет рука об руку с Есениным и тогда, когда он вдохновляется картинами природы. Здесь явно преобладание чего-то церковного, монастырского...» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 34, 25 августа, с. 11). Обе эти статьи вклеены в тетрадь, где поэт собирал материалы о своем творчестве (ГЛМ).

Однако уже в то время некоторые критики не сводили стихотворение к этим моментам и выделяли его из раннего творчества поэта. А.И.Ромм писал, например, о «Радунице», что «уже в этой детской книжке внимательный слух отыщет задатки будущего, простого и сильного голоса» и цитировал данное стихотворение. Говоря о последующем развитии поэта, критик отмечал, что «весь есенинский имажинизм вышел из этих детских сравнений „Радуни-

цы“», и как доказательство приводил вторую строфу стихотворения (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 34—35).

«Пойду в скуфье смиренным иноком...» (с. 40).— Журн. «Русская мысль», М.—Пг., 1915, № 7, июль, с. 27; журн. «Северная звезда», Пг., 1916, № 1, [1 января], с. 32; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Первая редакция («Инок» — с. 300) печатается по журн. «Русская мысль».

Автограф — собрание М.П.Мурашева (хранится у наследников, Москва; репродукция — Хроника, 1, между с. 192 и 193), без даты, предположительно может быть отнесен к началу знакомства Есенина с М.П.Мурашевым, т.е. к марту-апрелю 1915 г. Стихотворение было передано Есениным в редакцию «Русской мысли» в марте-апреле 1915 г. Сотрудница редакции А.П.Татаринова извещала поэта: «Стихи Ваши („Инок“, „Калики“ и „Вечер“) напечатаны в июльской книжке. Известие о том, что они приняты, было давно послано Вам по петербургскому адресу, но было возвращено почтой» (Хроника, 1, 73). Оно, очевидно, входило в число тех 60 стихотворений, которые были привезены в марте 1915 г. Есениным в Петроград и о которых он 24 апреля 1915 г. сообщал Н.А.Клюеву.

Стихотворение неоднократно перерабатывалось автором. Первая редакция опубликована в «Русской мысли». В $Р_{16}$ изменены ст. 5—6 (вместо прямого обращения к Руси появились строки: «Хочу концы земли измерить По отуманенной росе») и ст. 14. В $Р_{18}$ было снято заглавие — «Инок». Но наиболее значительные изменения автор внес в 1922 г. В Грж. вместо определения пути героя «к монастырям» появляется характеристика его второй ипостаси — «Иль белобрысым босяком», вместо «иду в

другие берега» и «бесплотного причастья» возникает «убогая радость», жизнь «без друга и врага», уподобленная пути по «проселочной дороге». Но характерно, что при этом образ «смиренного инока» остается центральным. Казалось бы, подобное слияние «инока» и «босяка» можно было отнести к числу имажинистских эпатажей. Но даже изначальный текст стихотворения говорит о том, что Есенина в иночестве влекла не церковно-молитвенная сторона, а видевшаяся ему в этом облике отъединенность, независимость от мира, освобожденность от всего внутренне чуждого его духу. Во всех редакциях оставались неизменными две строки: «И в счастье ближнего поверить» и заключительная «Молясь на копны и стога». Их, по сути, можно считать ключевыми. Перерабатывая текст, автор сохранял центральный образ, проясняя смысл своего обращения к нему. В наб. экз. стихотворение помечено 1914 г. Учитывая существенную переработку текста, проведенную в 1922 г., в наст. изд. датируется 1914—1922 гг.

Возможно, Есенин намеревался еще раз переработать стихотворение. Сохранился экз. $Р_{18}$, где он выправил первую строку стихотворения, 2—4 строки им зачеркнуты, но новый текст не вписан (ИМЛИ). Поскольку этот экз. принадлежал В.П.Яблонскому, можно предположить, что правка относится к 1924—1925 гг., периоду встреч Есенина с ним.

Начиная с 1916 года, стихотворение часто приводилось в критике как пример воздействия на Есенина поэзии Клюева. Действительно, близость текста Есенина к таким строкам Клюева как, например:

Природы радостный причастник,
На облака молюся я,

На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья.

(«Набух, оттаял лед на речке...»)

очевидна. Общность с Клюевым, проявившуюся в этом стихотворении, отмечал, например, П.Н.Сакулин (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 205—206). Спустя восемь лет Ю.Н.Тынянов писал, что «светлый инок» Есенина появляется в «клюевской скуфейке» (журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 4, с. 212). Даже П.В.Орешин, отмечая, что до революции Есенин писал, «подражая исключительно Клюеву, изредка прорываясь своими самостоятельными строками и образами», утверждал: «...кто же не видит, что „пойду в скуфье смиренным иноком" — это целиком клюевская строчка, а „иль белобрысым босяком" — строчка совершенно самостоятельная, строчка есенинская, из которой в дальнейшем и развилась его поэзия» (Восп., 1, 266). П.В.Орешин, видимо, полагал, что обе эти строки относятся к одному времени, однако первая из них сложилась еще до личного знакомства Есенина с Клюевым, а вторая появилась лишь в 1922 г.

Тоже подражательность, но совсем другим образцам, усматривал в этом стихотворении Г.В.Иванов. Скептически оценивая первый сборник Есенина, он замечал, что в нем сказался пройденный поэтом «курс модернизма, тот поверхностный и несложный курс, который начинается перелистыванием „Чтеца-декламатора" и заканчивается усердным чтением „Весов" и „Золотого руна". Чтением, когда все восхищает, принимается на веру и все усваивается, как непреложная истина». Он приводил строфу из первой редакции стихотворения (с неточностью):

Иду, в траве звенит мой посох,
В лицо махает шаль зари,
Сгребая сено на покосах,
Поют в тумане косари,—

и замечал, что «и Брюсов, и Сергей Соловьев, и Эллис, словом — любой изысканный москвич (в Петрограде так писать уже перестали) мог бы поставить под этими строками свое имя. И только предательское „махает“ выдает их происхождение. Но, разумеется, то, что законно и уместно в частушке, здесь звучит, как прямая безграмотность. А жаль! Сквозь красивость и гладкость стихов С.Есенина и С.Клычкова просвечивают крупицы той черноземной силы, которая дает стихам Клюева мощь и простоту» (газ. «Русская воля», Пг., 1917, 23 сентября, № 226).

Отнюдь не подражательность, а именно самостоятельность Есенина, проявившуюся, в частности, в данном стихотворении, отмечали некоторые критики еще в 1916 году. «...без рекомендаций пришел в поэзию Сергей Есенин,— писала С.Я.Парнок.— И потому, что гости из народа редки, и потому, что есенинский „сухой кошель“ подлинен, а не изготовлен в театральной костюмерной, и, главное, потому что новоприбывший пришел с „улыбкой радостного счастья“ — и семье поэтов и критике подобает принять его бережно» (журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 6, июнь, с. 219).

«Шел Господь пытать людей в любови...» (с. 42).— $Р_{16}$; сб. «Салон поэтов. Весенний первый». Избр. стихи за 1914—1916 гг., М., 1917, с. 55; сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, с. 75; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

4 июня 1915 г. С.М.Городецкий писал Есенину в Константиново: «Был здесь Бальмонт. Показывал ему твои портреты и стихи, где нищий дает Богу хлеб — понравилось чрезвычайно» (РГАЛИ).

Осень (с. 43).— Ск-1, с. 116; $Г_{18}$; сб. «Весенний салон поэтов», М., 1918, с. 75; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. В $Г_н$ — вырезка из Ск-1 без авторских помет. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

В Ск-1 открывает цикл «Голубень», куда вошли еще три стихотворения («О красном вечере задумалась дорога...», «Синее небо, цветная дуга...» и «О товарищах веселых...»); заключительная дата цикла — 1916 г. Начиная с $Р_{18}$, включалось не в «Голубень», а в сборник «Радуница». Посвящение Р.В.Иванову-Разумнику возникло не ранее 1916 г., времени знакомства Есенина с ним. Вероятнее всего, посвящение, равно как и дата, относятся ко времени формирования цикла.

Сборник Ск-1 вышел 1 августа 1917 г., хотя работа над ним началась еще во второй половине 1916 г. Точная дата передачи Есениным рукописи цикла Р.В.Иванову-Разумнику неизвестна, но наиболее вероятно, что это произошло во второй половине ноября 1916 г. Именно с этим скорее всего связано то, что 30 ноября 1916 г. Есенин обратился к сотруднику редакции Бирж. вед. А.Л.Волынскому с просьбой «задержать» публикацию в газете двух стихотворений («О товарищах веселых...» и «О красном вечере задумалась дорога...»). Видимо, стихи были сданы в редакцию газеты, но потом переданы в Ск.: в ноябре

1916 г. собирал Р.В.Иванов-Разумник рукописи для «Скифов». «...Все присылайте не позднее 15 ноября»,— писал он, например, Андрею Белому 18 октября 1916 г. (РГБ). Сборник был набран в январе 1917 г. Очевидно, тогда же Есенин держал его корректуру, ибо 6 февраля он сообщил Р.В.Иванову-Разумнику дополнительные поправки в тексте. Печататься сборник должен был в феврале, но был задержан в типографии и вышел только 1 августа 1917 г.

Критики быстро выделили это стихотворение. Хотя некоторые прежде всего обратили внимание на сходство с Блоком (см. прим. к «Не ветры осыпают пущи...»), другие увидели в стихотворении пример особенностей образной системы именно Есенина. В статье «Гармония образов» Г.Ф.Устинов, отметив, что Есенин — «творец бесчисленного количества образов» и этим существенно отличается от предшественников, в частности, от символистов, писал: «...они — поэты звука, в то время как Есенин — поэт образа. И только в некоторых местах он очень удачно сочетает и звуки и образы, как, например, в стихотворении „Осень"» (газ. «Советская страна», М., 1919, 3 февраля, № 2). Н.М.Тарабукин, отвергая претензии имажинистов на исключительное владение поэтическим образом, который якобы принадлежит только им, писал: «Образ — тело и душа поэзии. У Есенина образ имеет целый ряд особенностей. Изобразительной стороной его образов является деревенский пейзаж. Метафора образа строится обычно по нисходящей линии: явление более общего порядка и большей значительности он наделяет свойствами явлений более частных и меньшей значимости. Прежние поэты обычно олицетворяли обыденный предмет в какой-нибудь «возвышенный» образ. Есенин поступает наоборот. Солнце он сравнивает с колесом, лу-

ну — с лягушкой. Отличительной чертой его образов является их антропоморфизм. Он наделяет природу свойствами человека или животных. Осень для него — „рыжая кобыла“, ветер — схимник, который „мнет листву по выступам дорожным“, месяц — ягненочек, изба — старуха, закат — красный лебедь, синий сумрак — стадо овец. „Никому и в голову не встанет, что солома это тоже плоть“,— говорит он...» (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 224; статья в тетради, где Есенин собирал отзывы о своем творчестве — ГЛМ). В пролеткультовской критике стихотворение осуждалось за религиозность и церковность.

Иванов Разумник Васильевич (1878—1946) — литературный критик и публицист (печатался под псевдонимом Иванов-Разумник). Сыграл решающую роль в формировании «скифства» — идейно-литературного объединения, к которому примыкали, в частности, Блок, Андрей Белый, Есенин, Клюев и др. (Dobringer E. «Der Literaturkritiker R.V.Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums», München, 1991). Участие в этом объединении имело большое значение в духовной жизни Есенина. Об истории взаимоотношений Есенина и Иванова-Разумника — см. т. 6 наст. изд.

«Не ветры осыпают пущи...» (с. 44).— Бирж. вед., 1915, 22 ноября, № 15225; $Р_{16}$; $Р_{18}$; $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф первой редакции — ГЛМ, без даты. Беловой автограф ст. 17—20 — в одном из альбомов Ф.Ф.Фидлера (ИРЛИ) с пометой: «У А.А.Измайлова, 6 октября 1915». Одновременно в том же альбоме Н.А.Клюевым вписана третья строфа из стихотворения «Судьба старуха нижет дни...» (см. Азадовский К. «Клю-

ев и Есенин в октябре 1915 г.» — «Cahiers du Monde russe et soviétique», XXVI, juil.-dec., 1985, pp. 413—424).

Стихотворение датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

В рецензии на $Р_{16}$ З.Д.Бухарова отмечала, что автор — прежде всего «лирик и художник родного быта». «Мыслитель в нем только еще намечается, но намечается своеобразно, чутко, истинно народно»,— писала она и в доказательство приводила данное стихотворение (Н.прил., 1916, № 5, май, стб. 149). С.Я.Парнок отнесла стихотворение к числу лучших в первом сборнике поэта (журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 6, июнь, с. 219). К.Мочульский видел в стихотворении варьирование блоковских мотивов. «У Блока — Христос ходит по голым русским степям, плывет, распятый, по глади ее свинцовых рек в „цепях и розах", стоит за окошком тюрьмы, ведет двенадцать разбойников сквозь снежную вьюгу. Есенин варьирует эти мотивы»,— писал он и цитировал, в частности, данное стихотворение. «Особенно напоминают Блока», по его мнению, последние строки «Осени» (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31).

Помазуемый Богом — Христос. Христос — в буквальном переводе с греческого «помазанник», т.е. тот, над кем совершается священный обряд помазания — царь, первосвященник, пророк. Имя Христа символизирует совмещение в нем этих трех ипостасей. Народные предания о странствии Христа в образе нищего послужили основой стихотворения «Шел Господь пытать людей в любови...».

В хате (с. 46).— ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по в наб. экз., где помечено 1914 г. Сохранился выполненный в 1925 году И.И.Есениным и просмотренный автором список стихотворения (ГЛМ; см. с. 395—396 наст. тома).

Стихотворение быстро приобрело известность в литературных кругах и расценивалось как своего рода «визитная карточка» Есенина. В этой связи Н.А.Клюев (еще до личного знакомства с Есениным) писал ему, пытаясь оградить от чуждых в его понимании влияний: «Твоими рыхлыми драченами объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском. Я не верю в ласки поэтов-книжников <...> Быть в траве зеленым и на камне серым — вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть. Знай, свет мой, что лавры Игоря Северянина никогда не дадут нам удовлетворения и радости твердой...» («Есенин и современность», М., 1975, с. 239).

В печати стихотворение выделялось, начиная с первых отзывов. З.Д.Бухарова писала: «Стихи его очаровывают, прежде всего, своею непосредственностью; они идут прямо от земли, дышат полем, хлебом и даже более прозаическими предметами крестьянского обихода...». Приведя далее почти все стихотворение, она завершала: «Вот поистине новые слова, новые темы, новые картины!.. И как недалеко надо ходить за ними!.. В каждой губернии целое изобилие своих местных выражений, несравненно более точных, красочных и метких, чем пошлые вычурные словообразования Игоря Северянина, Маяковского и их присных» (газ. «Петроградские ведомости», 1915, 11 июня, № 128). Сходную оценку давали Н.Венгров (журн. «Современный мир», Пг., 1916, № 2, февраль, с. 159), П.Н.Сакулин («Мила, бесконечно мила поэту-крестьяни-

ну деревенская хата, где „пахнет рыхлыми драченами, у порога в дежке квас, над печурками точеными тараканы лезут в паз“. Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и кота, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно квохчущих над оглоблями сохи, и петухов, которые запевают „обедню стройную“, и кудлатых щенков, забравшихся в хомуты. Поэзия разлита всюду. Умей только ощущать ее» — журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 205) и другие критики. Лишь С.Я.Парнок высказала существенно иное суждение. Она выразила надежду, что «поэт не слишком проникнется городским сознанием интересности деревни и такие эстетские nature mort'ы, как „В хате“, утратят для него заманчивость стихотворной темы» (журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 6, с. 220). Но эти слова адресованы были, видимо, не столько Есенину, сколько тем критикам (например, З.Н.Гиппиус), которые именно эту «натюрмортность» в Есенине особо одобряли.

«По селу тропинкой кривенькой...» (с. 48).— Журн. «Огонек», Пг., 1915, № 30, 26 июля, с. 1; $Р_{16}$; $Р_{18}$; журн. «Красный офицер», М., 1919, № 5, июнь, с. 15; Рус. (корр. отт. Тел. и вырезка из $Р_{18}$); Грж.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 32 по $Р_{16}$ и $И_{25}$ («остальние» вместо «остольние»).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

После появления в печати стихотворение не привлекло особого внимания критики. Лишь позже, в 1923 году, к нему обратился Роман Гуль. В статье «Живопись словом», развивая тезис о том, что «первый дар» Есенина — песенность, он писал:

«...есенинское творчество *органическое*, почти бессознательное. Он не ушел от истока поэзии — песни. Есенин поет. Маяковский пишет. Идя улицей, нельзя напевать Маяковского. А Есенина можно петь гуляя, работая, колоть дрова и петь!

Пройдут годы. Ученые филологи в пролеткультах СССР будут читать лекции об оркестровке стиха Маяковского и писать о нем длинные статьи. А в русской провинции запоют под гитару „Сторона ль ты моя, сторона! Дождевое осеннее олово". И на деревенских посиделках зальются под тальянку: „По селу тропинкой кривенькой..."» (Нак., 1923, 21 октября, № 466).

«Гой ты, Русь, моя родная...» (с. 50).— Бирж. вед., 1915, 14 ноября, № 15209; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением опечатки в ст. 3.

Известны два беловых автографа. Один — ГЛМ, без даты, по свидетельству С.А.Толстой-Есениной принадлежал М.П.Мурашеву и датировался ею 1916 г. Другой — РНБ (ф. И.И.Ясинского) с надписью: «День прощеный, заботливый о гресех и любови к иже херувимы. (У И.И.Ясинского.) За приятным собеседованием» — и датой: 21 февраля 1916 г. (В 1916 г. на этот день пришлось прощеное воскресенье — последнее воскресенье перед Великим постом.)

Датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

Стихотворение сразу было оценено критикой как значительное достижение только начинавшего входить в литературу поэта. Автор одной из первых статей, посвященных его творчеству, П.А.Кузько писал, что от стихотворения веет «подлинной, медовой, „спасовой" Русью, весе-

лым хороводным плясом», что в нем видны «сочность, красочность и другие, еще скрытые от широкой публики неисчислимые богатства русского языка» (газ. «Кубанская мысль», Екатеринодар, 1915, 29 ноября, № 60). С одобрением цитировал стихотворение Н.Венгров и отмечал, что строки Есенина «пропитаны большой любовью к земле и к травам» (журн. «Современный мир», Пг., 1916, № 2, февраль, с. 159). «Для Есенина нет ничего дороже родины»,— подчеркивал П.Н.Сакулин, цитируя стихотворение (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 205). Еще один рецензент расценивал стихотворение, как «в общем удачно и красочно выразившее здоровый народный взгляд на свою родину» (журн. «Новая всемирная иллюстрация», Пг., 1916, № 42, 13 октября, с. 13). Позже Р.Б.Гуль увидел в стихотворении начальный этап той «живописной красочности», которая составила одну из особенностей имажинизма Есенина: «У поющего рязанского парня в руках еще и кисть. У него, слава Богу, не колоратура, а песенность. У него не «поставлен» голос. Он, как цыган, душой поет. И если колоратура враждебна «живописности», то песенность с живописной образностью в дружбе» (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1923, № 2, февраль, с. 14).

Подобных суждений было в критике немало, но встречались и принципиально иные. Продолжая широко развернувшийся к 1915 г. спор о сущности «неонароднической», «новокрестьянской» поэзии, представленной именами Н.А.Клюева, С.А.Клычкова и др., присоединив к ним новое имя — Есенина, резко выступил против этого течения М.Ю.Левидов, утверждая, что ничего «общенародного» в этой поэзии нет, что она «вызвана искусственно, родилась в душных петроградских редакциях, специально для потехи бар». Сводя суть этого явления к особенностям

языка, к злоупотреблению диалектизмами, он писал: «Конечно, со временем надоест и эта забава, перестанет потешать и этот очередной фокус петроградской литературы. Клычковы, Клюевы и Есенины не страшны для истинной поэзии, далекой от великосветских салонов, чуждой поискам „народных“ слов» («Журнал журналов», Пг., 1915, № 30, 11 ноября, с. 8—9). Еще резче выступил Н.О.Лернер. В статье «Господа Плевицкие», расценивая Н.А.Клюева и Есенина как нечто единое, принципиальных различий не имеющее, он утверждал: «Оба, в особенности Есенин, не чужды поэтических настроений, оба воспринимают красоту мира, но оба плывут в мутной струе отравляющего наши грозные дни шовинизма и оба до мозга костей пропитались невыносимым националистическим ухарством. Трудно поверить, что это русские, до такой степени стараются они сохранить «стиль рюсс», показать «национальное лицо» <...> Есенин не решается сказать: «слушают ракиты». Помилуйте: что тут народного? А вот „слухают ракиты“ — это самое нутро народности и есть. «Хоровод» — это выйдет чуть не по-немецки, другое дело „корогод“, квинтэссенция деревенского духа. Г.Клюев тоже не скажет «теперь», а „теперича“, и вместо «душистый» непременно „духмяный“, „духмянистый“, чтобы читателю ажно в самый нос шибануло (у г. Есенина — „духовитый“). Оба щеголяют «народными» словами, как военный писарь «заграничными», и обоих можно рекомендовать любознательным людям для упражнения в переводах с «народного» на русский. <...> Есенин <...> до того опростился и омужичился, что решительно не в состоянии словечко в простоте сказать: „синь сосет глаза“, „лижут сумерки золото солнца“, „в пряже солнечных дней время выткало нить“, и даже смиренная полевая кашка носит „ризу“» («Журнал журналов», Пг., 1916, № 10, февраль,

с. 6). Обильное цитирование стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...» ясно показывает, где именно критик усмотрел «невыносимое националистическое ухарство».

Контрастность, диаметральная противоположность оценок этого стихотворения не уменьшались и не сглаживались все последующие годы жизни поэта. Если в 1918 году И.А.Оксенов так комментировал последнюю строфу стихотворения: «У кого раскрыт слух к таинственным, родным голосам природы, и глаза умеют смотреть и видеть, а главное — сердце умеет чуять и разгадывать — тот не променяет своей радостной веры, уже обретенного исполнения самых неясных желаний души — на призрачное блаженство „вечных символов“» (журн. «Записки Передвижного общедоступного театра», Пг., 1918, вып. 15, декабрь, с. 7), если Н.М.Тарабукин опять-таки прежде всего об этом же четверостишии писал: «Это не патриотизм, ибо патриотизм — мировоззрение. Это — просто *деревенская* любовь. Не размышление, а эмоция. <...> Напрасно было бы искать в поэзии Есенина философского мировоззрения, тем более выражения классовой идеологии крестьянства. Он по существу не крестьянский, а *деревенский* поэт» (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 224—225), если А.К.Воронский считал эти же строки доказательством того, что «место любимой у поэта занимают Русь, родина, родной край, нивы, рощи, деревенские хаты» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 271), то совсем иное усматривал в этих строфах Г.Лелевич: «Прочный, сложившийся веками уклад старой деревенской жизни, сытое довольство зажиточного слоя крестьян, самодовольство хозяйчика, наблюдающего мир сквозь двери своей клети,— вот что чувствовалось в певучих строках первых есенинских стихов» (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь-октябрь, с. 180).

«Я пастух, мои палаты...» (с. 52).— Еж. ж., 1915, № 8, август, с. 4; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г. Стихотворение, видимо, входило в число тех, что были привезены Есениным в Петроград в его первый приезд в марте 1915 г.: оно было передано автором в Еж. ж., либо когда он в первый раз пришел в редакцию 12 марта 1915 г., либо в канун отъезда из Петрограда 27 апреля, поскольку следующая партия стихотворений была прислана Есениным из Константинова и поступила в редакцию лишь 1 сентября 1915 г.

«Сторона ль моя, сторонка...» (с. 54).— Н.прил., 1915, № 12, декабрь, стб. 613; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; Грж. В Н.прил.— открывает цикл «Русь», куда вошли также «Тебе одной плету венок...» и «Занеслися залетною пташкой...»

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

«Сохнет стаявшая глина...» (с. 55).— Зн. бор., 1918, 4 мая, № 39; журн. «Вестник Воронежского округа путей сообщения», 1919, № 8/9, март, с. 7; журн. «Москва», 1919, № 3, с. 6; Рус. (корр. отт. Тел. с пометами автора); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, выполнен по старой орфографии. Стихотворение датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

Кто-то в солнечной сермяге на осленке рыжем едет.— Евангельское предание о входе Господнем в Иерусалим. Отмечается в последнее воскресенье перед Пасхой (Вербное воскресенье). *Осанна* — возглас, которым встречал народ входившего в Иерусалим Иисуса Христа. Этот еврейский молитвенный возглас означает: «Спаси, сохрани, помоги, помилуй, Боже!»

«Чую радуницу Божью...» (с. 56).— $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, с дарственной надписью Ю.И.Юркуну, исходя из этого может быть отнесен предположительно к октябрю-ноябрю 1915 г.— времени начала их знакомства. Стихотворение датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

Радуница, или радонец, радунец, радовница, радованица — весенний обрядовый праздник, день поминовения усопших. Точно фиксированного дня не имел, чаще всего — понедельник или вторник послепасхальной (Фоминой) недели. По этому празднику и вся неделя именовалась Радуницкой неделей или Радуницей. Она вмещала много обрядов, в том числе восходящих к язычеству. Первый день недели именовался Красной горкой — это первый весенний праздник, на котором с песнями (в иных местах — хороводными) закликали, или зазывали весну. В этот день начинались игры: «в горелки», «сеять просо», «плести плетень» и т.д. В некоторых местностях на Красную горку женихи и невесты ходили на кладбище просить совета и благословения у предков на брачный союз. Во вторник отмечалась собственно радуница, когда сходились на кладбище поминать усопших, катали на могилах красные яйца и справляли тризну. Празднества на этой неделе

объединялись циклами особых радуницких песен. Характерно, что другой проектировавшийся в том же 1915 году сборник Есенин предполагал озаглавить «Авсень». (*Авсень* — тоже народный обрядовый праздник с песнями, гаданиями, щедрованьем, но зимний.) Этот контекст церковно-народного месяцеслова, целенаправленно введенный поэтом, позволяет глубже понять смысл правки первой строки, когда автор «волю Божью» рукописной редакции («Знаю, чую волю Божью...») заменяет на «радуницу» («Чую радуницу Божью...»), и полнее оценить заключение П.Н.Сакулина, основывавшегося не только на стихах поэта, но и на беседах с ним, который назвал это стихотворение «самоопределением» Есенина (журн. «Вестник Европы», Пг., 1916, № 5, май, с. 206).

Богородицын покров — церковный праздник, установленный в память о явлении в 910 г. в одном из константинопольских храмов Богородицы, распростершей над молящимися свой омофор (покров, род шарфа). В знамении видели заступничество Богородицы, как бы охранившей, загородившей свой народ от врагов и напастей. Один из наиболее чтимых на Руси праздников, отмечается 1 (14) октября.

«По дороге идут богомолки...» (с. 58).— ГЖ, 1915, № 17, 22 апреля, с. 13; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — ГЛМ, без даты, принадлежал секретарю редакции ГЖ Л.В.Берману, который упоминает стихотворение в статье «Мушка на щеке» (ГЖ, 1915, № 26, 24 июня). Учитывая обстоятельства знакомства Есенина с ним, можно считать, что автограф выполнен не позднее марта 1915 г. Сохранился также сделанный в

1925 г. И.И.Есениным и просмотренный автором список стихотворения (ГЛМ; см. о нем с. 395—396 наст. тома). Стихотворение датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

«Край ты мой заброшенный...» (с. 60).— $Р_{16}$; газ. «Известия ВЦИК», М., 1918, 22 августа, № 180 (Лит. прил. № 1) $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, с авторской датой 1914. Автограф по старой орфографии, по ряду палеографических признаков (почерк, бумага, чернила и др.) — парный к автографу стихотворения «Гаснут красные крылья заката...» (см. т. 4). На автографах — авторская пагинация: 1 (на рукописи «Край ты мой заброшенный...»), 5 и 6 (на двух листах второго автографа). Судя по этим пометам, автографы входили в рукопись неизвестного сборника Есенина. Стихотворение датируется по автографу и наб. экз., где оно также помечено 1914 г.

Отрицательно оценил стихотворение Н.Юрский, рецензируя «Лит. приложение» к «Известиям ВЦИК» (журн. «Вестник путей сообщения», М., 1918, № 14/15, с. 37), а П.С.Коган усмотрел в нем доказательство любви Есенина к «убогой Руси с ее однообразной природой» (Кр. новь, 1922, № 3, май, с. 255). К.В.Мочульский приводил стихотворение как пример реализации одного из наиболее характерных для Есенина метафорических рядов: «...быстрыми, всегда неожиданными переходами из одной плоскости образа в другую,— из религии в быт и из быта в религию, поэт пытается снять разделяющую их грань: русский пейзаж становится храмом, убогий и унылый крестьянский быт — богослужением в нем. Подмена живо-

писи иконописью, растворение крестьянского быта в «литургии» определяют собой всю систему образов. Контуры Христова Лика слагаются из линий полей, оврагов, лесов: рисунок, данный Блоком в «Стихах о России», бережно сохраняется Есениным. Он только разрабатывает детали, подчеркивает неуловимые штрихи, нагромождает параллели. Его пейзаж слишком вырисован, перегружен, натуралистичен. Тождество „природа *России* — богородицын покров" распространяется на все мелочи. Поэт считает себя обязанным каждую березу, каждую поросшую мхом кочку интерпретировать мистически. Приемы чисто словесные: кропотливо записывается „земной" вид: деревня, гумно, поле, но он весь — сквозной: через метафоры просвечивает небо». Приведя, как пример, третью строфу стихотворения, критик продолжает: «Здесь грузный реализм описания заслоняет еще заключенное в нем священнодействие. „Риза" и „окропил" смутно на него намекают. В других стихах эта «литургичность» природы выявляется полнее». Далее приведены примеры из таких стихотворений, как «Запели тесаные дроги...», «О товарищах веселых...», «Алый мрак в небесной черни...», «Покраснела рябина...», «Я пастух, мои палаты...» и др. «Впрочем, мистика Есенина дальше словесного эффекта не идет,— завершает критик.— В его «образности» — нарочитость не искупается пафосом веры. «Церковность» вмещает слишком уж много и ей не доверяешь» (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31).

«Заглушила засуха засевки...» (с. 62).— Журн. «Летопись», Пг., 1916, № 2, февраль, с. 4; $Г_{18}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел. и вырезка из $Р_{18}$); $Р_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

Отрицательно оценивая в целом «Голубень», Д.Н.Семеновский тем не менее выделил это стихотворение. Он отметил, что в сборнике «есть строчки почти прекрасные», и подчеркнул в заключение, что «хороши три стихотворения» — данное, а также «За темной прядью перелесиц...» и «Лисица» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 28 июля, № 110). Рецензия вклеена в тетрадь, где Есенин собирал статьи о своем творчестве (ГЛМ), в 1919 г. он беседовал о рецензии с ее автором (см. Восп., 1, 161).

«Спаси, Господи, люди твоя...» — начальные слова молитвы за отечество. *Быльница* — от «былинка», трава. *Еланка* (елань) — прогалина, полянка.

«Черная, потом пропахшая выть!..» (с. 64).— Бирж. вед., 1915, 11 октября, № 15141; $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ГЛМ, по свидетельству С.А.Толстой-Есениной принадлежал М.П.Мурашеву, был отнесен ею к 1916 г. Стихотворение датируется по наб. экз., где помечено 1914 г.

В $Р_{16}$ было посвящено Дмитрию Владимировичу *Философову* (1872—1940) — публицисту и литературному критику, с которым Есенин познакомился в марте 1915 г. По свидетельству В.С.Чернявского, поначалу Есенин отнесся к Д.В.Философову «очень хорошо. Тот пленил его крайним вниманием к его поэзии, авторитетным, барственно мягким тоном джентльмена». Однако впоследствии «его отношение к Философову изменилось: он почувствовал его отчужденность еще до революции. Посвящения

под заголовками стихов были вычеркнуты» (Восп., 1, 207).

В первых критических откликах стихотворение почти не отмечалось. Критики стали обращаться к нему позже, но усматривали в нем по преимуществу доказательство приверженности поэта «идиллической стороне» деревенской жизни, его неспособности «уйти от пленительных чар этого мира» (П.С.Коган, А.К.Воронский). Выделила стихотворение Н.И.Петровская: «Есенин — певец русской природы в ее прекрасной статике, в ее гармонически напевном покое. Когда он говорит о природе, язык его обретает совсем особую, символическую, почти религиозную точность». Затем, процитировав первые две строфы этого стихотворения и первую строфу «За темной прядью перелесиц...», она продолжала: «Природа для него вся высветлена, ее „голубой покой“ отражается на всем, что любит и хочет любить душа. Но исчезнуть, раствориться в ее пантеистической безличности поэт, как Есенин, с обостренными личными началами, не может. Он из природы лишь исходит, он только ее благодарный, нежный сын» (Нак., 1922, 19 ноября, № 190, Лит. прил. № 27). Даже И.Соболев, отрицательно относившийся к Есенину и заявлявший, например, что «Пугачев» — это «многословие поверившего в свою гениальность графомана», вынужден был признать, что «его давняя лирика просто хороша», и в доказательство приводил именно это стихотворение (альм. «Возрождение», т. II, М., 1923, с. 367—368).

Выть — земельный надел. На Рязанщине — надел на несколько десятков душ или дворов, которые и составляли выть. А.А.Есенина пишет: «Все село наше делилось на выти. В каждую выть входило по пятьдесят-шестьдесят дворов, и все полевые и луговые земли делились вначале по вытям, а затем уж по душам» (Восп., 1, 64). *Ве-*

ретье — большое полотнище из ряднины или другого грубого материала. Служило подстилкой при просушке зерна. *Кукан* — здесь: отмель, маленький островок на реке во время спада воды.

«Топи да болота...» (с. 65).— $Р_{16}$; $Р_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $Р_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 4 по $Р_{16}$, $Р_{18}$, Рус., $Р_{21}$ («Вззвенивает» вместо «Взвенивает»).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1914 г.

Правя стихи из первой «Радуницы», Есенин, в частности, удалял диалектизмы. Но в этом стихотворении он сохранил «Слухают ракиты», хотя именно против этой строки ополчился Н.О.Лернер (см. примеч. к стихотворению «Гой ты, Русь, моя родная...»).

«За темной прядью перелесиц...» (с. 66).— Журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 9, сентябрь, с. 52; Зн. бор., 1918, 12 мая, № 44; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, выполнен по старой орфографии. Второй беловой автограф — РГАЛИ, в составе авторского рукописного сборника (титульный лист: «Сергей Есенин. Стихи. 1918. Москва. Пассаж на Тверской ул., № 13»), в который вошли переписанные также по старой орфографии четыре стихотворения: «За темной прядью перелесиц...», «Я снова здесь, в семье родной...», «В том краю, где желтая крапива...» и «Запели тесаные дроги...». Третий автограф — РГАЛИ, в альбоме М.М.Марьяновой, с авторской датой «16. 31 июль»,

которая фиксирует, вероятнее всего, время записи в альбом.

На одном из этапов переработки Тел. автор предполагал отнести стихотворение к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). В наб. экз. датировано 1915 г. В наст. изд. с учетом даты в Тел. и времени записи в альбом М.М.Марьяновой датируется 1916 г.

Стихотворение выделялось критикой. Одним из первых обратил на него внимание Д.Н.Семеновский, который отметил «тонкую наблюдательность» автора и в доказательство привел вторую строфу стихотворения (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 20 июля, № 110). К.В.Мочульский видел в стихотворении пример использования Есениным метафор: «Излюбленный — и быть может единственный — прием, которым оперирует Есенин — метафора. Он как специализировался на нем. У него огромное словесное воображение, он любит эффекты, неожиданные сопоставления и трюки. Здесь он — неисчерпаем, часто остроумен, всегда дерзок. Мифология первобытного народа должна отражать его быт, об этой „апперцепции“ говорится и в учебниках психологии и в учебниках эстетики. Скотовод воспринимает мироздание сквозь свое стадо. У Есенина это проведено систематически». Приведя многочисленные примеры из этого («ягненочек кудрявый месяц») и других стихотворений («Голубень», «Не напрасно дули ветры...», «Тучи с ожерёба...», «Хулиган», «Осень» и др.), критик заключал: «Острота этого, я сказал бы, зоологического претворения мира, притупляется очень скоро. Удивляешься изобретательности, но когда узнаешь, что и ветер тоже „рыжий“, только не жеребенок, а осленок, это уже перестает радовать» (газ. «Звено», Париж, 1923, 3 сентября, № 31).

Яркий пример цветописи увидел в стихотворении Р.Б.Гуль:

«Второй дар крестьянского поэта — *живопись словом.*

Есть поэты и прозаики, воспринимающие звуковую сторону слова в ущерб второй сущности его — „цвету“. Наиболее определенен здесь Андрей Белый. У Есенина почти обратное. „Цвет“ доведен до необычайной, в глаза бьющей яркости. Он ворожит цветами. Образы его по краскам удивительны. Но в этом нет дисгармонии. Живопись в дружбе с органической песенностью.

Поэтический штандарт Есенина — сине-голубой с золотом. Это любимый есенинский цвет. Цвет русского неба, деревенской тоски от окружающей бескрайности. Без этого цвета у него нет почти ни одного стихотворения. И в этих цветах я издавал бы все его книги.

„Голубая Русь“, „голубая осина“, „вечер голубой“, „голубые двери дня“, „голубизна незримых кущ“, „заголубели долы“, „синий лязг“, „синь сосет глаза“, „синий плат небес“, „синяя гать“, „неколебимая синева“, „синяя гуща“, „синий вечер“, „равнинная синь“, „синь во взорах“, „синяя мгла“, „синеющий залив“, „синий лебедь“.

Синим цветом залито все. И всегда он в отделке с золотом звезд, зорь, заката, золотых осин»,— писал критик и далее цитировал данное стихотворение (Нак., 1923, 21 октября, № 466).

Критики вульгарно-социологического и пролеткультовского толка трактовали стихотворение как «взгляд хозяйчика», «домовитого кулачка» и т.п. Явно имея в виду подобные суждения, А.П.Селивановский в статье «Москва кабацкая и Русь советская» писал о дореволюционных стихах поэта: «Правда, он видел в мире не только голубые

звоны. Уже тогда другие мотивы прорезали тишину деревенских полей. Сквозь „черную прядь перелесиц", сквозь степь, качающую над пологом зеленым „черемуховый дым", он чувствовал вековой гнет, сковавший деревню, тяжесть оков царизма, опутавших ее по рукам и ногам». Процитировав две последние строфы стихотворения, он заключал: «Бежали от этих кандалов крестьянские парни в лес, на большую дорогу, уходили „в разбойники". Недаром многие из старых русских писателей-революционеров считали разбойника национально-русским типом» (журн. «Забой», Артемовск, 1925, № 7, апрель, с. 15).

«В том краю, где желтая крапива...» (с. 68).— Еж. ж., 1916, № 9/10, сентябрь-октябрь, стб. 8; Зн. бор., 1918, 23 марта, № 5; Г.тр. кр., 1918, 23 апреля, № 108; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (вырезка из $Г_{20}$); $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Известны три беловых автографа: один — ИРЛИ (ф. М.В.Аверьянова) с датой 31 января 1917 г.; второй — РГАЛИ, в составе рукописного сборника 1918 г. «Стихи» (см. прим. к «За темной прядью перелесиц...»); третий — РГАЛИ, без даты, в составе рукописи, подготовленной во время пребывания в США в 1922 г. по просьбе А.Ярмолинского. Все три автографа выполнены после публикации стихотворения. В составе $Г_{н}$ — вырезка из Еж. ж. с авторским исправлением опечатки в ст. 27 (в Еж. ж. было «на шею» вместо «на шее»). Кроме того, сохранился экз. $Г_{18}$ также с авторским исправлением другой опечатки в ст. 21 (в $Г_{18}$ было «скрываю» вместо «скрывая») (собрание М.С.Лесмана — Музей А.А.Ахматовой, Санкт-Петербург). Стихотворение датируется по наб. экз., где помечено 1915 г.

Критикой нередко воспринималось как стихотворение, относящееся к имажинистскому периоду и отразившее присущие этому течению эпатажные черты: «...наступившая революция рвет есенинских „стихов золотые рогожи“ и его уводит с собою к „иным“ и „новым“ образам. <...> дальше уже срыв в «имажинизм», правда, в русском стиле еще, с желанием „в голубой степи где-нибудь с кистенем стоять“ <...> Он <...> втягивается в круг желаний „но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист“» (Са-на, «Имажинизм» — газ. «Руль», Берлин, 1921, 11 сентября, № 249). В имажинистском контексте оценивал стихотворение и А.Е.Кауфман, хотя и оговаривался, что по стихотворению видно, что поэт связан «всеми фибрами души своей с природой, деревней» (журн. «Вестник литературы», Пг., 1921, № 11, с. 7). Одним из первых указал на необходимость учитывать, что поэзия Есенина до революции складывалась из разных, во многом контрастных черт, что она была далеко не однородна и по истокам, и по настроению, А.К.Воронский: «Кротость, смирение, примиренность с жизнью, непротивленство, славословия тихому Спасу, немудрому Миколе уживаются одновременно с бунтарством, с скандальничеством и прямой поножовщиной»,— писал он и цитировал данное стихотворение (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 274).

«Я снова здесь, в семье родной...» (с. 70).— Альм. «Творчество», кн. 1, М.—П., 1917, с. 106; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Известны три беловых автографа: первый — РГБ (ф. С.А.Абрамова), вместе со стихотворением «В зеленой за горой...» с общей датой: «916. Июнь. Констанво»; второй — РГАЛИ, в составе $Г_н$, без даты, от-

носящийся очевидно ко времени подготовки рукописи $Г_{18}$, т.е. к январю-февралю 1918 г.; третий — РГАЛИ, в составе рукописного сборника 1918 г. «Стихи» (см. прим. к «За темной прядью перелесиц...»). Имеется еще один автограф, входивший в собрание М.П.Мурашева и относившийся, по его словам, к 15 марта 1916 г. (см. Восп., 1, 190—192; архив М.П.Мурашева — частное собрание, Москва). М.П.Мурашев назвал дату принадлежавшего ему автографа по аналогии с датой дарственной надписи Есенина на фотографии, подаренной ему поэтом в этот день. Все к тому же 15 марта М.П.Мурашев отнес черновик «Устал я жить в родном краю...» и некоторые другие автографы. Между тем в этот день Есенин зашел к нему прежде всего, чтобы оставить на сохранение корзинку с рукописями перед призывом в армию. Это вызывает определенные сомнения в точности данного свидетельства М.П.Мурашева.

В наб. экз. стихотворение было датировано 1915 г. Е.А.Есенина относит его к 1916 г. и связывает с поездкой в Константиново в конце июня 1916 г. (см. Восп., 1, 42). К 1916 г. стихотворение отнесено и в проекте переделки Тел. (см. с. 412 наст. тома). С учетом этого, а также свидетельства Е.А.Есениной и авторской даты на автографе РГБ в наст. изд. датируется июнем 1916 г.

Отрицательно оценил стихотворение в рецензии на альманах «Творчество» А.Е.Редько, усмотрев в нем «странные выражения» (журн. «Русское богатство», Пг., 1917, № 4/5, апрель-май, с. 318). Другой рецензент, напротив, замечал: «Прекрасные строчки выливаются из-под пера поэта» и полностью приводил текст стихотворения (В.Гор. «Советский Парнас» — газ. «Свет», Харбин, 1922, 11 февраля, № 821). К числу наиболее совершенных произведений поэта отнес стихотворение А.К.Во-

ронский: «...прошлое, ставшее милым и саднящее сердце своей невозвратностью, своим „никогда“ — очень прочное поэтическое настроение Есенина, прочное и давнее. Обращаясь к друзьям своих игрищ, Есенин пишет...». Процитировав далее две последние строфы стихотворения, критик продолжал: «Заметьте, пишет это поэт-юноша, только что вступающий в жизнь. К теме о невозвратном прошлом поэт возвращается постоянно и позднее. Здесь он наиболее искренен, лиричен и часто поднимается до замечательного мастерства» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 274).

«Не бродить, не мять в кустах багряных...» (с. 72).— Газ. «Земля и воля», Пг., 1917, 21 сентября, № 148; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (вырезка из $Г_{20}$); $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РНБ (ф. И.И.Ясинского), без даты. В $Г_{н}$ — вырезка из газ. «Земля и воля» с авторскими пометами (исправление опечаток). В наб. экз. датировано 1915 г. Первоначально намечалось для публикации в Бирж. вед., рукопись стихотворения была передана И.И.Ясинскому, вероятно, в середине октября 1916 г. (см. письма к И.И.Ясинскому от 20 ноября и А.Л.Волынскому от 30 ноября 1916 г. и прим. к ним). В проекте переделки сборника Тел. было отнесено к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). С учетом этих фактов датируется 1916 г.

С.А.Толстая-Есенина высказывала предположение, что «стихотворение было навеяно смертью одной девушки, которую Есенин любил в годы молодости в своем родном селе» (Комментарий — ГЛМ). Имелась в виду А.А.Сардановская (см. прим. к «За горами, за желты-

ми долами...»). Предположение неверное (она скончалась позже, в апреле 1921 г.), но стихотворение действительно могло быть связано с А.А.Сардановской. Есенин виделся с ней во время поездки на родину в июне 1916 г.

Н.К.Вержбицкий вспоминал: «Раз я застал его в подавленном состоянии. Он никак не мог простить себе плохой перенос в строках:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.

— „Лебеда", — говорил он, — должна была войти в первую строку, обязательно! Но я поленился...

Мне пришло в голову такое построение:

Лебеды не мять в кустах багряных,
Не бродить и не искать следа.

Есенин подумал, потом сказал:

— Тоже не годится, слишком большое значение придается „лебеде". Ведь главное во фразе — „бродить". Второстепенное — „бродя, мять лебеду". И потом уже объяснение — зачем я это делаю: „искал след"... В общем, надо совсем переделать всю строфу» (Восп., 2, 231). Пробовал ли Есенин править стихотворение в 1924—25 гг.— неизвестно. Соответствующие тексты не обнаружены. Само намерение и разговор с Н.К.Вержбицким могли быть связаны с предположением о выпуске сборника в крестьянском отделе Госиздата (см. прим. к «Нощь и поле, и крик петухов...»).

...заря на крыше, как котенок, моет лапкой рот...— ср. вариацию этих строк в стихотворении Н.А.Клюева «Бумажный ад поглотит вас...»:

Не для тебя, мой василек,
Смола терцин, устава клещи,
Ржаной колдующий восток
Тебе открыл земные вещи:

«Заря-котенок моет рот,
На сердце теплится лампадка».
Что мы с тобою не народ —
Одна бумажная нападка.

«О красном вечере задумалась дорога...» (с. 74).— Ск-1, с. 117; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РНБ (ф. И.И.Ясинского), без даты. В $Г_н$ — вырезка из Ск-1 без авторских помет. В наб. экз.— без даты. В одном из проектов переработки Тел. было отнесено к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). В соответствии с этим и временем передачи текста в ред. Бирж. вед. и Ск. датируется 1916 г.

Это стихотворение, вместе с четырьмя другими, Есенин в середине октября 1916 г. передал И.И.Ясинскому для публикации в Бирж. вед., а 30 ноября 1916 г. обратился к другому сотруднику редакции, А.Л.Волынскому, с просьбой «задержать» два из них («О товарищах веселых...» и «О красном вечере задумалась дорога...») (см. прим. к стихотворению «Осень»).

В рецензии на $Г_{18}$ Д.Н.Семеновский писал: «За последние годы в русской поэзии появилась целая школа так называемых „поэтов-народников“, ничего общего с наро-

дом, однако, не имеющих. Их творчество от подлинно народного творчества отличается так же резко, как опереточный мужичок в шелковой рубахе и плисовых шароварах отличается от настоящего мужика в рваной сермяге и с изуродованными работой руками. Их стихи — утрированный лубок, пряник в сусальном золоте». К числу таких поэтов рецензент относил Есенина. В качестве примера неудачных стихов он цитировал данное стихотворение, выделяя, в частности, выражение «мякиш тишины» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 20 июля, № 110). Иначе оценил этот сборник рецензент журнала «Сирена»: «Среди поэтов, вылезших из самой гущи деревенской Руси, Сергей Есенин занимает одно из первых мест. И по праву: ибо крепкой пуповиной связан он с чадородной, земляной — то равнинной, то озерной, то перелесной — матерью. Связь эта настолько прочна, что порой не знаешь, где поэт сам-то: он растворился в запахах трущоб и пашни, сгинул за облаком-выменем неба, пропал, нет его, а есть только живая, явственно бьющаяся под пальцами, сияющая радостью в очи, густо дышущая травами, пото́м туманом, солнцем и всем тем, чем можно дышать, природа, душа которой питается апокрифической религиозностью, мистикой, превращенной в реальность. Таков Сергей Есенин, этот мужик от корявой сохи, над головой которого лежит пасхальный нимб». И затем, показывая, как отразились в сборнике различные облики Руси («полевой», «животной», «Руси — большой дороги» и т.д.), рецензент цитировал данное стихотворение (журн. «Сирена», Воронеж, 1918, № 1, с. 67—69; подпись Н.— скорее всего, В.И.Нарбут). «Силу и смелость» образов Есенина, в том числе заключенных в данном стихотворении (в частности, и строки с упоминавшимся «мякишем тишины») подчеркивал Р.В.Иванов-Разумник, сопо-

ставляя творчество поэтов деревни (Н.А.Клюева, Есенина) и поэтов города (прежде всего, В.В.Маяковского) (сб. «Искусство старое и новое», Пб., 1921, с. 71). Позже критически оценил строфу, где использован этот образ, Р.Б.Гуль: «Порой от переобремененности образом строфа мякнет, теряет металл, не звучит»,— писал он (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1923, № 2, февраль. с. 14).

Типичный пример особенностей образной системы Есенина видел в стихотворении Н.М.Тарабукин (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 224 — см. с. 466—467 наст. тома). В 1924 г. стихотворение использовалось как объект специального анализа в учебном процессе (см. Плотников И.П. «Революционная литература (Из опыта применения дальтон-плана)», Л., 1924, с. 37—40).

«Нощь и поле, и крик петухов...» (с. 76).— Еж. ж., 1917, № 11/12, ноябрь-декабрь, стб. 7; Ск-2, с. 167; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Первая редакция («Как покладинка лег через ров...», с. 301) печатается по Еж. ж. Вторая редакция (с. 302) — по $Г_{18}$.

Сохранилось три беловых автографа: первый — ИРЛИ (ф. В.С.Миролюбова), без даты, но с регистрационным номером редакции Еж. ж., свидетельствующим, что рукопись поступила в редакцию 18 января 1917 г. вместе с рукописями «Голубени» и «Снег, словно мед ноздреватый...»; второй — ИРЛИ (ф. М.В.Аверьянова), без даты; третий — РГАЛИ, в составе $Г_н$, без даты, относится, вероятно, ко времени подготовки рукописи сборника, т.е. к январю-февралю 1918 г. Сохранился также экз. $Г_{20}$ с авторской правкой ст. 2—4 в этом стихотворении и вла-

дельческой надписью В.П.Яблонского (частное собрание, Москва). На экз. пояснение бывшего владельца: «Одновременно с „Песнью о великом походе“ С.А. хотел издать в крестьянском отд. Госиздата сборник своих стихов, для чего отмечал стихотворения в этой книге, тщательно избегал церковнославянских образов и мотивов. *В.Яблонский*». Автором отмечены (крестиками и указанием числа строк) следующие стихотворения: «За темной прядью перелесиц...», «В том краю, где желтая крапива...», «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «О красном вечере задумалась дорога...», «Нощь и поле, и крик петухов...», «Голубень», «Корова», «Лисица».

Стихотворение многократно перерабатывалось автором. Первая редакция — рукопись из архива В.С.Миролюбова. На рукописи пометы: «Звучно, красиво, но некоторые строки... странны!» «Попросить исправить». Подчеркнута строка «Опоясан кольцом таракан» — скорее всего, в связи с использованием древнерусской формы склонения («таракан»; ср. у Г.Р.Державина: «Средь вин, сластей и аромат»). По мнению Н.Т.Панченко, пометы принадлежат сотруднику редакции В.М.Чернову (ВЛ, 1965, № 8, с. 251—254). Передавая рукопись стихотворения М.В.Аверьянову и публикуя его в Еж. ж., Есенин изменил некоторые строки, наиболее радикально — двустишие

И, как прежде, архангельский стан
Опоясан кольцом таракан.

Он убрал путающее слово «стан» («стан» можно понять здесь в значении «воинство»), но сохранил в тексте образ иконы как одного из вечных слагаемых мира родного очага. Он даже усилил ощущение незыблемости и постоянства этого мира словами о «были зачитанных книг».

Серьезные изменения внес поэт при подготовке стихотворения для публикации в Ск-2 (вероятнее всего, в августе 1917 г.). На этот раз он изменил начало стихотворения. Вместо идиллически-пейзажного «звонкого месяца над синью холмов» появляется намеренно архаизированная строка «Нощь и поле, и звон облаков...», образ иконы в четвертой строфе («архангельский лик») уходит и возникает во второй строке («С златной тучки глядит Саваоф»), опять-таки в подчеркнуто архаизированном облике. Словесные и образные архаизмы служат тому, чтобы создать ощущение библейской древности и неизменности этого мира. Правда, уже здесь, в Ск-2, начинает звучать и другая тема — тема гибели и смерти. Начало четвертой строфы явственно ее вносит:

Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму,
Уж кому-то не петь на холму.

Но пока это гибель не деревенского мира, а лишь кого-то этому миру причастного. Стремлению передать вечность корневых, глубинных основ деревенского бытия служит и правка, которую автор внес при подготовке стихотворения для публикации в $Г_{18}$. Здесь в наборной рукописи в первой строке «звон облаков» он заменил на «крик петухов», что также усилило порождаемые стихотворением библейские ассоциации.

Этот текст повторялся в $Г_{20}$, в Тел. и в Рус., т.е. сохранялся неизменным до конца 1920 г. Новая редакция появилась в Грж. и $И_{22}$. Рукопись $И_{22}$ была подготовлена Есениным до отъезда за рубеж и оставлена в Москве, книга вышла без него. Рукопись Грж. готовилась в Берлине. Тем показательнее, что текст стихотворения в обоих изданиях по существу единый. Здесь полностью были из-

менены ст. 3—4 и вся вторая строфа. Другим стал смысл стихотворения.

«Отчий дом» по-прежнему в центре, но ныне он уже не «снова выплыл» и не «тихо выплыл», а

Смолкшим колоколом над прудом
Опрокинулся отчий дом.

Появились «журавлиная тоска сентября», красные и желтые листья осин, которые гонит осенний ветер. Изменился и звуковой строй стихотворения. Вместо «звонкого месяца» первой редакции и «звона облаков» второй — возник «смолкший колокол». Песнь вечности превратилась тем самым в реквием погибшему миру. Соответственно изменилось восприятие и заключительных строф, где кутья и помин стали звучать как символы погребального ритуала и заупокойной службы.

Попытка переработки стихотворения в 1924—1925 гг. была связана с конкретными обстоятельствами и, видимо, не была доведена до конца. В наб. экз. Есенин сохранил стихотворение в редакции 1922 г.

В наб. экз. стихотворение не было датировано. В одном из проектов переработки Тел. стихотворение отнесено к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). Учитывая это, а также время поступления первой редакции стихотворения в Еж. ж., и то, что в 1922 г. автором была существенно изменена образная система стихотворения и его идейно-художественная направленность, в наст. изд. датируется 1916—1922 гг.

«Рабство перед религией и урядником»,— усмотрел в стихотворении С.М.Городецкий (журн. «Город и деревня», М., 1923, № 2, май, с. 7). «Многие стихи поэта окрашены и пропитаны церковным, религиозным духом»,—

такими словами предварял А.К.Воронский отсылку к стихотворению (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 273). Г.Лелевич увидел в стихотворении доказательство того, что «вся природа напоминает ему <Есенину> его хозяйство» (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь-октябрь, с. 180), «Иконопись, а не стихи!» — так резюмировал свои впечатления Г.Г.Адонц (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 34, 25 августа, с. 11).

«О край дождей и непогоды...» (с. 78).— Ск-2, с. 168; Г.тр. кр., 1918, 26 апреля, № 111; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_н$, с учетом этого может быть предположительно отнесен к январю-февралю 1918 г. Стихотворение было напечатано в Ск-2 в составе цикла «Под отчим кровом», в который входили: «Под красным вязом крыльцо и двор...», «Твой глас незримый, как дым в избе...», «Не напрасно дули ветры...», «Нощь и поле, и крик петухов...», «О край дождей и непогоды...», «Табун», «Не от холода рябинушка дрожит...», «Колокольчик среброзвонный...», «Алый мрак в небесной черни...», «Гляну в поле, гляну в небо...», «Заря над полем — как красный тын...», «Там, где вечно дремлет тайна...», «Проплясал, проплакал дождь весенний...», «Покраснела рябина...», «О Русь, взмахни крылами...». Вторая книга «Скифов» формировалась Р.В.Ивановым-Разумником в июле-августе 1917 г., была сдана в типографию в первой половине сентября, вышел сборник во второй половине декабря 1917 г. Документальных свидетельств того, когда именно Есенин передал Р.В.Иванову-Разумнику рукопись цикла для включения в сборник, не найдено. Вероятно, это произошло в середине

августа 1917 г.: под одним из стихотворений цикла помета: «Успенье 1917 г.» (т.е. 15 августа 1917 г.), 16 августа Есенин, как об этом свидетельствуют документы редакции (ИРЛИ), получал в редакции гонорар за стихи в Ск-1. В эти дни он и мог передать Р.В.Иванову-Разумнику рукопись цикла для второй книги альманаха.

В наб. экз. стихотворение без даты. В одном из проектов переработки Тел. стихотворение было отнесено к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). Учитывая это, а также время передачи рукописи цикла в редакцию Ск., в наст. изд. датируется 1916—1917 г.

Голубень (с. 79).— Газ. «Земля и воля», Пг., 1917, 30 сентября, № 156; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — ИРЛИ (ф. В.С.Миролюбова), без даты. В $Г_н$ — вырезка из газ. «Земля и воля» с авторской правкой, ст. 21—24 — автограф, без даты, правка, вероятно, относится к январю-февралю 1918 г.— времени подготовки сборника. На беловом автографе — регистрационный номер 4776, который удостоверяет, что рукопись поступила в редакцию Еж. ж. 18 января 1917 г. («Книга регистрации рукописей, поступающих в „Ежемесячный журнал“» — ИРЛИ). В Еж. ж. стихотворение опубликовано не было. Упоминается «Голубень» также в письме Есенина к М.В.Аверьянову 1916 г., но не вполне ясно, имеется ли там в виду стихотворение, сборник «Голубень» или же одноименный цикл.

В наб. экз. стихотворение не датировано. В одном из проектов переработки Тел. оно было отнесено к 1916 г. (см. с. 412 наст. тома). В наст. изд. с учетом времени

передачи цикла в редакцию Еж. ж. принимается данная дата.

Р.В.Иванов-Разумник приводил это стихотворение как одно из доказательств того, что Есенин является «поэтом Земли». Он считал, что суть жизни, движущая сила ее развития заключена в метафизическом антагонизме нерукотворной Земли и рукотворной Вещи, Деревни и Города. Возобладание той или иной тенденции, по его мысли, определяет возможности внутреннего и внешнего освобождения человека и соответственно является условием развития литературы. Он пытался в этом ключе трактовать произведение Есенина, «поэта Земли». Приводя отдельные строки и образы из этого стихотворения, а также из «Осени», «Не напрасно дули ветры...», «О красном вечере задумалась дорога...» и др., он противопоставлял их образам В.В.Маяковского, «типичного поэта современного Города», «поэта Машины». Поставив риторический вопрос «с кем Россия, с кем будущее», он так пытался на него ответить: «Две правды, две мистерии — надо ли нам бесповоротно осудить одну, возвеличить другую?» (сб. «Искусство старое и новое», Пб., 1921, с. 70—71).

Сопоставляя это стихотворение с «Преображением» и «Октоихом», В.Гор. в рецензии на сб. «Поэзия большевистских дней» замечает, что «...лучшими стихами являются у Есенина те, где он сбрасывает с себя мантию пророческого величия, где он чутким ухом поэта ловит красоту родной природы,— например, его описания вечера, конского табуна в степи, пробуждения после дорожного ночлега... Но родина здесь, в минуты задумчивости и размышления, является поэту иной, чем в его пророческих грезах» (газ. «Свет», Харбин, 1922, 11 февраля, № 821).

«Колокольчик среброзвонный...» (с. 82).— Ск-2, с. 171; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел. с авт. правкой); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Первая редакция («Песня, луг, реки затоны...», с. 304) печатается по Ск-2.

Известно пять беловых автографов первой редакции стихотворения: один — РГАЛИ, без даты; второй — РГАЛИ, в альбоме М.М.Марьяновой, с датой «1917. 11 февраль. Утро»; третий — РГАЛИ, в альбоме А.С.Балагина (ф. Е.Ф.Никитиной), с датой «Петроград. 1917. X»; четвертый автограф <?> — РГБ, идентичный автографу из альбома М.М.Марьяновой с той же датой; пятый — РГАЛИ, в альбоме Н.Н.Минаева с датой «6 августа 1919 г.» Текст всех автографов совпадает, тот же текст — Ск-2, $Г_{18}$ и $Г_{20}$. Изменения Есенин внес при подготовке Тел., корректурный оттиск которого был положен в основу Рус. Первые две строки в корректуре были набраны в уже измененной редакции, в оглавлении Тел. стихотворение также было обозначено как «Желтый лист звезды в затоне...». Затем, при подготовке Рус., Есенин дал окончательную редакцию этим строкам и повторил ее в Грж.

В наб. экз. стихотворение не датировано. Даты автографов альбомов М.М.Марьяновой, А.С.Балагина и Н.Н.Минаева отражают время записи. В наст. изд. датируется 1917 г.

Имея в виду первую редакцию стихотворения, А.Б.Дерман писал: «Есенин — поэт из народа. Богатством народного языка и народных поэтических образов он владеет легко, свободно, как-то весело и непринужденно. Его деревенский глаз по-народному видит и природу, и мир идей, и весь вообще Божий мир и видит при том

через чистое поэтическое стеклышко. Такие стихотворения как „Не от холода рябинушка дрожит“ или „Песня, луг, реки затоны“ — настоящие жемчужины народного поэтического творчества» (газ. «Понедельник „Народного слова“», М., 1918, 8 июля, № 11). На эти же стороны дарования Есенина обратил внимание и М.П.Столяров: «В нем сохранилось то, к чему лишь изредка пробивается Н.Клюев: крестьянская простота и свежесть восприятия. В его устах естественны сочная крестьянская речь, старорусские выражения и обороты. Даже природу он рисует красками крестьянского быта: заря для него кобылица, взмахивающая по воздуху красным хвостом, солнце — овсяный сноп, месяц — ягненочек. Он более нежен и задушевен — чем силен, более мечтает — чем наблюдает, действует». Процитировав первую строфу стихотворения, критик продолжал: «Поэтому он охотно преображает окружающую действительность, населяет ее сказочными образами, либо образами, почерпнутыми из области религии...» (журн. «Вестник жизни», М., 1918, № 1, с. 46).

«Запели тесаные дроги...» (с. 83).— Бирж. вед., 1916, 17 апреля, № 15503; Еж. ж., 1916, № 7/8, июль-август, стб. 8; «Простая газета социалистов-революционеров для города и деревни», Пг., 1917, 10 ноября, № 3; Зн. бор., 1918, 12 мая, № 44; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Известны три беловых автографа: один — РГАЛИ, в альбоме И.В.Репина с датой «1916. 17 июнь»; второй — РГАЛИ, в составе $Г_н$, без даты; третий — РГАЛИ, в составе рукописного сборника 1918 г. «Стихи». Все три автографа выполнены, несомненно, после публикации стихотворения. В наб. экз. не датировано. В наст. изд. дати-

руется 1916 годом по первой публикации. Рассказанный В.С.Чернявским эпизод с чтением этого стихотворения «старому, очень почтенному академику, знатоку литературы и мемуаристу» (см. Восп., 1, 206; кто имелся в виду, неясно, возможно — А.Ф.Кони), допускает предположение, что стихотворение могло быть написано раньше, в 1915 г.

Стихотворение перепечатывалось в газ. «Свободная Россия», Чикаго, 1923, 17 июля, № 158, под заглавием «На родине».

А.А.Койранский отнес стихотворение к числу вещей не свободных «от властного влияния Блока» (газ. «Последние новости», Париж, 1921, 29 сентября, № 446). Ф.В.Иванов, противопоставляя это стихотворение «Инонии», относил его к числу тех произведений поэта, «от которых действительно пахнет крестьянскою Русью, тихой печалью ее вечеров, так гармонирующих с задумчивым обликом ласкового послушничка русской поэзии Сергея Есенина» (Иванов Ф.В. «Красный Парнас», Берлин, 1922, с. 65).

«Не напрасно дули ветры...» (с. 85).— Ск-2, с. 166; Г.тр. кр., 1918, 4 мая, № 117; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_н$. В наб. экз. не датировано. Известно свидетельство Е.А.Есениной об обстоятельствах написания этого стихотворения в Константинове в мае-июне 1917 г. (см. Восп., 1, 45—46 и 451). Датируется с учетом этого свидетельства и времени передачи рукописи в редакцию Ск-2 (см. прим. к «О край дождей и непогоды...»).

Сопоставление строки о «красном телке» со строкой из «Преображения» «Господи, отелись!» стало одним из излюбленных сюжетов статей о Есенине — от вполне серьезных до фельетонных. Одним из первых начал М.А.Осоргин: «Еще не так давно в «Знамени труда» он молился словами „Господи, отелись!“ И вот сбылось по слову его, и из «Голоса труд. крест.» мы узнаем, что

Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Есть стало быть надежда, что из телка скоро вырастет большой красный бык, который оставит в покое родителя и заживет самостоятельно, если только не попадет на бойню.

Все это не мешает Сергею Есенину быть несомненным поэтом» (газ. «Понедельник», М., 1918, 13 мая, № 11, подпись М.И.; вырезка — в тетрадях Есенина, ГЛМ).

Позже образ «красного телка» стал напрямую связываться с событиями Октябрьской революции. В 1926 г. П.В.Орешин, например, писал: «...если он в семнадцатом году сказал: „Господи, отелись!“, то потом, в восемнадцатом году, он, продумав до конца свою мысль, развил этот образ до его совершенно логического оформления... Что это за „красный телок“, можно легко догадаться» (Восп., 1, 267—268). В дальнейшем это положение широко вошло в литературу о поэте, хотя и не согласовывалось с историей создания стихотворения.

Корова (с. 87).— Журн. «Северные записки», Пг., 1916, № 9, сентябрь, с. 53; $Г_{18}$; сб. «Весенний салон по-

этов», М., 1918, с. 76; $Г_{20}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, текст записан автором в 1922 г. для А.Ярмолинского во время пребывания в США. Датируется по наб. экз., где помечено 1915 г.

По воспоминаниям И.Н.Розанова, Есенин читал это стихотворение 21 января 1916 г. на вечере в Обществе свободной эстетики (см. Восп., 1, 431).

...первая радость не прок...— Старая форма «прок» (польза, толк, добро, что обещает выгоду и т.п.; ср. совр. «Много ли проку будет?», «Проку не будет») изначально присутствовала в тексте. Именно в такой форме была зафиксирована поэтом строка в автографе 1922 г. Наречие «впрок» появилось в $И_{22}$, корректуру которого поэт явно не держал, было механически повторено в Б.сит., вышедшем также без наблюдения автора, в ОРиР и $И_{25}$. В наб. экз. поэт сохранил изначальную форму, но искажение в строке вошло в большинство посмертных изданий. *Свей* (свейки, свевки) — полова, мякина, то, что свеяно; в др. значении пыль или песок, свеянные ветром.

«Под красным вязом крыльцо и двор...» (с. 89).— Ск-2, с. 164; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел., с пометами автора); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_{н}$. На автографе — зачеркнуто посвящение «Андрею Белому». Датировано в наб. экз. 1915 годом. Датировка представляется ошибочной: она не согласуется ни с посвящением, ни с содержанием стихотворения.

С Андреем Белым Есенин встретился в Царском Селе у Р.В.Иванова-Разумника в феврале 1917 г. Уехав в

августе 1913 г. за рубеж, А.Белый прожил там, преимущественно в Дорнахе (Швейцария), до августа 1916 г. Он вернулся на родину в августе 1916 г. и был в Петрограде в августе-сентябре 1916 г.; вновь приехал туда 31 января 1917 г. и пробыл до 7 марта 1917 г., именно к этому времени относится знакомство Есенина с ним.

Андрей Белый был занят тогда разработкой теории поэтического слова, которой он посвятил свои статьи «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», появившуюся в Ск-1, и «Глоссолалия», написанную в сентябре-октябре 1917 г., но появившуюся много позже, в виде отдельного издания в 1922 г. в Берлине. Над «Жезлом Аарона» А.Белый начал работать еще до своего приезда в Петроград, и даже выступил в Москве в Малом зале Консерватории 24 января 1917 г. с одноименной лекцией. «Под таким заглавием Андрей Белый прочел вчера публичную лекцию, облеченную в своеобразную форму. „Жезл Аарона" — некогда живое, потом засохшее слово, но которое еще должно в грядущем прорасти прекрасными цветами. Эта тема о распаде поэтического слова и об его воскресении и новой мощи — одна из самых дорогих А.Белому... Истинный пафос А.Белого принадлежит внутреннему, еще не рожденному слову, которое — в душе избранников-поэтов» (газ. «Русские ведомости», М., 1917, 25 января, № 20). В Петрограде с этой лекцией он не выступал, но эти мысли, несомненно, высказывал в беседах. Именно беседы А.Белого произвели на Есенина большое впечатление. «Устное слово всегда играло в моей жизни гораздо большую роль,— говорил он И.Н.Розанову.— Так было и в детстве, так и потом, когда я встречался с разными писателями. Например, Андрей Белый оказывал на меня влияние не своими произведениями, а своими беседами со мной» (Восп., 1, 442). Отзвук разговоров с А.Белым ус-

лышал в речи Есенина и Блок: «...вообще — напев А.Белого — при чтении стихов и в жестах и в разговоре» (Восп., 1, 175).

А.Белый в то время отрицал «предметность» слова и считал, что его истинный смысл и глубинная соотнесенность с реальностью, с вещным, предметным миром в современной жизни утрачены, что современное «квази-ясное слово полно химерическим содержанием». Он утверждал, что истинность слова раскрывает метафора. Поэтому возрождение слова происходит прежде всего в поэзии, а не в сфере позитивного знания. Именно в поэзии идет процесс возвращения истинного облика и смысла слова, утраченного и затемненного веками. Отсюда такие его утверждения в статье: «Смысл народного слова — внутри звука корня» (Ск-1, с. 158), «Пробуждаясь внутри себя — внутрь себя, человек ощущает провал в беспредметностях внутренних ритмов, как в пульсацию органов; внутри пульсов имеет он смутное представление о времени...» (там же, с. 159), «Внутреннее движенье души сочетается с пересозданной природой в частичную форму: в звук слова; в звуке слова — душа; одушевление данного мира в творимой действительности невозможно вне слова...» (там же, с. 160) и т.п. Отражение этих тезисов А.Белого можно видеть в таких строках стихотворения как «Я помню время, оно, как звук...», «Я был во злаке, но костный ум...», «Рожденье в посеве слов» и т.п. Сказалась в тексте стихотворения и общая направленность взглядов А.Белого, считавшего, что в звуках слова, в самом ритме заключено его подлинное содержание: «Слово — собственно — внутренно,— писал он.— Его смысл по отношению к дневным смыслам есть музыка...» (с. 208). Естественно, можно видеть здесь и определенную перекличку с последующими работами А.Белого, в частности, с «Глоссолалией», но не

прямую от нее зависимость, так как даже сам автор начал работать над этой статьей лишь в сентябре-октябре 1917 г., т.е. позже, чем было написано и передано в редакцию данное стихотворение (см. прим. к «О край дождей и непогоды...»). Подробнее см. Швецова Л. «Андрей Белый и Сергей Есенин» — в кн.: «Андрей Белый. Проблемы творчества», М., 1988, с. 404—425.

При всем этом перекличку тех или иных формул и положений А.Белого и Есенина нельзя рассматривать как их прямую взаимозависимость. Мысли о «тайнах орнамента в слове» начали занимать всю «скифскую группу», в том числе и Есенина, еще до появления А.Белого в Петрограде. Свидетельством этого может служить цикл Н.А.Клюева «Земля и железо», появившийся в Ск-1, на стихи из которого не раз будет ссылаться Есенин. См. также прим. к стихотворению «Твой глас незримый, как дым в избе...».

С учетом сказанного стихотворение датируется 1917 г.

В критике связь стихотворения с теоретическими построениями Андрея Белого не обратила на себя особого внимания. Напротив, вызвали интерес другие его особенности. Р.Гуль писал: «...у Есенина на „цвете“ построено все. Часто „цветом“, а не музыкой стиха достигает он изумительных эффектов. Вчитайтесь в краски, идите за Есениным, раскрашивая стих — убедитесь сами». Приведя далее три начальные строфы стихотворения, он заключал: «Здесь эффект стиха — цветовой» (Нак., 1923, 21 октября, № 466).

Табун (с. 91).— Ск-2, с. 169; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1915 г.

Пропавший месяц (с. 93).— $Г_{18}$; «Знамя труда. Временник литературы, искусств и политики», М., 1918, № 1, июнь, с. 15.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной) с исправлением в ст. 23 по обоим источникам («Солнышко к Богу глаза подняло» вместо «Солнышко к небу глаза подняло»).

По свидетельству И.В.Евдокимова, в 1926 году имелся автограф, местонахождение которого в настоящее время неизвестно. Он писал, что в Собр. ст. было дано «несогласное с автографом расположение строф, замеченное после выхода книги из печати» (Собр. ст., 4, 338). Отсутствие автографа не дает возможности надежно установить, как читался в нем текст. Можно лишь высказать предположение, что первая строфа в автографе шла посередине предпоследней строфы, между строками «Но вдруг...» и «Луч оборвался». Если переставить строфы таким образом, проясняется сюжет стихотворения. Это сказочная история дня: утром солнце поднимается на небо и хочет увидеть в глубине («в колодезе озер») отражение своего собрата-месяца. Над солнцем вздумал подшутить дед-рыболов (олицетворение древности, «ветхий деньми» патриарх, Хронос). Он подвешивает к солнечному лучу отражение солнца. Но тут набегает облако, закрывает солнце, лучи обрываются («луч оборвался») и отражение пропадает. Потом наступает вечер («вечерний свет махал ему в рот крылом»). Возможность такой композиции подтверждается еще и тем, что шестая строфа в существующем тексте — единственная, где нет перекрестной рифмовки. Правда, такому предположению противоречит то,

что в $Г_{18}$ и «Знамени труда» после слов «Но вдруг» нет знаков препинания, текст читается как единая фраза «Но вдруг луч оборвался». Отсутствие автографа обуславливает гипотетичность такого прочтения. В $Г_{н}$ текст стихотворения отсутствует.

С.А.Толстая-Есенина делала список для Собр. ст., очевидно, с $Г_{18}$ и в основном повторила ломаные строки, как они были там даны. В «Знамени труда» и в Собр. ст. стихотворение публиковалось целыми строками, без ритмических «ступенек». В наст. изд. ломаные строки воспроизводятся по $Г_{18}$.

В наб. экз.— без даты. Датируется предположительно 1917 г.— временем формирования сб. «Голубень».

«О товарищах веселых...» (с. 95).— Ск-1, с. 119; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РНБ (ф. И.И.Ясинского), без даты. Стихотворение первоначально, очевидно в середине октября 1916 г., было сдано в редакцию Биржж. вед., но затем передано Р.В.Иванову-Разумнику для публикации в Ск-1 и в этой связи остановлено в Бирж. вед. (см. письмо к А.Л.Волынскому от 30 ноября 1916 г.). В Ск-1 было напечатано как заключительное стихотворение цикла «Голубень» с датой 1916 г., которую можно рассматривать как относящуюся и к данному стихотворению, и ко всему циклу в целом. В составе $Г_{н}$ — вырезка из Ск-1, без авторских помет, дата от текста отрезана. Датируется по Ск-1 и наб. экз., где также помечено 1916 г.

«Весна на радость не похожа...» (с. 97).— Сб. «Пряник осиротевшим детям», Пг., 1916, с. 91; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_н$. «Пряник осиротевшим детям» — издание благотворительное, составлялось в начале 1916 г., его редактированием был занят А.М.Ремизов (см. ЛН, т. 92, кн. 2, 121), разрешено военной цензурой 20 марта 1916 г., вышло из печати в первых числах мая. Издателями сборника были А.Д.Барановская и В.Н.Гордин. Стихотворение датируется временем подготовки сборника и по наб. экз., где оно помечено 1916 г.

В автографе зачеркнуто посвящение «Л.Каннегисеру». В $Г_{18}$ напечатано без посвящения.

Каннегисер Леонид Иоакимович (1896—1918) — начинающий поэт, входил в окружение М.А.Кузмина. Был одним из участников группы молодых петроградских поэтов (Рюрик Ивнев, В.С.Чернявский, К.Ю.Ляндау, М.А.Струве и др.), с которыми близко сошелся Есенин в марте-апреле 1915 г. Летом 1915 года гостил у Есенина в Константинове (см. письмо Есенина В.С.Чернявскому от июня-июля 1915 г.). Об их дружеских отношениях вспоминала М.И.Цветаева:

«Леня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты.

Леня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лени не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу ее:) Ленина черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Ленины карие миндалины. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовлетворение, как

от редкой и полной рифмы» (Цветаева М. «Сочинения», т. 2, М., 1988, с. 110).

Л.И.Каннегисер 30 августа 1918 г. убил председателя петроградской ЧК М.С.Урицкого. Был тогда же расстрелян. В ходе расследования были привлечены к дознанию и арестованы многие лица из дружеского окружения Л.И.Каннегисера, например, Ю.И.Юркун. Есенина в это время в Петрограде не было, в следственном деле Л.И.Каннегисера имя Есенина не упоминается. По свидетельству М.А.Алданова, в Париже имелся дневник Л.И.Каннегисера (май 1914 — начало 1918 г.), где могли быть записи о Есенине (см. сб. «Леонид Каннегисер. 1918—1928», Париж, 1928, с. 9). О Л.И.Каннегисере см. также: «Минувшее. исторический альманах», т. 16, М.-СПб., 1994, с. 115—149.

«Алый мрак в небесной черни...» (с. 98).— Бирж. вед., 1915, 25 октября, № 15169; Ск-2, с. 172; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 3 («к твоей вечерне» вместо «в твоей вечерне» по всем другим источникам). Первая редакция (с. 305) печатается по Бирж. вед.

Автограф — в собрании М.П.Мурашева (частное хранение, Москва), вместе с автографом «Без шапки, с лыковой котомкой...» под общим заглавием «Странник», без даты, с указанием места написания — Петроград. Факсимиле автографа — «Учительская газета», М., 1965, 2 октября, № 118. Текст идентичен первой публикации. Рукопись предназначалась, вероятно, для одного из альманахов, выпускавшихся при участии М.П.Мурашева. В $Г_н$ отсутствует. В наб. экз. помечено 1916 г. Датируется по первой публикации.

При публикации в Ск-2 был существенно переработан текст заключительной строфы, что изменило смысл стихотворения. Главной стала мысль о «правде сошьего креста», о возможности постичь истину, познать тайну чрез свет Голубиной книги. В этом сказалось, видимо, усиливавшееся в тот период воздействие на Есенина Н.А.Клюева, который тогда много писал об «избяном рае» и крестьянской жизни как воплощении непреходящих, извечных ценностей, о крестьянском труде как своего рода молитвенном служении и ритуальном действе («Рыжее жнивье — как книга...» и др.). *Голубиная книга* — один из наиболее часто распевавшихся каликами духовных стихов. В нем рассказывалось, как по Божьему соизволению выпала Голубиная книга, в которой открылась тайна происхождения мира и человека, всего земного и небесного установления. О Голубиной книге пишет Есенин в «Ключах Марии».

«Прощай, родная пуща...» (с. 99).— Зн. тр., 1917, 30 декабря, № 107; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (вырезка из $Г_{20}$); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. В $Г_н$ отсутствует. Датируется по помете в наб. экз. 1916 г.

«Покраснела рябина...» (с. 100).— Ск-2, с. 177; Зн. бор., 1918, 24 марта, № 6; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 11 («Словно Вольга» вместо «Словно Волга») по всем остальным источникам.

Автограф неизвестен. В $Г_н$ отсутствует. Датируется по помете в наб. экз. 1916 г.

Две заключительные строки стихотворения Есенин привел в своей дарственной надписи на $Р_{16}$ А.С.Балагину от 4 октября 1917 г.

С.М.Городецкий видел в стихотворении характерный образец тех «песен», с которыми Есенин, равно как и другие представители «деревенской поэзии», появились в Петрограде: «...тогда, перед войной, а отчасти и теперь, их песня, несмотря на всю свою красоту и талант, была темной и узкой, как сама пославшая их деревня. Тогда деревня полностью погружена была в дурман поповской религии, верила в Бога, Богородицу, Илью и Николу. Силой в деревне были кулаки, и лучшим человеком казался скупой хозяин, который думает только о своей личной прибыли, забывая про мир. Урядник был повелителем в деревне, и все порывы к свободе и воле носили характер необузданного бунта, пьяной удали. Смирение и покорность, к которым приучил полицейский строй, иногда сменялись мятежом, который быстро потухал из-за неумения бороться. Никакого выхода не виделось впереди, ночь окутывала деревенское сознание». Процитировав вторую строфу, он заключал: «Вера в Саваофа и мощи, конечно, приводит поэта к прославлению рабства» (журн. «Город и деревня». М., 1923, № 2, май, с. 7).

Вольга — герой русских былин, князь-дружинник или волхв-чародей, встречающийся с крестьянином-пахарем («Вольга и Микула»). Непривычное ударение Во́льга (вместо Вольга́) появилось, возможно, под влиянием северных, олонецких вариантов былин, с которыми был знаком Н.А.Клюев; в его стихах также встречаются подобные изменения ударений в былинных именах (см., например, в «Без посохов, без злата...»: «Из нас с Садко́-народом...», но одновременно там же «У Са́дко — самогуды...», «У Са́дко — цвет-призорник...»). *Дня закатного*

жертва искупила весь грех.— Парафраз библейской Книги пророка Амоса, где рассказывается о том, как пастух Амос по велению Божию пришел в Самарию и другие города Израиля и, пораженный царившим там развратом и нечестивостью, стал проповедовать. Он говорил, что ему явился Господь и открыл, что от меча погибнут все грешники. «И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня» (Амос, 8, 9). Бог назвал Израиль «грешным царством» и предрек: «Я истреблю его с лица земли» (Амос, 9, 8). Пророчество исполнилось, Израильское царство погибло, бесследно пропали десять колен Иакова. По слову Господню эта искупительная жертва — предвестие будущего возрождения Израиля. На Книгу пророка Амоса Есенин ссылается также в «Ключах Марии». *Но незримые дрожди...*— Ср. в Псалтири: «Ибо чаша в руке Господа, вино кипит в ней, полное смешения, и Он наливает из нее. Даже дрожди ее будут выжимать и пить все нечестивые земли» (Псалом 74).

«Твой глас незримый, как дым в избе...» (с. 102).— Ск-2, с. 165; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (вырезка из $Г_{20}$); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РНБ (ф. И.И.Ясинского), без даты; как и другие автографы этой группы, предположительно датируется концом 1916 г. (см. прим. к «Не бродить, не мять в кустах багряных...»). В $Г_{н}$ — список З.Н.Райх без авторских помет. Датируется по помете в наб. экз. 1916 г.

Выдвинуто предположение, что строки стихотворения «явно подсказаны» беседами с Андреем Белым и его статьей «Глоссолалия» (см. Швецова Л. «Андрей Белый и Сергей Есенин.» — в кн.: «Андрей Белый. Проблемы творчества», М., 1988, с. 408—409). Однако с этим

вряд ли можно согласиться. Во-первых, А.Белый начал работу над этой статьей (октябрь 1917 г.) после того, как текст стихотворения был передан автором Р.В.Иванову-Разумнику (см. прим. к «О край дождей и непогоды...»). Во-вторых, наличие автографа в архиве И.И.Ясинского является косвенным подтверждением правильности авторской датировки. К тому же исследовательница ошибочно приняла данное стихотворение за часть текста стихотворения «Под красным вязом крыльцо и двор...», хотя это два самостоятельных произведения, они никогда автором не объединялись.

В стихотворении Есенина действительно ощутима перекличка, но с циклом Н.А.Клюева «Земля и Железо», который был опубликован в Ск-1, в частности со стихотворением «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...». Такие строки, как «Рудою солнца посеян свет...» или «В незримых пашнях растут слова...» и др., находят параллели в этом цикле и других стихах Н.А.Клюева.

«В лунном кружеве украдкой...» (с. 103).— Бирж. вед., 1915, 13 декабря, № 15267; Зн. тр., 1917, 28 декабря, № 105; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел. с авт. пометами); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 11 («лещуга» вместо «лищуга»).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_{н}$, исходя из этого может быть предположительно отнесен к январю-февралю 1918 г. В наб. экз. помечено 1916 г. Датируется по первой публикации.

Отрицательно оценил стихотворение Д.Н.Семеновский. В рецензии на $Г_{18}$ он писал: «У Есенина „смерть в потемках точит бритву“,— очевидно, она представляется

поэту каким-то парикмахером» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1918, 20 июля, № 110). Между Есениным и Д.Н.Семеновским состоялся разговор о рецензии. «Впрочем, должно быть, моя критика не задела Есенина»,— заметил он (Восп., 1, 161).

Мария Магдалина — христианская святая, одна из последовательниц Иисуса Христа. Память ее отмечается православной церковью 22 июля (4 августа). *Тот, кто ходит по долинам.*— См. прим. к «Шел Господь пытать людей в любови...».

«Там, где вечно дремлет тайна...» (с. 104).— Ск-2, с. 175; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_{н}$, исходя из этого может быть предположительно отнесен к январю-февралю 1918 г. В наб. экз. помечено 1916 г. Вероятно, это ошибка, поскольку текст стихотворения перекликается со статьей Р.В.Иванова-Разумника «Две России», написанной в ноябре 1917 г. и напечатанной в Ск-2, но с идеями которой Есенин мог познакомиться раньше, летом 1917 г., во время встреч с ее автором. Размышляя о трудностях строительства нового мира, резко обозначившихся после революции, Р.В.Иванов-Разумник писал о том, что многие не могут примириться с мыслью о неизбежности гибели старого, это — «люди Ветхого Завета, обитатели Старого Мира, озабоченные спасением старых ценностей». По другую сторону пропасти «стоят те, кто не боятся душу погубить, чтобы спасти ее, стоят люди Нового Завета, стоят чающие Мира Нового». Среди «чающих Мира Нового» есть разные люди, в том числе, «есть и подлинно „Града Нового взыскующие“, обращенные лицом не к закату, а к восходу Солнца, ибо

Новый путь им уготован:
От заката на восток...»

(Ск-2, с. 205).

Строки Есенина, которые в данном случае перефразирует критик, вероятнее всего, сложились под воздействием мыслей, развитых в этой статье. Исходя из этого, стихотворение датируется 1917 г.

«Тучи с ожерёба...» (с. 106).— Газ. «Вечерняя звезда», Пг., 1918, 26 января, $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (1—16 — корр. отт. Тел., 17—28 — вырезка из $Г_{20}$ с авторскими пометами); Грж.; ОРиР.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Сохранился экземпляр $Г_{18}$ с авторским исправлением опечатки в ст. 25 (собрание М.С.Лесмана — Музей А.А.Ахматовой, Санкт-Петербург). В $Г_{н}$ — вырезка из газ. «Вечерняя звезда» с авторскими пометами, на обороте вырезки — помета неустановленной рукой: «1917». В наб. экз. помечено 1916 г., но, вероятно, стихотворение написано позже — в конце 1917 г.

Оно явно связано с революционными событиями — темы ожидания мессии, вести о новом Назарете и т.д. не оставляют в этом сомнения. Однако оно не вошло ни в Ск-1, ни в Ск-2, а появилось в печати лишь в январе 1918 г. В нем отразилась особая позиция Есенина в этот период — в частности, его расхождение с Н.А.Клюевым, принципиальное несогласие с ним, с А.Белым, Р.В.Ивановым-Разумником, А.М.Ремизовым и другими участниками «Скифов» в оценке протекавших событий.

Н.А.Клюев восторженно встретил падение самодержавия, но в развитии революционных событий видел не-

кую мистерию народного духа, подчеркивал мистический смысл революции, полагал, что в ней слились Восток и Запад, Север и Юг, христианство и язычество («Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,//Их слил в песнозвучье родимый народ»; *Немврод*, или Нимрод,— легендарный зверолов и охотник, царь Вавилона и других земель — Быт., 10, 8—11). Народ родной страны — для Н.А.Клюева — «воскрешенный Иисус», которому предуказано воздвигнуть «стобашенный пламенный дом», люди «не осквернят палящий лик свободы золотой», рождающаяся воля — «Человечеству светлый маяк». В предстоящем «Алмазный плуг подымет ярь//Волхвующих борозд», по всей стране расплеснется «ржаной океан», царем которого будет «овин». В этом преображении обновится даже «Душа Земли», которая, по Клюеву, «свершает брачный пляс». Себе Н.А.Клюев отводил роль «песноводного жениха» — провозвестника и святителя нарождающегося мира.

Иначе смотрел на события Есенин. Столь же горячо приняв революцию, он видел, что процесс освобождения и возрождения народа более сложен, что он не может быть сведен к мистерии, что будущее нельзя рассматривать как «Китеж-град, ладан Саровских сосен», как оно рисовалось Клюеву. Еще в сданном не позже середины августа 1917 г. в редакцию «Скифов» стихотворении «Проплясал, проплакал дождь весенний...» он высказал уверенность в устойчивости коренных, корневых основ народной жизни и свое сомнение в возможности поколебать их поэтическим словом («Не разбудишь ты своим напевом//Дедовских могил!», «Не изменят лик земли напевы,//Не стряхнут листа...»). Оппозиция идеям Клюева ясно видна и в «Тучи с ожерёба...». У Есенина: «...как пес, пролает за горой заря...» — у Клюева: «...красное

солнце — мильонами рук Подымем над Миром печали и мук» («Песнь Солнценосца»); у Есенина: «Скрежетом булата вздыбят пасть земли...» — у Клюева: «Алмазный плуг подымет ярь // Волхвующих борозд...» («Двенадцать месяцев в году...») и т.п.

Не менее откровенно спорил Есенин и с другим «скифом» — А.М.Ремизовым. В данном случае внешним поводом явился опубликованный в Ск-2 его рассказ «Gloria in excelsis». Название рассказа — это слова из латинского текста Евангелия, первые слова славословия, возглашенного ангелами при рождении Иисуса Христа (Лука, 2, 14; в русском тексте «Слава в вышних Богу»). Рассказ — это своего рода притча о жившем некогда старце Амуне, который ушел от мира, предавшегося адской прелести, от людей, погрязших в ублажении своих вожделений, охваченных взаимной ненавистью и из-за этого проливающих кровь друг друга. Началась страшная война, и тогда понял старец, что Бог проклял мир. Безмерно страдали люди, просили Амуна вымолить прощение у Бога, но не мог побороть себя старец и молиться о грешниках, ибо «и до седьмого колена отмщается грех». Но однажды произошло чудо, Бог простил мир. Было старцу видение: «И увидел он над морем: лик его был, как луч, одежда, как снег, по белому звезды, алая чаша на груди, в руке опущенный меч, закалающий зверя, а из крови зверя злак, а вокруг, как змей, водные волны». Прощение требовало искупительной жертвы, и погиб старец Амун, а прощенные люди радостно благовестили Бога. Завершается рассказ словами молитвы «Слава в вышних Богу и на земле мир».

Есенин явно имел в виду этот рассказ, когда, споря с ним, рисовал тяжкий и трудный предстоящий путь народа: «Только знаю будет Страшный вопль и крик». Вместо ремизовского пророчества о божественном видении, кото-

рое примирит людей, Есенин предрекал: «Отрекутся люди // Славить новый лик». Он рисовал, как «скулы-дни» побегут «в степь иных сторон». Еще более открыто полемика с Ремизовым прозвучала в написанной в январе 1918 г. «Инонии», где финальная молитва была начата Есениным теми же словами, которыми Ремизов заканчивал свой рассказ, но продолжалась совсем иначе — спасение мира рисовалось Есенину не в небесном прощении, не в милости Божией, а в труде и возвышении человека: «Наша вера — в силе, // Наша правда — в нас».

Полемический ключ, в котором было написано «Тучи с ожерёба...», конечно, не означал ни пренебрежения, ни неуважения по отношению к Н.А.Клюеву или А.М.Ремизову. Полемика между собой отнюдь не считалась в этой среде чем-то непринятым. В Ск-2, например, напечатана статья Р.В.Иванова-Разумника, во многом полемичная по отношению к тому же А.М.Ремизову. Реминисценции из А.М.Ремизова в «Тучи с ожерёба...», очевидно, ясно ощущались Есениным. Не потому ли, когда он впервые включил в свой сборник это стихотворение, то следовавшее за ним стихотворение «Лисица» получило посвящение А.М.Ремизову, хотя до этого дважды печаталось без посвящения.

Об этих глубинных спорах с Н.А.Клюевым и другими участниками группы говорил Есенин в беседе с А.А.Блоком 3 января 1918 г. (см. прим. к «О Русь, взмахни крылами...»).

Учитывая вышеизложенное, стихотворение датируется 1917 г.

О трактовке некоторых образов стихотворения и, в частности, его взаимосвязи с Апокалипсисом см.: Харчевников В. «Стилевые подобия в творчестве С.Есенина» (в

кн.: «Сергей Есенин. Проблемы творчества». М., 1985, с. 77—78).

Пухнет Божье имя в животе овцы.— Иными словами: мир находится в преддверии появления нового мессии. Агнец — иносказательный образ Иисуса Христа. *Назарет* — небольшой городок в Галилее, где протекли детство и отрочество Христа, почему он именовался Назарянином или Назареем. *Новый Назарет* — место появления нового мессии. *Симеон* Богоприимец — праведник, которому, согласно Евангелию, было предсказано, что «он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня». Когда родители принесли младенца Иисуса в храм, там был Симеон, который взял младенца и благословил его (Лука, 2, 25—34).

Лисица (с. 108).— Бирж. вед., 1916, 10 января, № 15314; Н., 1917, № 10, 11 марта, с. 156; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе $Г_{н}$, исходя из этого предположительно может быть отнесен к январю-февралю 1918 г. В наб. экз. помечено 1916 г. Датируется 1915 г., т.к. 4 января 1916 г. Есенин с Н.А.Клюевым приехали в Москву (см. Субботин С. «Сергей Есенин в январе 1916-го» — газ. «Голос профсоюзов», Рязань, 1993, 18—24 марта, № 11), а стихотворение должно было быть передано в редакцию газеты до отъезда из Петрограда.

На автографе стихотворения «Я странник убогий...» (ИРЛИ) помета автора: «При сем „Лисицу“ вычеркнуть, ибо она для цикла не подходит». С какой предполагавшейся публикацией связана эта помета и о каком цикле идет речь — неизвестно.

С Алексеем Михайловичем *Ремизовым* (1877—1957) Есенин познакомился в свой первый приезд в Петроград в марте 1915 г. Есенин неоднократно бывал у него, в частности, 18 апреля 1915 г. переписывал ему в альбом и в альбом его жены Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876—1943) стихотворения «Задымился вечер, дремлет кот на брусе...», «Калики» и «Русь». Встречи продолжались и после возвращения Есенина в Петроград осенью 1915 г. А.М.Ремизов вспоминал: «В эту квартиру за Клюевым придет в нескладном „спиджаке“ ковылевый С.Есенин и будет ласково читать о „серебряных лапоточках“...» (Ремизов А. «Встречи», Париж, 1981, с. 37). Об обстоятельствах появления посвящения в $Г_{18}$ (в первых двух публикациях стихотворение посвящения не имело) и об отношениях с А.М.Ремизовым в 1917—1918 гг. см. прим. к «Тучи с ожерёба...». В последующие годы Есенин не раз передавал приветы А.М.Ремизову, но, судя по всему, писательские контакты между ними не восстановились.

«О Русь, взмахни крылами...» (с. 109).— Ск-2, с. 178; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (1—40 — корр. отт. Тел., 41—56 — вырезка из $Г_{20}$); Грж.; ОРиР.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Сведения об автографе в ИМЛИ (Собр. соч., М., 1977, т. 1, с. 393) — ошибка. В $Г_{н}$ — список З.Н.Райх с пометами автора, без даты. В наб. экз. помечено 1916 г. В наст. изд. датируется 1917 г. по содержанию, с учетом времени передачи рукописи в редакцию (см. прим. к «О край дождей и непогоды...»).

В стихотворении явственно сказались настроения Есенина весны и лета 1917 г. 29 апреля 1917 г. Р.В.Иванов-Разумник писал А.Белому: «Кланяются Вам Клюев и

Есенин. Оба в восторге, работают, пишут, выступают на митингах» (РГБ). Писательская группировка, получившая наименование «Скифы» по названию альманаха, одним из участников которой был Есенин, начала складываться еще задолго до этих событий. Но именно в первые послефевральские месяцы в их среде окрепла убежденность в их духовном и общественном лидерстве. В передовице, открывающей Ск-1 (она подписана «Скифы», авторами ее были С.Д.Мстиславский и Р.В.Иванов-Разумник) говорилось, что раньше они «чувствовали себя одинокими». «Февральские дни до дна растворили это чувство. На наших глазах, порывом вольным, чудесным в своей простоте порывом, поднялась, встала, от края до края, молчавшая, гнилым туманом застланная Земля. То, о чем еще недавно мы могли лишь в мечтах молчаливых, затаенных мечтах думать — стало к осуществлению как властная, всеобщая задача дня. К самым заветным целям мы сразу, неукротимым движением продвинулись на пролет стрелы, на прямой удар. Наше время настало...» (Ск-1, с. IX). Разделяя многие убеждения этой группы, Есенин занимал в ней тем не менее особое место, о чем подробно писал А.В.Ширяевцу 24 июня 1917 г.

В Ск-2 стихотворение было опубликовано под заглавием «Николаю Клюеву» и с эпиграфом (измененные строки из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Графине Ростопчиной»):

Я верю: под одной звездой
С тобой мы были рождены.

М.Л.

Заглавие и эпиграф сохранялись в $Г_н$ и были сняты, очевидно, в корректуре. В $Г_{18}$ стихотворение появилось

без заглавия и эпиграфа, что было связано с осложнениями в отношениях между поэтами.

В декабре 1917 г. в Еж. ж. появилось стихотворение Н.А.Клюева «Елушка-сестрица...», в котором он жаловался: «Белый цвет Сережа,//С Китоврасом схожий,//Разлюбил мой сказ!» Он именовал себя «жертвой Годунова» и «убиенным Митрием». Есенин все понял: «Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как я»,— писал он в черновике письма к Р.В.Иванову-Разумнику в конце декабря 1917 г. Главным, что послужило Н.А.Клюеву основой для обвинения Есенина в отступничестве, были его новые произведения «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь» и др., появившиеся в летние месяцы 1917 г., в которых Н.А.Клюев не мог не заметить далекие от его идей мысли, чуждые ему поэтические интонации. Недаром он уподобил Есенина Китоврасу — сказочному существу, владевшему знанием судеб, великой мудростью и неслыханной мощью. Лишь хитростью смог царь Соломон залучить его к себе и заставить служить в построении «святая святых», но потом Китоврас все же освободился из тенет и «заверже Соломона на конець земля обетованныя». Это освобождение Есенина «из-под власти Соломона» и увидел Клюев. Позже он продолжил полемику с этими произведениями Есенина. В первую годовщину Октябрьской революции он опубликовал стихотворение «Товарищ», заглавие которого намеренно повторило заглавие произведения Есенина, которое тогда активно обсуждалось и печаталось. «Товарищ» Клюева был напечатан в юбилейном номере журнала «Пламя» (официоз, выходивший под редакцией А.В.Луначарского), напечатан крупным, увеличенным по сравнению с другими материалами шрифтом, на обороте титульного листа. Это была как бы передовица номера. (Показательно, напри-

мер, что «Ода революции» В.В.Маяковского была отодвинута в глубь номера.) В разворот с текстом стихотворения Клюева были напечатаны портреты М.Урицкого и В.Володарского — двух видных петроградских комиссаров, убитых незадолго до того. В единстве с этими портретами читались строки Н.А.Клюева:

> Убийца красный — святей потира,
> Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...

В этих строках — не только прославление «красных убийц», но и полемика с Есениным, резкий ответ на его плач в своем «Товарище» над «сраженным пулей младенцем Иисусом»: «Слушайте: Больше нет воскресенья! Тело его предали погребенню...». Немного спустя, приведенные выше строки Клюева Есенин комментировал как «старое инквизиционное православие», как желание «в такие священнейшие дни обновления человеческого духа благословить убийство» (см. «Ключи Марии»).

В декабре 1917 г. Есенин резко воспринял «Елушку-сестрицу...», равно как и статью Р.В.Иванова-Разумника в Ск-2, в которой давалось чуждое ему истолкование творчества и его, и Н.А.Клюева. «То единство, которое Вы находите в нас, только кажущееся»,— писал он Р.В.Иванову-Разумнику в конце декабря 1917 г. и утверждал: Клюев «за последнее время сделался моим врагом». Расхождение с Клюевым включало в себя целый комплекс сложно переплетенных между собой творческих проблем, социально-политических идей и личных отношений. На один из первых планов для Есенина выдвинулся, например, вопрос о сути и цели творчества, главным упреком Клюеву звучат слова, что он «только изограф, но не открыватель», т.е., по мысли Есенина, способен лишь вос-

станавливать былое, но не создавать новое. Это было связано и с разными представлениями о том, что собой должно представлять Слово, с которого, по их мысли, должен начаться Новый Мир, кому дано его высказать, должно ли это Слово лишь «золотиться» (то есть являть собой пусть очищенное и обновленное, но старое) или «проклевываться из сердца самого себя птенцом» (то есть рождаться внове, быть новым). Да и само понимание Нового Мира тоже было разным: будет ли это вновь восставшая из небытия Белая Индия — избяное царство с патриархальными установлениями, к которому притекут племена и народы, или же это будет Новая, Иная Земля, Инония, тоже земля крестьянская, но заново обустроенная крестьянством, поднятая, взращенная и изукрашенная силой его вольного труда. Есенин, рисуя Инонию, прежде всего подчеркивал то, что там «живет божество живых». Главное, что поэт обещал: «Уведу твой народ от упования» (т.е. от надежды на чудо), «Дам ему веру и мощь», а источником всего сущего в этой утопической Инонии, «Верую» ее народа, ее гимном считал слова: «Наша вера — в силе, Наша правда — в нас». Но по Клюеву, и сущность обновления, и его цель, и те формы, которые должна была обрести новая жизнь, были иными (см. прим. к «Тучи с ожерёба...»).

Об этих принципиальных творческих расхождениях с Клюевым говорил Есенин с Блоком 3 января 1918 г., когда назвал Клюева «черносотенным» и объяснял: «Это не творчество, а подражание (природе, а нужно, чтобы творчество было природой...)» (Восп., I, 177). Это же, видимо, продиктовало ему и изменения в тексте данного стихотворения — снятие заголовка и эпиграфа (подробнее см.: Азадовский К.М. «Николай Клюев», Л., 1990, с. 160—200).

...сродник наш, Чапыгин...— С Алексеем Павловичем Чапыгиным (1870—1937) Есенин познакомился вскоре после своего приезда в Петроград в 1915 г. Выходец из крестьянской семьи, самоучка, многие годы проработавший подмастерьем и маляром, А.П.Чапыгин уже обрел к тому времени известность как писатель, автор книги рассказов и повести «Белый скит». В 1926 г. он свидетельствовал: «С.А. любил меня, но всегда избегал часто видеться... Познакомились мы с С.А. в редакции «Северные записки» С.И.Чацкиной, мне его представили как талантливого поэта...» (ИМЛИ). В 1917—1918 гг. печатался в Зн. тр. и ряде других изданий, к которым был близок и Есенин. Своей автобиографической повести «Жизнь моя» в журнальном варианте он предпослал эпиграф: «Посвящаю повесть о прожитых днях памяти моего друга Сергея Есенина» (журн. «Звезда», Л., 1929, № 2).

В критике стихотворение сразу было расценено как манифест определенной литературной группы, но в оценках как группы в целом, так и отдельных поэтов далеко не все были согласны с автором. Одни критики приняли и генеалогию новокрестьянской поэзии, данную Есениным, и характеристики отдельных поэтов. Это отметил Н.В.Рыковский (см. газ. «Раннее утро», М., 1918, 27 июня, № 117). Последовательно отстаивал такой взгляд В.Л.Львов-Рогачевский. Пересказывая и обильно цитируя стихотворение Есенина, он развивал «родословную целой группы певцов из народа», неизменно подчеркивая при этом, как «верны и правдивы слова Сергея Есенина» (журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 8, 7 июля, с. 7—11). Он и в дальнейшем продолжал так же оценивать это стихотворение, видя в нем «нечто вроде манифеста новокрестьянских поэтов» (см., например, Львов-Рогачевский В. «Новокрестьянская поэзия» — журн. «Путь», М.,

1919, № 5, август-сентябрь, с. 57—61; Львов-Рогачевский В. «Поэзия новой России», М., 1919). А.Б.Дерман, напротив, считал, что Есенин «слишком как-то трезво сознает, что он народный поэт, и тем самым отравляет свою поэзию рассудочностью». Сославшись на данное стихотворение, он писал: «Дело не в человеческой гордыне Есенина, а именно в ущерблении этим «самосознанием» самого драгоценного в его творчестве — вольной непосредственности. Тут один лишь шаг от поэтической вольности к искусственному вольничанью, от внутренней веры к пагубной самоуверенности. Когда он говорит „Полюбил я мир и вечность, как родительский очаг" — мы верим этой искренней и простой поэтической исповеди. Но когда он начинает мудрить в своих народно-философских стихах, мы чувствуем в них измену самому себе, своему таланту; от этих стихов как-то сразу отдает сусальными золотыми петушками «русского» стиля, скроенными на левоэсеровский лад. Философия русского духа его не только не нова, не оригинальна, но просто даже избита, у родины, конечно, видит он „коровьи глаза" — старый признак того смирения, которым наделяют и наделяли Россию с одной стороны славянофильская гордыня, с другой — германское презрение» (газ. «Понедельник „Народного слова"». М., 1918, 8 июля, № 11). Другие критики считали неверной выдвинутую Есениным генеалогию и вредной декларированную связь его творчества с поэзией Н.А.Клюева. Так, например, Н.Ангарский утверждал: «Кольцов и Клюев — трудно подыскать более неудачное сочетание». Он доказывал, что если Кольцов отразил «радость и горе *действительного, реального* народа», то «Клюев и его ученики имеют дело с народом вымышленным», говорил о том, что они «рядятся» и все это отрицательно сказывается на их творчестве. Если в первом сборнике Клюева

«было немало действительно прекрасных стихов», то последние его вещи — «вымученное сочинительство, потуги на необычное». Отталкиваясь от этих мыслей, он писал и о Есенине: «Есенин — поэт с несомненным дарованием, и потому нельзя не пожалеть, что дарование это тратится на ненужное и вредное подражание «старшим» братьям, на вычурность и рисовку». Эту рисовку критик усматривал и в данном стихотворении, и в ставшем к тому времени известным движении поэта к имажинизму. И все же, по его мысли, у Есенина немало стихотворений, в которых «верно и красиво» запечатлена «Русь подлинная, настоящая, крестьянская, с ее горем и радостями» (Ангарский Н. «Заметки о поэзии и поэтах» — журн. «Творчество», М., 1919, № 1/3, январь-март, с. 22—26). Подобная полярность оценок имела место и в последующие годы.

«Гляну в поле, гляну в небо...» (с. 112).— Ск-2, с. 173; Зн. бор., 1918, 28 апреля, № 35; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (корр. отт. Тел.); Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. В $Г_{н}$ отсутствует. В наб. экз. помечено 1916 г. В Ск-2 дата: «Успенье 1917 г.» Успение Божией Матери отмечается православной церковью 15 (28) августа. Датируется в соответствии с пометой в Ск-2.

Успение — один из наиболее чтимых на Руси праздников. По времени совпадал с окончанием жатвы и поэтому в народном месяцеслове часто именовался Оспожинками, Спожинками, Дожинками и т.п. (Отсюда: «Снова тонет в копнах хлеба...»). В этот день часто устраивались гулянья, с него начинались осенние хороводы, местами с этого дня считалось бабье лето.

«То не тучи бродят за овином...» (с. 113).— Газ. «Новая жизнь», Пг., 1917, 24 декабря; Зн. бор., 1918, 4 мая, № 39; $Г_{18}$; $Г_{20}$; Рус. (1—16 — корр. отт. Тел., 17—28 — вырезка из $Г_{20}$), Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. В $Г_{н}$ — вырезка из газ. «Новая жизнь» с авт. пометами. Датируется по помете в наб. экз. 1916 г.

«Разбуди меня завтра рано...» (с. 115).— Газ. «Вечерняя звезда», Пг., 1918, 5 марта (20 февраля), № 25; журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 8, 7 июля, с. 3; газ. «Вечерние известия Московского Совета», 1918, 26 сентября, № 58; $П_{18}$; сб. «Автографы», [М., 1919, с. 3] (факсимиле рукописи); Рус. (корр. отт. Тел. с авторскими пометами); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 4 («Дорогого» вместо «Дорогова») по всем остальным источникам, кроме Ст. ск.

Автограф — РГАЛИ (ф. В.П.Полонского), без даты. Имеется факсимильное воспроизведение другого автографа в сб. «Автографы». Сохранилась также фонограмма авторского чтения от 11 января 1922 г. В сб. «Автографы» авторская дата — 1917 г. Та же дата в наб. экз. Датируется в соответствии с этими пометами.

В газ. «Вечерние известия» было напечатано в составе цикла «Вечер с метелкой», в который вошли «Нивы сжаты, рощи голы...», «Я по первому снегу бреду...», «Разбуди меня завтра рано...», «Где ты, где ты, отчий дом...». Цикл был напечатан как единое произведение, без деления на отдельные стихотворения и строфы.

«По словам Есенина, это стихотворение явилось первым его откликом на Февральскую революцию»,— свидетельствовала С.А.Толстая-Есенина (Восп., 2, 260).

Стихотворение, особенно строки «Говорят, что я скоро стану//Знаменитый русский поэт», быстро стали излюбленным объектом критических нападок, иронических комментариев и пародирования. Одним из первых начал О.Леонидов: «Г-жа Есенина, хотя и терпеливая, но вряд ли дождется того момента, когда ее сын прославится» (О.Леонидов, «Книга для пародии» — журн. «Свободный час», М., 1919, № 8 (1), январь, с. 7). В диаметрально противоположном лагере подхватили эту мысль пролеткультовцы: «...главная-то беда в том, что эти безобразники стали (по чьему попустительству?) во главе современной литературы... Нет, знаменитым поэтом Есенин не стал. Он стал имажинистом...» (журн. «Гудки», М., 1919, № 2, апрель, с. 12—13). Продолжил П.И.Лебедев-Полянский (см. журн. «Пролетарская культура», М., 1919, № 7/8, апрель-май, с. 77—78).

А.В.Бахрах увидел в стихотворении первые признаки начавшихся перемен в творчестве поэта и так комментировал эти же строки: «Из-под подрясника келейного послушника выступает буйство, таившаяся удаль выползает наружу. И чем дальше — тем сильней, самоуверенней и хвастливей» (альм. «Струги», кн. первая, Берлин, 1923, с. 203). В последующем редкая статья о Есенине обходилась без упоминания этого стихотворения.

Но многие критики писали в другом ключе. Приведя все ту же цитату, М.О.Цетлин, например, замечал: «Эти слова Есенина сбылись. Первый, не первый, но несомненно знаменитый! И столь же несомненно талантливый. Из деревни, из своей крестьянской юности он вынес любовь к природе и много свежих образов» (газ. «Последние но-

вости», Париж, 1922, 16 сентября, № 740). Позже чаще использовались заключительные строки («Воспою я тебя и гостя...» и т.д.) для характеристики проблематики ранних стихов поэта (см. например, А.Селиханович, «Сергей Есенин» — Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217).

«Где ты, где ты, отчий дом...» (с. 117).— Газ. «Вечерние известия Московского совета», 1918, 26 сентября, № 58; $П_{18}$; журн. «Знамя», М., 1920, № 1, апрель, стб. 46; Рус. (корр. отт. Тел., с авторской правкой); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1917 г.

Этот дождик с сонмом стрел...— ср. в «Молении Даниила Заточника»: «...мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе».

«О Матерь Божья...» (с. 119).— Журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 7, 23 июня, с. 3; газ. «Известия ВЦИК», М., 1918, 22 августа, № 180 (Лит. прил. № 1); $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 3 («На бездорожье» вместо «На бездорожие») по Рус. В начальной редакции (автограф и первые публикации) ст. 1 и 3 имели дополнительный слог («О Матерь Б*ожия*» — «На бездорож*ие*»), который был устранен автором при подготовке Тел. (В корр. отт. Тел.— входят в макет Рус.— строки набраны «О Матерь Бож*ья*» и «На бездорож*ье*»; то, что исправление было сделано самим автором, подтверждается оглавлением Рус., где название «О Матерь Бож*ия*» исправлено им на «О

Матерь Божья»). Однако в $П_{21}$ появилась ошибка (первая строка была исправлена, а вторая осталась в старой форме), которая была механически повторена в Грж.

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе рукописи «Иорданской голубицы» как ее третья часть (1. «Земля моя, златая!..», 2. «Небо — как колокол...», 3. «О Матерь Божья...», 4. «Вот она, вот голубица...», 5. «Братья мои, люди, люди!..», 6. «О новый, новый, новый...»). Но среди черновых рукописей «Иорданской голубицы» (ИМЛИ) текста «О Матерь Божья...» нет, хотя в остатках той же рабочей тетради, в которой находятся эти черновики, стихотворение упоминается в набросках состава сборника «Преображение». Датируется по помете в наб. экз. 1917 г.

Пересказывая со слов поэта, правда, во многом мифические сведения о его детстве, В.Л.Львов-Рогачевский писал: «Есенин недаром вырос в раскольничьей семье, недаром с детства копировал образа новгородского письма, недаром слушал от своего деда-раскольника библейские легенды и каноны святых отцов-поэтов. Но облекалось это древнее благочестие в светлую ризу песен. Есенин мне рассказывал, что, когда он в детстве читал „Богородицу“, он всегда слова: „яко Спаса родила“ заменял другими „*около* Спаса“ родила. Он учился в большом торговом селе Спас, где был древний храм Спаса, и ему казалось, что там, около родного Спаса, и родился маленький Исус... И недаром в полях, лесах, всюду ищет своего крестного товарища, все ему кажется, что где-либо „под пеньком голодный Спас“» (журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 8, 7 июля, с. 10). Стихотворение входит в группу произведений Есенина, связанных с образом Божьей Матери, ее заступничеством за свой народ («Чую радуницу Божью...», «Не ветры осыпают пущи...», «Гляну в поле, гляну в небо...», «То не тучи бродят за овином...» и др.).

Критик газеты «Руль», в целом весьма негативно оценивший поэзию Есенина, тем не менее, процитировав вторую строфу стихотворения, писал: «Жизнь родины дала ему много прекрасных образов» (газ. «Руль», Берлин, 1921, 11 сентября, № 249; вырезка в тетради, где Есенин собирал отзывы о своем творчестве — ГЛМ).

«О пашни, пашни, пашни...» (с. 121).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел., с авт. пометами); $П_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Заготовка к 13—14 строкам — ИМЛИ, в составе остатков рабочей тетради 1917—1919 гг., на обороте листа с набросками к стихотворению «Райское селение». Беловой автограф — ИМЛИ, в составе рукописного сборника «Сергей Есенин. Стихотворения», на его автографической обложке — дата, проставленная рукой поэта: «1918». В сборнике автографы трех стихотворений: «Серебристая дорога...», «О пашни, пашни, пашни...», «Не стану никакую...», каждый — на отдельном листе; авторская пагинация и оглавление отсутствуют, поэтому не могут быть надежно установлены изначальный состав и полнота сохранившейся рукописи. Дата на обложке фиксирует время составления сборника. В наб. экз. стихотворение датировано 1917 г. В наст. изд. сохраняется эта дата.

Исайя — один из четырех «больших» пророков (Исайя, Иеремия, Иезекииль и Даниил), прозванный ветхозаветным евангелистом. Он жил за 750 лет до Рождества Христова, в своих проповедях страстно обличал царившее в Иудее идолопоклонство, отступничество от истинного Бога, угнетение бедняков, роскошь и ханжество. Он предрек падение и разорение Иудеи, опустошение земли и рассеяние живущих там людей. Пророчества Исайи были полны устрашающих видений о грядущих

бедствиях, страданиях и гибели. Но он же предрекал и милость Божию, когда народ вернется к истинной вере, «им вместо пепла дастся украшение, вместо плача елей радости, вместо унылого духа славная одежда, и назовут их сильными правдою» (Ис., 61, 3). Он же предсказал и рождение Мессии (Еммануила). В стихотворении Есенина нет соответствия этому библейскому образу. Исайя в Библии — это грозный пророк, страстный проповедник, наставник или обличитель царей и владык, он вовсе не пастух. Начальная строка Книги пророка Исайи «Видение Исаии, сына Амосова...» иногда служила основанием для отожествления отца Исайи с одним из «малых» пророков — Амосом. Есенин, видимо, также связал Исайю с пророком Амосом, пастухом, который спустился с гор в израильские города и был поражен их развратом и нечестивостью, а Книгу пророка Исайи с Книгой пророка Амоса (см. также прим. к «Покраснела рябина...»). С Книгой пророка Исайи одно время настойчиво сближали «Пророка» А.С.Пушкина. В популярной хрестоматии А.Д.Галахова это стихотворение печаталось даже с подзаголовком «Исайя, гл. 6».

«Нивы сжаты, рощи голы...» (с. 122).— Газ. «Вечерние известия Московского совета», 1918, 26 сентября, № 58; $П_{18}$; журн. «Знамя», М., 1920, № 2, май, стб. 48; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1917 г.

Стихотворение вызвало гнев одного из главных теоретиков Пролеткульта П.И.Лебедева-Полянского. В рецензии на $П_{18}$ он писал: «В стихах С.Есенина нет даже здо-

ровых крестьянских настроений, хотя он часто вспоминает и „кобылицу с красным хвостом“, и телят, и кобелей, и многое другое из обихода крестьянской жизни»,— и в качестве доказательства цитировал это стихотворение и «Инонию» (журн. «Пролетарская культура», М., 1919, № 6, февраль, с. 42). Наоборот, устойчивые крестьянские настроения увидел в стихотворении Г.Лелевич, но именно за это и осудил его (см. журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь-октябрь, с. 42).

В отличие от критиков этого склада, С.Д.Спасский увидел в стихотворении прежде всего произведение лирическое и счел его одним из характерных примеров того, что у поэта «настроение всегда ищет образного языка» (журн. «Понизовье», Самара, 1921, № 1/3, январь-март, с. 25).

«Зеленая прическа...» (с. 123).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел. с авторскими пометами); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Черновой автограф — ИМЛИ, в составе фрагментов рабочей тетради Есенина 1917—19 гг.; тетрадь обгорела во время одного из пожаров в Константинове. Беловой автограф — ИМЛИ, с составе той же тетради, с авторской датой: «1918 2 авг. ст. ст.»; там же — фотокопия этого автографа, снятая до того, как он обгорел, фотокопия была выполнена в 1926 г. при сборе материалов для музея Есенина. Факсимиле еще одного автографа опубликовано в журн. «Variétés», Bruxelles, 1930, № 11, 15 марта. В наб. экз. помечено 1917 г. В наст. изд. датируется по беловому автографу.

Кашина Лидия Ивановна (1886—1937) — владелица поместья в Константинове. А.А.Есенина вспоминала: «Имение было очень красивое, но небогатое и неболь-

шое... Белый каменный двухэтажный кашинский дом утопал в зелени. На сравнительно маленьком участке разместились липовые аллеи, фруктовые сады... Нам, деревенским ребятам, это имение казалось сказочным. Дух захватывало при виде огромных кустов расцветшей сирени или жасмина, окружающих барский дом, дорожек, посыпанных чистым желтым песком, барыни, проходившей в красивом длинном платье, или ее детей в соломенных шляпах с большими полями, резвящихся на этих дорожках» (Восп., 1, 58—59). Е.А.Есенина вспоминала, что Есенин познакомился с Л.И.Кашиной через своего друга и односельчанина Тимошу Данилина, который учился в рязанской гимназии, а летом занимался с двумя маленькими детьми Л.И.Кашиной. Это подтверждал и ее сын, Георгий, с которым занимался Т.Данилин. Он рассказывал, что летом 1917 г. они, дети, вместе с Т.Данилиным устроили домашний спектакль и в этой связи Т.Данилин и Есенин стали чаще бывать в их доме. «Матери нашей очень не нравилось, что Сергей повадился ходить к барыне,— вспоминала Е.А.Есенина.— Мать больше не пробовала говорить о Кашиной с Сергеем. И когда маленькие дети Кашиной, мальчик и девочка, приносили Сергею букеты из роз, только качала головой. В память об этой весне Сергей написал стихотворение Л.И.Кашиной „Зеленая прическа..."» (Восп., 1, 45—46). Как рассказывал Г.Н.Кашин, его матери действительно летом 1918 года в Константинове не было — она попала в автокатастрофу и находилась в Москве. В 1918—19 гг. в Москве Есенин бывал у нее дома в Скатертном переулке. Сохранилась фотография, на которой Есенин снят в группе гостей в ее гостиной.

«Я по первому снегу бреду...» (с. 125).— Газ. «Вечерние известия Московского Совета», 1918, 26 сентября, № 58; $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1917 г.

Р.Б.Гуль писал: «И по музыке своих песен и по темам песен — Есенин не европеец. Он — восточник, из „Евразии“. Это многим нравится. И в этом есть прелесть. Но еще лучше, когда вдруг из русского рязанского парня выглянет пращур-язычник. Когда заговорит Есенин языком древнего земляного эроса» и цитировал две последние строфы стихотворения (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1923, № 2, февраль, с. 14).

«Серебристая дорога...» (с. 126).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Черновой автограф — ИМЛИ, без даты, в составе остатков рабочей тетради Есенина 1917—19 гг., пострадавшей при пожаре. Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, вместе с беловым автографом «Не стану никакую...» под общим заголовком рукой автора «Стихотворения Сергея Есенина»; на автографе помета: «К печати. М.Греков», помета зачеркнута и ниже другая помета неустановленного лица: «№ 44, октября 8 дня». С публикацией в каком, вероятнее всего — еженедельном, издании связаны эти пометы — не установлено. Второй беловой автограф — ИМЛИ, в составе рукописного сборника 1918 г. «Стихотворения» (см. прим. к «О пашни, пашни, пашни...»). В наб. экз. помечено 1917 г. Датируется по этой помете в наб. экз. с учетом того, что редакционные поме-

ты на беловом автографе также, вероятнее всего, относятся к этому году.

«Отвори мне, страж заоблачный...» (с. 127).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Черновой автограф — ИМЛИ, без даты, в остатках рабочей тетради Есенина 1917—1919 гг., пострадавшей при пожаре. Беловой автограф — РГАЛИ, без даты. Датируется по помете в наб. экз. 1917 г.

«О верю, верю, счастье есть!..» (с. 128).— Журн. «Рабочий мир», М., 1918, № 18, 24 ноября, с. 3; $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1917 г.

«Песни, песни, о чем вы кричите?..» (с. 129).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — ИРЛИ, без даты. Беловой автограф первоначальной редакции заключительной строфы — РГАЛИ, с подписью автора и авторской датой: «Москва. 17 декабря 1918», которая, судя по всему, представляет собой дату выполнения автографа (сб. $П_{18}$, где было напечатано стихотворение, к середине декабря 1918 г. вышел). Датируется по помете в наб. экз. 1917 г.

Имелся экз. $П_{21}$ с дарственной надписью «Ивану Константиновичу Меньшикову с приязнью. С.Есенин. 1920. Нояб. Москва» и с авторскими поправками в тексте стихотворения: в ст. 13 вместо «осенняя» было вписано

«равнинная», кроме того — зачеркнута заключительная строфа и вписан текст, совпадающий с окончательной редакцией. Местонахождение данного экз. в настоящее время неизвестно, приводится по копии с подлинника (частное собрание — Москва).

Резко осудил стихотворение П.И.Лебедев-Полянский. В рецензии на $П_{18}$, процитировав вторую и третью строфы стихотворения, он писал: «Ни один серьезный и последовательный коммунист не может примириться с желанием автора „Преображения“; коммунист не ищет „голубого покоя“, он горит огнем красного энтузиазма и творчества,— он не мечтает бродить по траве „одиноким“, он привык чувствовать себя членом коллектива; и на свою душу он не смотрит как на суму нищего,— наоборот, в ней он находит достаточно сил для борьбы не только с интеллигентскими, слащаво-идеалистическими настроениями, но и с врагом более сильным» (журн. «Пролетарская культура», М., 1919, № 6, февраль, с. 42). В.Л.Львов-Рогачевский высказал предположение, что слова Есенина из первой редакции заключительной строфы являются самооценкой революционных поэм 1917—1918 гг.: «В своих стихах Сергей Есенин силен не мыслью, а настроением. И когда это настроение искренно, когда оно выражается без вычур, без позы и кривлянья, без шаманства — оно захватывает и пленяет читателя. А когда этого настроения нет, получается что-то крикливо-вымученное...». Приведя затем две первые и две последние строки первой редакции («...Несчастье родиться поэтом // И своих же стихов не любить!..»), критик продолжал: «Его прекрасные революционные стихи пришли к нему, как радостный гость, на короткое время, пришли не как результат глубокого революционного миросозерцания, а как вспышка восторженного

настроения» (Львов-Рогачевский В. «Поэзия новой России», М., 1919, с. 59).

Выражение одной из коренных особенностей поэзии Есенина увидела в стихотворении Н.И.Петровская: «Через природу, через молитвенно-созерцательное касание к Мировой Душе он приобщается к вечному источнику поэзии». Процитировав первую и вторую строфы стихотворения, она продолжала: «Пастух, овеянный „голубым покоем полей“, вырезал из ветки свирель, и запела она. Сгрудились вокруг звери и слушали эту песнь, зазвучавшую, может быть, в первый раз для их темного сердца, и, вероятно, тогда сам Есенин не знал, что потом ее будут слушать где-то в больших, далеких, чужих городах» (Нак., 1922, 19 ноября, № 190, Лит. прил. № 27). Весьма критично настроенный по отношению к Есенину Ис. Соболев тем не менее отмечал: «Его давняя лирика поосто хороша. Ее мотивы не оригинальны, но приятен поэтический метод» — и цитировал данное стихотворение (альм. «Возрождение», т. 2, М., 1923, с. 367—368).

Резко отрицательно оценивал, как он писал, «неизлечимую лирику» Есенина Гайк Адонц. Процитировав строки «Будь же холоден ты, живущий, // Как осеннее золото лип...»,— он возмущался: «Холоден?! Живущий в наши кипучие дни? О лирическая цепочка, как ты крепка!.. И хочется выписать одну строчку из стихотворения <...>: Скучно мне с тобой, Сергей Есенин! Да, невесело!..» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 34, 25 августа, с. 10—11).

«Вот оно, глупое счастье...» (с. 131).— $П_{18}$; Рус. (корр. отт. Тел.); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ГЛМ, в альбоме Н.Л.Манухиной, без даты. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— 1918 г. В наст. изд. сохраняется эта дата.

Стихотворение входило в число тех, которые Есенин часто читал с эстрады. Н.Г.Полетаев в 1918 г. на одном из собраний в Пролеткульте услышал стихотворение в авторском чтении: «Читал он необычайно хорошо. В Москве он читал лучше всех. Недаром молодые поэты читали по-есенински... Возможно ли было в четырех строчках нарисовать полнее картину вечера, дать этой картине движение, настроение» (Восп., 1, 295). Сходно описывал свои впечатления В.П.Комарденков, слышавший в тот же период чтение Есенина в кафе «Питтореск» (см.: Комарденков В. «Дни минувшие», М., 1972, с. 62—63).

Еще в 1923 г. Р.Б.Гуль выделил как одну из коренных особенностей поэтики Есенина «живопись словом». Отметив, что именно с помощью красочных эпитетов Есенин часто достигал «изумительных эффектов», он привел примеры стихов, в которых использовались различные краски и создавалась «многоцветная картина». Но, по его мнению, живописный эффект «еще явственнее будет там, где рисунок не многоцветен, а в две краски. Белое с красным-золотым:

Вот оно, глупое счастье
С *белыми* окнами в сад.
По пруду лебедем *красным*
Плавает тихий *закат*».

Далее критик выделяет, кроме прямых эпитетов, колористические акценты таких слагаемых картины, как береза, калина, звезда (Нак., 1923, 21 октября, № 466).

«Проплясал, проплакал дождь весенний...» (с. 132).— Ск-2, с. 176; $П_{18}$; Рус. (ст. 1—16 — корр. отт. Тел., ст. 17—28 — автограф); $П_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.) с исправлением в ст. 27 («Или, Или, лама савахфани» вместо «Или, Или, Лима Савахвани») по $И_{22}$.

Первоначальные автографы неизвестны. Имеющийся автограф ст. 17—28 входит в макет сб. «Руссеянь» и относится ко времени его подготовки, т.е. к 1920 г. В наб. экз. стихотворение первоначально датировано 1918 г., затем дата изменена на 1916 г. Видимо, Есенин колебался в ее определении. В Собр. ст. стихотворение не датировано. Текст был передан Есениным в редакцию «Скифов», вероятно, в августе 1917 г. (см. прим. к «О край дождей и непогоды...»). С учетом этого стихотворение датируется 1917 г.

Своеобразным комментарием к стихотворению является статья Р.В.Иванова-Разумника «Две России», также появившаяся в Ск-2, в которой большое внимание было уделено творчеству Есенина. Р.В.Иванов-Разумник, осмысливая путь, на который вступила Россия после Февральской революции, считал, что ко времени, когда писалась статья (ноябрь 1917 г.), народ подведен к Голгофе. «Наступают тяжелые, страшные, страстные часы и дни,— писал он,— кажется подлинно предан уже великий Народ на казнь торгашам и книжникам, напоен оцетом и желчью, сопричтен к разбойникам, поднят на крестное древо, увенчан терновым венцом и об одежде его уже мечут жребий...» Он утверждал, что, как Христос, народ и его революция преданы книжниками и фарисеями. Далее в статье шло как бы публицистическое перефразирование стихотворения Есенина:

«Стоят толпами у креста злословящие и „мимоходящие“, стоят и немногие „верные“; и между двумя станами этими — пропасть. Поистине — настал уже девятый час, уже слышны последние слова со креста: „Или, Или, лима савахфани!..“ Между двумя станами — подлинно пропасть, уже завеса во храме раздралась надвое, с верхнего края до нижнего, и земля потряслась, и камни распались.

Да, меч прошел через наши души, да, все мы разделились на два стана, и пропасть между нами. И по одной стороне провала — остались все люди Ветхого Завета, обитатели Старого Мира, озабоченные спасением старых ценностей: веками ведь складывались ценности эти — государство, церковь, быт... А по другой стороне — стоят те, кто не боятся душу погубить, чтобы спасти ее, стоят люди Нового Завета, стоят чающие Мира Нового. И нет перехода, нет понимания, нет примирения — нет и не будет надолго» (Ск-2, с. 204, 205).

Сопряженность текстов очевидна, но хотя стихотворение Есенина передано в редакцию раньше, чем была написана статья, из этого не следует делать вывод об их взаимозависимости, к тому же есть и существенное различие в позициях авторов: Р.В.Иванов-Разумник настойчиво пишет о необходимости и неизбежности разрушения старого, а Есенин, как бы предвосхищая мнение критика, предупреждает: «Не изменят лик земли напевы, // Не стряхнут листа...»

В критике стихотворение Есенина было сразу отмечено как одна из важнейших его автохарактеристик, но поэтому и оценивалось, исходя из общих установок того или иного критика. Рецензент пролеткультовского «Горна» заявлял: «Жалко за Есенина. Жалко за пропадающее зря громадное дарование. Он мог бы стать великим народным поэтом, одним из наших революционных певцов... Жив в

нем тот боевой, хочется сказать, мальчишеский задор, который *может* стать революционным порывом, если пойдет на дело, сольется с мощным потоком пролетарского строительства нового мира... У Есенина есть моменты прозрения. Тогда и говорит он себе горькую правду: „Не нужен ты", понимает, что его „красный вечер" — „всколыхнет Брюсова и Блока" всего-навсего, понимает, что он слагает ныне свои песнопения для кучки ненужных, отставших от жизни людей. Но он покамест не в состоянии бросить это пустое дело, отрешиться от старого мира и пойти туда, где его ждет радостный, творческий труд,— в стан борцов за коммунизм» (журн. «Горн», М., 1919, № 2/3, с. 114—115). Критики другой ориентации видели в стихотворении свидетельство особого места, которое занимал Есенин в «Скифах» и «Нашем пути». «Каковы бы ни были пункты сродства, приведшие Есенина в это общество,— писал, например, А.И.Ромм,— но он оказался на высоте положения и здесь: очень хорошо подражал Клюеву, изо всех сил старался встать в позу апокалиптического пророка, разрушал и созидал миры — а между тем упорно шел вперед технически и поэтически, разрабатывал образность... И опять сквозь истерические выклики о Новом Содоме, Егудииле, Саваофе и Исаии, сквозь весь этот чужеродный вихрь, поднявший и закрутивший человека, прорываются совсем отличные, теперь по особому понятные строки». Далее автор приводил две первые строфы стихотворения (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 35).

Понтий Пилат — римский прокуратор (наместник) провинции Иудеи в 26—36 гг., в годы его правления был распят Иисус Христос. *Или, Или, лама савахфани...*— Согласно Евангелию, эти слова произнес Христос перед смертью на кресте. «Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Илѝ, Илѝ! ламá савахфанѝ? то есть: Бо-

же Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матф., 27, 46). В Евангелии от Марка эти слова приводятся в другой транскрипции («Элои! Элои! ламма савахфани?» — Марк, 15, 34). Приводя эти слова, Есенин опирался не на Библию, поскольку в Библии указаны ударения, которые он не учел. Ср. эти слова в приведенной выше статье Р.В.Иванова-Разумника.

«О муза, друг мой гибкий...» (с. 134).— $П_{18}$; Рус. (ст. 1—17 — автограф, ст. 18—33 — корр. отт. Тел.); $П_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Первоначальная рукопись неизвестна. Автограф ст. 1—17 входит в макет сб. «Руссеянь» и относится ко времени его подготовки, т.е. к 1920 г. В наб. экз. помечено 1917 г. В обгоревших остатках рабочей тетради Есенина 1917—1919 гг. (ИМЛИ) среди набросков состава «Преображения» трижды встречается упоминание этого стихотворения:

На одном	24	Зеленая прическа
листе:	16	Глупое счастье
	20	Песни песни
		[Серебристая дорога]
	20	[Где ты отчий дом]
	33	О муза друг мой
	113	
На другом		Иногда
листе:	2	То не
	2	О пашни
	2	О муза
На третьем		О муза
листе:		Глупое
		[Пашни]

Песни
О муза
Разбуди меня
Я по первому снегу
12 Нивы сжаты
16 Я по первому
[Серебристая дорога]
Разбуди меня
Где ты, где ты, отчий дом

С.А.Толстая-Есенина была склонна трактовать эти записи как указание на то, что стихотворение было написано «только что», т.е. в 1918 году (Комментарий — ГЛМ). Однако в этих набросках в одном ряду с ним названы такие стихи 1917 г. как «Разбуди меня завтра рано...», «Песни, песни, о чем вы кричите...» и др. В самой тетради среди листов, заполнявшихся в 1918 г., каких-либо черновиков стихотворения нет. Поэтому, видимо, правильнее расценивать его упоминание в этих записях как указание, что оно было *уже* написано, но не обязательно *только что*. Это позволяет с бóльшим доверием отнестись к авторской дате, тем не менее она иногда подвергается сомнению.

Стихотворение входит в круг произведений, связанных с формированием так наз. «новокрестьянской» группы поэтов и прежде всего с творческими взаимоотношениями Есенина и Клюева. В этой связи оно естественно читается в сопоставлении с «О Русь, взмахни крылами...» и может рассматриваться как своего рода его продолжение. Отсюда, в свою очередь, вытекает предложение датировать стихотворение 1918 годом, что косвенно как бы подтверждается и тем, что первая известная в настоящее время его публикация (П_{18}) относится к концу этого года. Однако подобное умозаключение нельзя принять безоговорочно.

В стихотворении скорее следует видеть своего рода вариант «О Русь, взмахни крылами...», еще один взгляд поэта на историю становления того поэтического круга, который он несколько позже назвал «нашей крестьянской купницей». Это содружество сложилось в начале 1916 г., после успешных выступлений в «Красе» и «Страде». Именно тогда окрепли и определились творческие связи Есенина с Клюевым, которого применительно к 1916 году он мог по праву назвать «апостолом нежным». О том времени Есенин мог сказать: «Звездой нам пел в *тумане* Разумниковский лик». Открывая первый сборник «Скифов», Р.В.Иванов-Разумник писал, что он «складывался еще с весны 1916 года, в пасмурные, безвременные дни, в дни покорно согнутых спин, богомольно отбиваемых земных поклонов». В то время появилась статья Р.В.Иванова-Разумника «Земля и железо», посвященная сборнику Клюева «Мирские думы», в которой формулировались принципиальные для группы идеи о западной цивилизации и городской культуре («железе» по терминологии Р.В.Иванова-Разумника), которым противостоят мудрость земли и сила народного духа (газ. «Русские ведомости», М., 1916, 6 апреля, № 79). При взгляде на стихотворение, как написанное в 1917 г., легко и естественно прочитываются и другие временны́е определения в нем: «*опять* под дождик сыпкий», «*опять* весенним гулом» — т.е. вновь по отношению к весне 1916 г., «праздник светлый» — революция, освобождение, тот «весенний гул», который воодушевлял Есенина весной и летом 1917 г., и т.д. «Теперь мы стали зрелей» — подобным образом Есенин действительно мог охарактеризовать группу в начале 1917 г., но вряд ли он мог сказать так в 1918 г., когда выявилось, что единство во многом лишь «кажущееся». Трудно также представить себе, чтобы

Есенин вскоре после предельно резких выпадов против Н.А.Клюева («...за последнее время сделался моим врагом», «только изограф, но не открыватель» — в письме к Р.В.Иванову-Разумнику от января 1918 г.), какие бы коррективы на сиюминутность реакции и конкретность повода ни вносить в эти оценки, мог несколько месяцев спустя назвать Клюева «апостолом нежным».

Стихотворение «О муза, друг мой гибкий...» вполне может рассматриваться как близкое по времени создания к «О Русь, взмахни крылами...». Во всяком случае, пока не обнаружены изначальная рукопись и другие материалы, раскрывающие творческую историю этого произведения, приходится воздержаться от пересмотра авторской датировки и сохранить датировку по помете в наб. экз.— 1917 г.

«Я последний поэт деревни...» (с. 136).— Т20; Т21; И22; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; И25.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ГЛМ, без даты. В наб. экз. ошибочно датировано 1921 г. В наст. изд. датируется по первой публикации. Е.А.Есенина свидетельствует, что стихотворение было написано во время приезда в Константиново в 1920 г. (Есенин был там в последних числах апреля — первых числах мая):

«На третий день, перед отъездом, Сергей сказал мне, а скорее самому себе:

— Толя говорил, что я ничего не напишу здесь, а я написал стихотворение.

В этот приезд Сергей написал стихотворение „Я последний поэт деревни...“» (Восп., 1, 54).

Стихотворение широко перепечатывалось в различных журналах, сборниках и альманахах: журн. «Творчество», Чита, 1921, № 7; кн. «Справочник-альманах», Берлин,

1922; сб-ки: «Поэзия революционной Москвы», Берлин, 1922; «Деревня в русской поэзии», Берлин, 1922; «Русская поэзия XX века», М., 1925; «Современные рабоче-крестьянские поэты», Иваново-Вознесенск, 1925; «Писатели-современники», М.—Л., 1925 и др.

В критике было сразу воспринято как важнейшая автохарактеристика и с момента появления практически в каждой статье о Есенине оно в той или иной форме упоминалось или цитировалось. П.В.Пятницкий, например, писал: «Поэт видит возможность и неизбежность ломки деревенского быта в силу хотя бы механизации и электрификации земледелия. Он об этом скорбит, но логика вещей неумолима». Анализируя стихотворение в единстве с «Пантократором» и другими произведениями этого круга, критик высказывал предположение о смысле настроений и идеалов поэта: «Не есть ли это ожидание какой-то народнической революции? В этом нет правильности, даже и исторических перспектив». И окончательно отказывая Есенину в способности понять тенденции общественного развития, выносил приговор: «...пока он не достиг размаха и содержательности хотя бы и Маяковского» (журн. «Грядущее», Пг., 1921, № 1/3, январь-март, с. 62).

Чаще всего в этом стихотворении и других сходных с ним произведениях («Пантократор», «Сорокоуст» и др.) видели одностороннее отрицание прогресса, духовный консерватизм. Близкие между собой суждения такого характера высказывались критиками различных взглядов, принадлежавшими не то что к разным, но даже враждовавшим между собой группировкам, критиками как советскими, так и из русского зарубежья. Одна из наиболее выразительных характеристик такого плана принадлежит А.К.Воронскому: «Он называет себя последним поэтом

деревни; он уже слышит победный рожок железного врага и знает, что его, поэта, ждет черная гибель. Он выступает здесь как реакционный романтик, он тянет читателя вспять к сыченой браге, к деревянным петушкам и конькам, к расшитым полотенцам и Домострою. Нужды нет, что оправлено все это в прекрасную, сильную художественную форму» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 280).

Г.В.Алексеев как бы отрицал право Есенина именоваться «последним поэтом деревни». Он писал, что Есенин «за Клюевым понес было в литературу парное нутро избы, встревоженный войной и революцией быт села и хлесткий свист пастушьего кнута. Но в город, куда он пришел, куда тянулась и офабриченная деревня центральных русских губерний — пришел не „последний поэт деревни",— а поэт, с каждым годом, с каждым днем терявший связь со своими хатами, талантливый, но теперь не деревенский, а сшибленного с культурных устоев, развороченного гнильем революции города — поэт» (Г.Алексеев. «Деревня в русской поэзии», Берлин, 1922, с. 82).

Близкий знакомый Есенина, писатель и критик Г.Ф.Устинов видел в стихотворении прежде всего кризис индивидуализма (в его терминологии «психо-бандитизма»), который, как ему представлялось, вызывался «крестьянским собственническим сознанием». Явно намекая на недавние эпатажные высказывания Есенина («Самые лучшие поклонники нашей поэзии проститутки и бандиты»), он писал: «Уличный обыватель и проститутка с Тверского бульвара, еще недавно являвшие собою «социальную базу» для известного сорта «модных поэтов», пресытившись, отошли... Ушла в прошлое дедовская Русь, и вместе с нею, с меланхолической песней, отходят ее поэты». Этим процессом, утратой аудитории продиктованы, с его точки

зрения, «По мне пролеткульт не заплачет...» Н.А.Клюева и продолжающее и развивающее эту же тему стихотворение Есенина «Я последний поэт деревни...». «Есенин — самый яркий, самый одаренный поэт переходной эпохи и самый неисправимый психо-бандит, вторит своему собрату»,— писал он и приводил текст стихотворения (Устинов Г. «Литература наших дней», М., 1923, с. 59).

А.И.Ромм, напротив, видел в стихотворении одно из свидетельств того, что Есенин ко времени его создания «начал терять былую направленческую выправку» имажиниста, и что в нем и в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний...» «с выросшей простотой и силой звучат основные лирические темы «Москвы кабацкой»,— темы элегической грусти по своей ли уходящей молодости, по гибнущей ли деревенской деревне» (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 36).

Анатолий Борисович *Мариенгоф* (1897—1962) — поэт, один из основателей и теоретиков имажинизма. Познакомился с Есениным в конце лета 1918 г. Поначалу между ними установились тесные дружеские отношения, они часто выступали вместе на вечерах, некоторое время даже жили вместе в одной комнате. Вдвоем они подписали один из имажинистских манифестов, собирались вместе писать монографии о Г.Б.Якулове и С.Т.Коненкове. Однако и в это время между ними были творческие расхождения, которые обострились после возвращения Есенина из зарубежной поездки. Полный разрыв произошел летом 1924 г. В октябре 1925 г. Есенин сам пришел к А.Б.Мариенгофу «мириться», но хотя в последующие месяцы было несколько эпизодических встреч, дружеские отношения не восстановились.

Кроме данного стихотворения (посвящение сохранялось во всех изданиях, но несколько менялась его форма:

«Анатолию Мариенгофу», «А.Мариенгофу», «Мариенгофу»), Есенин посвятил ему также поэму «Пугачев» и статью «Ключи Марии». К нему же обращено стихотворение «Прощание с Мариенгофом», написанное непосредственно перед зарубежной поездкой.

«Душа грустит о небесах...» (с. 138).— Журн. «Жизнь и творчество русской молодежи», М., 1919, № 34/35, 1 июня, с. 5; сб. «Плавильня слов», М., 1920; Т20; Рус. (корр. отт. Тел.); Т21; И22; Грж.; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ИМЛИ, без даты. Датируется по наб. экз., где помечено 1919 г.

Александр Борисович *Кусиков* (1896—1977), к которому в первопечатном тексте было обращено стихотворение,— поэт, познакомился с Есениным в 1918 г., один из четырех лидеров имажинистского объединения. В.Г.Шершеневич писал: «...легче было сосчитать часы, которые мы, Есенин, Мариенгоф, Кусиков и я, провели не вместе, чем часы дружбы и свиданий» (сб. «Мой век, мои друзья и подруги», М., 1990, с. 570). Есенину посвящено стихотворение Кусикова «Кудри день.— Это ты в гранях города гость...», помеченное апрелем 1919 г., взаимосвязь с которым видна в стихотворении Есенина (Кусиков А. «В никуда», М., 1920, с. 24). Вместе с Кусиковым Есенин в 1921 г. выпустил сборник «Звездный бык». Отмечая крайнюю разнородность поэтов-имажинистов, некоторые критики вместе с тем находили определенные интонационные и стилистические переклички между стихами Есенина и Кусикова. В январе 1922 г. А.Б.Кусиков вместе с Б.А.Пильняком уехал в Ревель, оттуда — в Берлин. 4 февраля 1922 г. из Ревеля он писал Н.С.Ашукину: «...всех моих «друзей» имажинистов Есенина, Мариенго-

фа, Шершеневича мы не забываем ни прессой, ни докладами на вечерах. В русских газетах «Последние известия» и др. и иностранных в особенности было много статей. Вырезки я посылаю на брата Рубена. У него можешь посмотреть. Кроме этих общих статей (передай имажинезичам), вот уже в третьем номере идет с продолжением «История российского имажинизма». С полным описанием всех скандалов, манифестов, улицами, Страстным монастырем, мобилизацией и т.д. Это пишет один иностранец, который был все время в России, собирал всякие документы и, узнав о моем приезде, прибежал ко мне за дополнительными справками, но мне пришлось убедиться, что он лучше меня знает обо всем. Во всяком случае это отступление в моем письме, чтобы ты при встрече расцеловал Есенина, передал ему мой <...> самый горячий привет, прочел эти строки и мой адрес, если он ему для чего-нибудь понадобится» (РГАЛИ). По приезде Есенина в Берлин в мае 1922 г., А.Б.Кусиков сопутствовал ему и в жизни, и в публичных выступлениях. Их совместные выступления в Берлине проходили и после возвращения Есенина из Америки. А.Б.Кусикову в первой публикации был посвящен цикл «Москва кабацкая», его имя встречается в ранней редакции одного из стихотворений цикла («Пой, Сандро! навевай мне снова...»). После возвращения Есенина на родину их взаимосвязи оборвались.

«Устал я жить в родном краю...» (с. 139).— *Журн.* «Северные записки», Пг., 1916, № 9, сентябрь, с. 54; газ. «Советская страна», М., 1919, 10 февраля, № 3; сб. «Плавильня слов», М., 1920; Рус. (корр. отт. Тел.); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Черновой набросок — частное собрание (Москва), без даты; по свидетельству М.П.Мурашева, в архиве которого он хранился, был отнесен к 15 марта 1916 г. (см. Восп., 1, 190—192). Беловой автограф — ИМЛИ, без даты. В наб. экз. датировано 1915 г. В наст. изд. датируется 1916 г. по свидетельству М.П.Мурашева и первой публикации.

Впервые включенное в авторские сборники в 1920 г., стихотворение и в критике нередко воспринималось как относящееся к этому периоду творчества поэта (см., например, Нак., 1923, 21 октября, № 466).

«О Боже, Боже, эта глубь...» (с. 141).— Журн. «Сирена», Воронеж, 1919, № 4/5, 30 января, стб. 11—12; Рус. (корр. отт. Тел.); сб. «Плавильня слов», М., 1920; $Т_{20}$; $Т_{21}$; Грж.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. Датируется по помете в наб. экз. 1919 г.

«Я покинул родимый дом...» (с. 143).— Газ. «Борьба», Харьков, 1920, 29 февраля, № 57; сб. «Конница бурь. Второй сборник имажинистов», [М.], 1920, с. 9; Рус. (вырезка из сб. «Конница бурь»); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Два беловых автографа — РГАЛИ, оба без даты, на одном (парном к автографу «Теперь любовь моя не та...», см. с. 560) помета неустановленной рукой: «1921», вероятно — владельческая отметка времени получения автографа. Сохранилась фонограмма авторского чтения от 11 января 1922 г. Датируется по помете в наб. экз. 1918 г.

«Хорошо под осеннюю свежесть...» (с. 144).— Газ. «Борьба», Харьков, 1920, 7 марта, № 63; сб. «Конница бурь. Второй сборник имажинистов», [М.], 1920, с. 8; Рус. (корр. отт. Тел.); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж., ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ИМЛИ, без даты. Датируется по помете в наб. экз. 1918 г. А.Б.Мариенгоф относил создание стихотворения к зиме 1919/20 гг. Он рассказывал, что в особо тяжелые холода этой зимы они с Есениным переселились из своей неотапливаемой комнаты в ванную: «Ванну мы закрыли матрасом — ложе; умывальник досками — письменный стол; колонку для согревания воды топили книгами. Тепло от колонки вдохновляло на лирику. Через несколько дней после переселения в ванную Есенин прочел мне:

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

Действительно: приходилось зубами и тяжелым замком отстаивать открытую нами „ванну обетованную". Вся квартира, с завистью глядя на наше теплое беспечное существование, устраивала собрания и выносила резолюции, требующие установления очереди на житье под благосклонной эгидой колонки и на немедленное выселение нас, захвативших без соответствующего ордера общественную площадь» (Восп., 1, 317).

Песнь о собаке (с. 145).— Газ. «Советская страна», М., 1919, 10 февраля, № 3; Рус. (корр. отт. Тел.); сб.

«Плавильня слов», М., 1920; $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Известны два беловых автографа, оба — РГАЛИ; один — без даты, написан по старой орфографии (о его датировке — см. ниже), второй — выполнен в 1922 г. для А.Ярмолинского во время пребывания Есенина в США. В наб. экз. датировано 1915 г.

Авторскую датировку оспаривал В.А.Вдовин. Он утверждал, что до революции это стихотворение поэт «не читал, не показывал и ничего не говорил о нем никому из своих друзей». Он предлагал датировать стихотворение концом 1918 — началом 1919 гг., ссылаясь в подтверждение на ряд косвенных свидетельств современников. С его точки зрения, изменение датировки помогло бы объяснить, почему поэт так долго не публиковал стихотворение и не включал в свои сборники (см. ВЛ, 1972, № 9, с. 179—180).

В действительности, по свидетельству З.И.Ясинской, Есенин читал «Песнь о собаке» на одном из вечеров у ее отца в конце 1915 — начале 1916 гг. (см. Восп., 1, 255). Свидетельства других современников (А.А.Осмеркина, В.Г.Шершеневича, Г.Ф.Устинова), на которые ссылается исследователь, сводятся по сути дела к тому, что им привелось впервые прочитать или услышать это стихотворение сразу после революции, что не может служить доказательством, будто оно тогда и было *написано*. Г.Ф.Устинов, например, просто пишет, что Есенин в газете «Советская страна» «напечатал несколько своих стихотворений» и называет в их числе «Песнь о собаке» («Сергей Александрович Есенин. Воспоминания», М.—Л., 1926, с. 152). Необходимо также учитывать, что ни

один из этих мемуаристов не был знаком с Есениным в дореволюционные годы.

Несомненно, наводит на размышления то, что «Песнь о собаке» не вошла ни в один из авторских сборников, появившихся до 1920 г. Однако, подобно «Песне о собаке», ни в один из этих сборников не вошло и стихотворение «Устал я жить в родном краю...», достоверно относящееся к 1916 г. Оба они впервые вошли в $Т_{20}$, а их отсутствие в предшествующих сборниках можно объяснить композиционными соображениями, чему, как известно, Есенин уделял первостепенное внимание.

К сожалению, не датирован автограф стихотворения. Он написан по старой орфографии, что могло бы служить косвенным основанием для его датировки (новая орфография вводилась с 1 января 1918 г.), но Есенин на протяжении всего 1918 года писал то по старым, то по новым правилам. Стойко на новую орфографию он перешел в 1919 г. К тому же беловой, чистовой характер автографа не дает оснований для утверждения, что это — изначальная авторская запись текста, а не авторский список, сделанный post factum. Таким образом, аргументы В.А.Вдовина нельзя признать достаточно убедительными.

Обоснованность авторской датировки подтверждает детальным стилистическим анализом стихотворения Л.Л.Бельская: «Замысел „Песни о собаке“,— пишет она,— как нам кажется, возник не позднее 1915—1916 годов, но, наверное, долго вынашивался и не сразу оформился. Поэт тщательно работал над нею, совершенствовал, шлифовал и не торопился отдавать в печать. Следы этой продолжительной работы видны в стилевой „неровности“ (от закута к „синей выси“) и шероховатости (глядела она звонко и скуля), в синтаксической инерции (начальное А... А... А...; когда, когда, когда), в появлении

наряду с частыми у раннего Есенина усеченными рифмами (куры — хмурый, звонко — тонкий) неточных созвучий с выпадением согласного перед конечным гласным (подачки — собачьи, обратно — хатой)» (Бельская Л.Л. «Песенное слово», М., 1990, с. 45). Она выдвигает также предположение о возможном воздействии на замысел «Песни о собаке» появившихся в 1915 г. стихотворений В.Маяковского «Вот так я сделался собакой» и Г.Анфилова «Собака».

Все это позволяет воздержаться от пересмотра авторской датировки стихотворения и сохранить ее в наст. изд. Учитывается при этом также свидетельство С.А.Толстой-Есениной, тоже сохранившей данную дату: «Случай подобно тому, какой описан в этом стихотворении, произошел однажды в молодые годы Есенина, в его селе Константинове. Собака соседа Есениных ощенилась, и хозяин убил всех щенят. Есенин сам рассказывал об этом, и мать его, Татьяна Федоровна, помнит этот случай и то, как под впечатлением от него Есенин написал стихи» (Восп., 2, 260).

Стихотворение входило в число произведений, часто читавшихся Есениным с эстрады. Широко известен рассказ М.Горького о впечатлении, которое оставляло авторское чтение (см. Восп., 2, 9).

Анекдотически оценивала стихотворение пролеткультовская критика. Говорилось. например, что Есенин «стал имажинистом и в новой одежде он преподал нам ощенившуюся суку... И это в то время, когда мир захлебывается в крови гражданской войны, когда у израненного пролетариата кружится голова от напряжений!» (журн. «Гудки», М., 1919, № 2, апрель, с. 13). Характерно, что этот выпад вызвал поощрительную реплику П.И.Лебедева-Полянского (см. журн. «Пролетарская культура», М., 1919,

№ 7/8, апрель-май, с. 78). Очень высокую оценку стихотворению дала Н.И.Петровская. В рецензии на Грж. она подчеркнула, что стихотворение «необходимо привести целиком» и, процитировав его, продолжала: «Чистый эпос вдруг расширяется, отодвигает все условные рамки и принимает в себя глубину глубочайшей, волнующей сердце лирики. И „Песнь о собаке", просто о „суке", у которой по житейской простодушной жестокости утопили „семерых щенят", звучит, как Requiem» (Нак., 1922, 19 ноября, № 190, Лит. прил. № 27).

Обращает на себя внимание своеобразная поправка в первом автографе: в ст. 26 «Когда бросят ей камень в смех» последние слова сначала были написаны автором в соответствии с правилами «въ смѣхъ», но затем он зачеркнул их и поверх написал «всмѣхъ». Видимо, он стремился придать слову форму наречия, создать своеобразный грамматический неологизм, потом отказался от этого намерения и во всех последующих рукописных и печатных версиях текста этого неологизма нет.

«Закружилась листва золотая...» (с. 147).— Сб. «Плавильня слов», М., 1920; журн. «Москва», 1920, № 4, с. 13; Рус. (корр. отт. Тел., с авт. пометами); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — ИМЛИ, без даты; еще один автограф — РГАЛИ, без даты, был выполнен для А.Ярмолинского в 1922 г. во время пребывания автора в США. Датируется по наб. экз., где было первоначально помечено — 1921 г., но затем исправлено на 1918 г.

Высоко оценил стихотворение Д.Н.Семеновский. Отметив в специальной статье о Есенине, что его дарование «развертывается удивительно быстро и пышно», он пол-

ностью привел стихотворение, предварив его словами: «Печатью настоящей художественной зрелости отмечены его последние стихотворения, вошедшие в имажинистский сборник «Плавильня слов». Они немного похожи на фетовские мотивы, но на свой, есенинский лад. Сближает с Фетом Есенина и кажущаяся небрежность языка, и его воздушность, его прихотливость. Очень удачно клюевское сравнение есенинского стиха с ветром. Мертвых стихов у Есенина нет. Каждый его стих — с крыльями» (газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1920, 11 марта, № 56). Сходно комментировал строки из этого стихотворения в рецензии на $Т_{21}$ А.Н.Толстой: «Есенину присущ этот стародавний, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души, мечтательной, беспечной, таинственно-взволнованной голосами природы... Он весь растворен в природе, в живой, многоголосой прелести земли... Живи Есенин триста лет тому назад, сложил бы он триста чудесных песен, выплакал бы радостные, как весенний сок, слезы умиленной души; народил бы сынов и дочерей и у порога земных дней зажег бы вечерний огонь,— вкушал бы где-нибудь в лесном скиту в молчании кроткую и светлую печаль» (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 16—17).

«Теперь любовь моя не та...» (с. 149).— Сб. «Конница бурь. Второй сборник имажинистов», [М.], 1920, с. 7; Рус. (вырезка из сб. «Конница бурь» с авт. пометами); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, парный к автографу «Я покинул родимый дом...», хранящемуся также в РГАЛИ, с пометой неустановленного лица: «Оба стихо-

творения, писанные рукой Есенина, получены от него в 1920—1921 гг. в Книжной лавке поэтов на Никитской». В наб. экз. датировано 1918 г.

Авторская датировка оспаривается С.И.Субботиным: «Примерно в то же время <т.е. во второй половине 1919 г.> Есенин познакомился с клюевским двухтомником „Песнослов“, выпущенным в свет во второй половине 1919 года, и, конечно, прочел посвященный ему цикл из четырех стихотворений во второй книге этого издания. Думается, стихотворение Есенина „Теперь любовь моя не та...“ с посвящением Клюеву, обнародованное в 1920 году, явилось откликом на клюевскую книгу. В этом убеждают явные параллели и переклички строк послания Есенина не только со стихотворениями цикла, посвященного ему, но и с другими стихами второй книги „Песнослова“» (сб. «В мире Есенина», М., 1986, с. 518).

В тексте Есенина отчетливо слышны отзвуки таких стихотворений Клюева, как «Избяные песни» («ты сердце выпеснил избе», «в окошко не увидеть рая»), «Песнь Солнценосца» («тебе о солнце не пропеть»), таких строк из «Подонного псалома», как «Где лежат два ключа золотые» («кому ж твои ключи ты золотил поющим словом»). Образы вестника в ночи («и тот, кого ты ждал в ночи») или падающей звезды («грустя и радуясь звезде») встречаются во многих стихах Н.А.Клюева — см., например, «Ожидание» («Встань, пробудися, душа,— // Светлый ездок у ворот!»), «Святая быль» («Мое платье — заря, венец — радуга, // Перстни — звезды, а песни, что вихори...»), «Февраль» («Он полуночную звезду перековал на сталь») и мн. др. Иными словами, параллели возникают со стихами, которые были опубликованы и стали хорошо известны Есенину задолго до «Песнослова». Единственное, пожалуй: одна рифма в стихотворении Есенина («ту-

жишь — лужи») может восприниматься как в какой-то степени близкая к клюевской рифме из «Песнослова» («лужи — недужит») в стихотворении «Бумажный ад проглотит вас...», обращенном к Есенину. Но вряд ли это сходство можно рассматривать как «явную параллель».

«Теперь любовь моя не та...» легко и естественно занимает свое место именно среди произведений Есенина конца 1918 г. После резкого публичного выпада Н.А.Клюева в «Елушке-сестрице...» и не менее резкого, но не публичного ответа ему (см. прим. к «Тучи с ожерёба...» и «О Русь, взмахни крылами...») у Есенина начало расти понимание своих творческих расхождений с Н.А.Клюевым. Он не делал из этого тайны, говорил об этом с А.А.Блоком, В.С.Миролюбовым, другими литераторами. В марте 1918 г. Н.А.Клюев писал В.С.Миролюбову: «Благодарение Вам за добрые слова обо мне перед Сережей, так сладостно, что мое тайное благословение, моя жажда отдать, переселить свой дух в него, перелить в него все свои песни, вручить все свои ключи (так тяжки иногда они и единственный может взять их) находят отклик в других людях. Я очень болен, и если не погибну, то лишь по молитвам избяной Руси и, быть может, ради „прекраснейшего из сынов Крещена Царства“» (цит. по «В мире Есенина», М., 1986, с. 514—515; публ. С.И.Субботина). Вполне вероятно, что Есенин был знаком с этим письмом или же нечто сходное писал ему сам Н.А.Клюев: открыто корреспондируются с письмом строки «О друг, кому ж твои ключи...».

В конце 1918 г. в «Ключах Марии» он писал о Н.А.Клюеве: «Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов и вместо голоса из-под камня Оптиной пустыни он повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея...». Та же мысль — и

в «Теперь любовь моя не та...»: «Ты сердце выпеснил избе, Но в сердце дома не построил».

К 1920 году отношения между поэтами еще более осложнились. В июне 1920 г. Есенин писал А.В.Ширяевцу: «А Клюев, дорогой мой,— бестия <...> Поползновения-то он в себе таит большие, а силенки-то мало. Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри — черт». И еще: «...брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с ее несуществующим Китежем и глупыми старухами... Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? Пусть уж нюхает Клюев, это ему к лицу, потому что от него самого попахивает, а тебе нет».

Если бы стихотворение писалось в 1920 г., эти мысли Есенина должны были бы присутствовать в нем. Учитывая все это, приходится воздержаться от изменения датировки и сохранить авторскую дату.

Посвящение Н.А.Клюеву сохранялось Есениным при всех переизданиях стихотворения (в автографе, «Коннице бурь», $Т_{20}$ и Рус.— «Н.Клюеву», в последующих публикациях — просто «Клюеву»), хотя их отношения развивались достаточно сложно. Появление в 1920 г. «Теперь любовь моя не та...» и «Ключей Марии», а также ставшее общеизвестным вхождение Есенина в группу имажинистов вызвало послание Н.А.Клюева «В степи чумацкая зола...», где он, называя Есенина «словесным братом», все же предрекал: «От оклеветанных голгоф // Тропа к иудиным осинам». В самом начале 1922 г. появился предельно резкий «Четвертый Рим» («Не хочу быть знаменитым поэтом в цилиндре и в лаковых башмаках...»). Есенин открыто на эти выступления Клюева не отвечал. Напротив, в

мае 1922 г. заметил в автобиографии: «С Клюевым у нас завязалась, при всей нашей внутренней распре, большая дружба, которая продолжается и посейчас».

Вернувшись из зарубежной поездки, Есенин предпринял попытку восстановить творческие контакты с Клюевым: пригласил его в Москву, организовал совместное выступление,— но былое содружество не восстановилось. В сентябре 1924 г. в стихотворении «На Кавказе» Есенин иронизировал: «И Клюев, ладожский дьячок, // Его стихи как телогрейка...». В октябре 1925 г., готовя для первого тома Собр. ст. автобиографию «О себе», он положил в ее основу автобиографию 1922 г., но передактировал ее. В частности, сохранив приведенную выше фразу о дружбе с Клюевым, отбросил ее конец: «которая продолжается и посейчас». Правда, тут же добавил еще одну фразу: «Блок и Клюев научили меня лиричности». Почти через всю жизнь пронес Есенин эту «дружбу-вражду»: признание Клюева одним из своих учителей и в то же время быстро возникшее осознание разности их творческих установок.

На гибель Есенина Клюев откликнулся своим известным трагическим «Плачем». «Во многом близкий, кровно родной Есенину, Н.Клюев говорит о нем особенными словами, рожденными именно этой близостью, этим „сродством душ“»,— писал об этой вещи П.Н.Медведев. Посетив 11 ноября 1929 г. существовавший тогда Музей Есенина, Н.А.Клюев записал в книге для посетителей: «Прощаю, молюсь и жду. Николай Клюев» (ГЛМ).

Стихотворение было высоко оценено критиками. По мнению Г.В.Алексеева: «В стихотворении „Клюеву“ Есенин очень точно и коротко определил сущность поэтического творчества этого единственного сейчас мужицкого поэта» (Г.Алексеев, «Деревня в русской поэзии», Берлин, 1922, с. 73). В рецензии на «Конницу бурь»

С.Ф.Буданцев писал: «В вещице, посвященной Клюеву, Есенин дал чудесный конец... Эта милая простота напоминает нам лучшие строки Некрасова. Само строение метафоры происходит именно от этого поэта» (журн. «Художественное слово», М., 1920, № 2, с. 63). Критик имел в виду известные строки из первой части «Кому на Руси жить хорошо»: «Лука похож на мельницу...» и т.д. Позже наблюдение повторил Д.И.Шепеленко, правда, отрицательно оценив это как одно из «очевидных заимствований» Есенина (см. журн. «Пролетарий связи», М., 1925, № 4, 5 марта, с. 205—206). В пролеткультовском «Горне» Н.М.Тарабукин выговаривал Есенину: «Пропев песню, как обещал он в одном стихотворении, про „печь, петуха и коров“, он остановился на распутье. Современность идет *мимо него*, „Ты сердце выпеснил избе, но в сердце дома не построил“,— говорит он, обращая эти слова к Клюеву. Но с не меньшим основанием мог бы их отнести и к себе» (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 225).

«По-осеннему кычет сова...» (с. 150).— Журн. «Знамя», М., 1920, № 3/4, май-июнь, стб. 33; Рус. (беловой автограф); $Т_{20}$; $Т_{21}$; $И_{22}$; Грж.; ОРиР; Б.сит.; $И_{25}$.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — ГЛМ, без даты; второй беловой автограф — собрание Н.Н.Макеева (г. Нея, Костромской обл.), также без даты; третий автограф — в составе Рус., также без даты. Во всех рукописных и печатных источниках текст идентичен. Датируется по наб. экз., где помечено 1920 г. А.Б.Мариенгоф и Л.И.Повицкий свидетельствуют, что стихотворение было написано во время пребывания Есенина в Харькове (т.е. в марте-апреле

1920 г.), но несколько по-разному передают обстоятельства его создания (см. Восп., 1, 319 и 2, 240).

Песнь о хлебе (с. 151).— Сб. «Звездный бык», [М.], 1921, с. 5; журн. «Знамя», М., 1921, № 9, май, стб. 75; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; $Ст_{24}$; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, с датой «Апрель 1921». В первопечатном тексте дата — 1921, в Ст24 — 1920. В наб. экз. и Собр. ст. датировано 1919 г. Сб. «Звездный бык», как об этом свидетельствует дарственная надпись Есенина И.Н.Розанову, вышел до 26 февраля 1921 г.; следовательно, дата на автографе фиксирует не время создания стихотворения, а время выполнения автографа. В наст. изд. принята авторская дата из первопечатного текста. Она подтверждается свидетельством Р.Ивнева, который вспоминал, что Есенин зимой 1920/21 гг. читал ему «Песнь о хлебе» как новое, только что написанное стихотворение (см. Восп., 1, 335).

Стихотворение сразу привлекло внимание критиков. «Песнь Есенина о хлебе, вошедшая в общий сборник его с Кусиковым, отражает неразрывную связь с землей, дедовские легенды, деревенские мифы»,— писал А.Е.Кауфман (журн. «Вестник литературы», Пг., 1921, № 11, с. 7). Но чаще стихотворение анализировалось в единстве с «Сорокоустом», как произведение, посвященное распаду и гибели природных, естественных основ народной жизни. Одним из характерных примеров может служить суждение Г.Ф.Устинова: «Есенин пришел в город почти мальчиком. Его старое деревенское бытие в новой городской обстановке подверглось трагическим изломам, изломам до боли, до мучительного страдания. И Есенин возненавидел за эту боль „бездушный город“, он почувствовал, что этот без-

душный город оказался сильнее его души — души полной и вполне организованной, хотя бы в той же ее непримиримой анархичности. Эта битва продолжалась долго — несколько лет. Для поэта это — большой срок. И кончилась или начинает кончаться — победой города, которую признает и сам Есенин <...> Жестокость борьбы, конечно, не привлекает Есенина, но он признает ее неизбежность и ищет причинности. По Есенину, вся причина жестокости кроется в том, что объективно такова вся жизнь". Критик подтверждал свою мысль, цитируя начальную и конечную строфы „Песни о хлебе"» (журн. «Вестник работников искусств», М., 1921, № 10/11, июль-август, с. 38). Подобные вульгаризаторские схемы и догмы приводили иногда к выводам достаточно странным. Так, например, А.Е.Крученых упрекал Есенина в том, что у него молодые поэты учатся отвращению к труду: «От него — этот ужас перед работой („грубость жнущих", „режут лебедей" — из есенинской „Песни о хлебе")» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 39, 29 сентября, с. 8).

Хулиган (с. 153).— Журн. «Знамя», М., 1920, № 5, ноябрь, стб. 35—36; С.Есенин «Исповедь хулигана», [М.], 1921; $И_{22}$; Грж.; Ст. ск.; $Ст_{24}$; ОРиР; Б.сит.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.). Первая редакция («Дождик мокрыми метлами частит...» — с. 306) — по черновому автографу (РГБ).

Черновой автограф — РГБ, без даты, на трех бланках «Коммуна пролетарских писателей. Москва. Петровские линии, № 20/21, кв. 44. Тел. 5-09-09»; может быть отнесен к 1919 г.: на одном из листов находится набросок состава сборника, связанный с подготовкой «Тельца», работа над которым началась в 1919 г. Беловой автограф — ГЛМ, без даты, вместе с фотографией автора с дарствен-

черная жуть по холмам..." ...Есенин этой мужицкой бунтующей России так же близок, как и России кроткой, смиренной. В нем живет „задор прежней вправки деревенского озорника". Он — „разбойник и хам и по крови степной конокрад"» (Кр. новь, 1922, № 3, май, с. 254—259). Напротив, В.П.Правдухин отмечал: «Сам Есенин мало-помалу меняет свои деревенские одежды. Порой его не узнать... Хоть он по-прежнему вещает:

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатый,

но ему уже не веришь. Чувствуется, что он безнадежно (быть может, благодетельно для его будущего?) ранен изломами и изысками города, и пока еще внутренне неокрепший, он, не нащупав новых ценностей, лишь потерял свою наивную, первичную певучесть, которая чаровала и нежила нас раньше в нем» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, № 2, май, с. 141). Сходные суждения высказывал Н.М.Тарабукин, считавший, что в стихотворении «отразилась анархическая психология деклассированного полуинтеллигента» (журн. «Горн», М., 1923, № 8, с. 225).

Гораздо глубже оценил эти вещи Есенина журнал «Новая русская книга», организовавший своеобразную дискуссию вокруг сборников «Трерядница» и «Исповедь хулигана», в которой приняли участие А.Н.Толстой и И.Г.Эренбург. А.Н.Толстой расценил образ хулигана в стихах Есенина как литературную маску, и притом не очень удачную. Он писал: «...судьба судила ему родиться в наши дни, живет он в Москве, в годы сатанинского искушения, метафизического престидижитаторства, среди мерзлых луж крови и гниющих трупов, среди граммофонов, орущих на

площадях проклятия, среди вшей, тухлой капусты и лихорадочного бреда о стеклянно-бетонных городах, вращающихся башнях Татлина и электрофикации земного шара.

Единый от малых сих искушен. Обольщенный, обманутый, раздробленный душевно, Есенин ищет в себе этой новорожденной мировой правды, ищет в себе подхода, бунта, разинщины.

Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Милый, талантливый Есенин, никогда сроду не были вы конокрадом и не стаивали с кистенем в голубой степи <...> Милый Есенин, не хвастайте... Вас обманули, что луна — контрреволюционна... А „хулиганы", скифы, вращающиеся башни и поэзобетоны превратились уже просто в уездный эстетизм» (журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 1, январь, с. 16—17). А.Н.Толстому отвечал И.Г.Эренбург: «Только в годы революции мог родиться поэт — Есенин. В ее пламенах немеют обыватели и фениксом дивных словес восстают испепеленные поэты. Русская деревня, похерившая Бога и хранящая, как зеницу ока, храм, схватившая свободу и спрятавшая ее вместе с керенками в сундучок, ревет и стонет в этих книгах. <...> когда же вы поймете, церемонные весталки российской словесности, что самогонкой разгула, раздора, любви и горя захлебнулся Есенин? Что „хулиган" — не „апаш" из костюмерной на ваших былых bal-masqué, а огненное лицо, глядящее из калужских или рязанских рощиц? Страшное лицо, страшные книги. Об этом оскале говорил в трепете Горький и о нем писал в предсмертном письме Блок: „Гугнивая, чумазая и страшная Россия слопала ме-

ня, как чушка своего поросенка". Но „любовь все покрывает", и такие слова находит Есенин для этой „гугнивой", что, страшась, тянешься к ней, ненавидя — любишь. И здесь мы подходим к преображению поэта. Кончается быт, даты, деревня, даже Россия — остается только жертвенная любовь и Глагол. Ведь Есенин не только деревенский или русский поэт, он еще поэт:

Засосал меня песенный плен,
Обречен я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

И в этом „песенном плену" он понял — „зачем?" — зачем и самогонка, и железный гость, и грустный Есенин на вечере в Политехническом музее. <...> „Звериных стихов моих грусть" — говорит Есенин. Да, но есть мгновение, когда зверь возревновавший становится Богом» (там же, с. 17—18; вырезка в тетради, где Есенин собирал материалы о себе, ГЛМ). Возможно, именно под впечатлением от этих рецензий и откликов аудитории на его публичные выступления в Берлине в мае 1922 г. Есенин дал стихотворению заглавие «Хулиган», хотя до этого оно печаталось без заголовка.

В последующие годы стихотворение анализировалось критикой, как правило, во взаимосвязи со стихами «Москвы кабацкой». Одним из первых пошел по этому пути А.К.Воронский: «Особо следует остановиться на опоэтизировании хулиганства,— писал он.— Вопрос этот приобретает сейчас особо острый характер. О своем хулиганстве поэт говорит давно, не переставая, с юношеских лет. Эта тема наиболее постоянная для Есенина. „Бродит черная жуть по холмам..." <...> Как-то казалось ему, что развернувшаяся борьба со злым ворогом открывает вновь

истлевшие страницы мужицкой повольщины, пугачевщины, обещает мужицкую „Инонию“ без железного гостя. Когда поэт увидел, что ошибся, он отдался ресторанному хулиганству и в чаду его открыл, что Москва — кабацкая» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 283—284). Сходные мысли высказывали в своих статьях и рецензиях И.Н.Розанов (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 112—115), Ф.А.Жиц (Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 282—283), В.А.Красильников (ПиР, 1925, № 7, октябрь-ноябрь, с. 112—127) и др.

Другой генезис этих тем у Есенина видел И.М.Машбиц-Веров: «Есенин спорит с ветром в хулиганстве, уверяет, что не будь он поэтом, „то, наверное, был мошенник и вор“, считает самым подходящим для себя занятием „в ночь, в голубой степи где-нибудь с кистенем стоять“... и т.д. Однако скоро оказывается, что все это — только „страшные слова“. „Хулиган“ фактически делает безобидные вещи <...> Здесь просто теперь уже не принятое, но недавно сравнительно, приблизительно до 1915 г., бывшее в очень большой моде, своеобразное богемно-поэтическое самохвальство хулиганством, пьянством, развратом и так далее. Все старые поэты, пережившие декаданс, символизм, своевременно прошли через этот период. И если даже считать, что Маяковский с некоторым основанием называл себя „апашем“ и поэтом „провалившихся носов“, то не надо забывать, что „светлый инок“ и „нежнейший рыцарь Прекрасной Дамы“ — поэт Александр Блок — тоже не раз рекомендовал себя словами вроде: „Я сам позорный и продажный с кругами синими у глаз...“ Есенин, таким образом, только с некоторым опозданием (в 1920—24 годах) продолжал моду декаданса» (журн. «Октябрь», М., 1925, № 2, февраль, с. 142).

«Все живое особой метой...» (с. 155).— Нак., 1922, 14 мая, № 40 (Лит. прил. № 3); Кр. новь, 1922, № 3, май-июнь, с. 84; И22; Грж.; Ст. ск.; Кр. нива, 1923, № 41, 14 октября, с. 19; М.каб.; Ст24; Б.сит.; И25.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф неизвестен. В наб. экз. датировано 1920 г. В Собр. ст.— 1919 г. В Ст24 — «1922, февраль». В наст. изд. принята авторская дата из Ст24.

Многими знакомыми поэта стихотворение воспринималось как биографическое. Один из его ближайших друзей детства, К.П.Воронцов рассказывал: «Он верховодил среди ребятишек и в неучебное время. Без него ни одна драка не обойдется, хотя и ему попадало, но и от него вдвое. Его слова в стихах: „средь мальчишек всегда герой“, „И навстречу испуганной маме я цедил сквозь кровавый рот“, „забияки и сорванца“ — это быль, которую отрицать никто не может» (Восп., 1, 126). П.В.Орешин тоже отмечал автобиографический характер стихотворения и подчеркивал, что оно создано «в пору ясного самосознания и расцвета» (там же, с. 266).

В первых откликах стихотворение рассматривалось, как правило, во взаимосвязи с имажинистскими увлечениями поэта. Но выводы делались критиками весьма различные. Так, А.Ветлугин, считавший, что имажинизм был глубоко органичен есенинскому творчеству, писал: «В революцию, в московском переулке, когда еще полаивали в сумерках пулеметы, встретился Есенин с его сегодняшними соратниками,— Анатолием Мариенгофом и Александром Кусиковым. Созданный их трудами, столько раз воспетый одними, заплеванный другими, имажинизм при осеннем подсчете цыплят оказался благодетелен. Начали дерзостно, прошли через задор, пришли к отваге:

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипятковая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась...»

(Нак., 1922, 4 июня, № 57; Лит. прил. № 6). Противоположную точку зрения высказывал В.П.Правдухин: «Будем помнить, что в нарочитом имажинизме, символизме, футуризме мы не найдем спасения и выхода к широким далям искусства, и мы видим, как от них постепенно уходят настоящие художники, например, Есенин, который тремя стихотворениями „Волчья гибель“, „Не жалею, не зову, не плачу“ (№ 2 — „Кр. новь“, 1922), „Все живое особой метой отмечается с ранних пор“ (кн. 3. „Красная новь“, 1922), сразу — звериным прыжком,— послав к черту свои прежние камерные упражнения, которые нужны лишь бездарным Шершеневичам, очутился опять на свободе и вновь обрел себя, словно снова родился» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1922, № 4, сентябрь-октябрь, с. 157). А.В.Бахрах, осудив богоборческие поэмы Есенина как свидетельство будто бы убитой в нем веры, как «известную позу» и «удаль ради удали», отмечает, что «залог к спасению у него есть». «...Спасет его — чувство, что и ему самому подчас „наплевать“ на все это — это помимо него — поэзия наитием, ибо в поэзии он Моцарт. Слишком больно было бы думать, что вдохновение его истощается, что блекнут краски, что ему не вылезти из тупика. Вместе с ним понадеемся, что „Ничего, что споткнулся о камень. Это к завтраму все заживет“» (альм. «Струги», кн. первая, Берлин, 1923, с. 204).

В последующем критики писали прежде всего о высоких поэтических достоинствах стихотворения. Так, А.З.Лежнев, отметив, что Ст24 — «лучшая из книг» по-

эта, отнес это стихотворение к числу наиболее значительных из вошедших в нее (ПиР, 1925, № 1, январь-февраль, с. 131). И.Н.Розанов обратил внимание на одну из особенностей лирического героя Есенина: «Он постоянно называет себя „хулиганом“, „разбойником“, „уличным повесой“, „озорником“». Далее он цитирует стихотворение, комментируя его так: «Но все это с надрывом: настоящей удали, веселого беззаботного озорства мы у него никогда не находим. Это не былинный Васька Буслаев. Он только крепится и сам себя подбадривает» (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 112—115).

«Мир таинственный, мир мой древний...» (с. 157).— Журн. «Культура и жизнь», М., 1922, № 2/3, 1—15 марта, с. 3—4; журн. «Вещь», Берлин, 1922, № 3, май, с. 9; Грж.; Гост., 1923, № 2, с. 3; Ст. ск.; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты. Сохранилась фонограмма авторского чтения от 11 января 1922 г. Датируется по помете в наб. экз. 1921 г.

В первопечатном тексте и ряде последующих публикаций и перепечаток стихотворение имело заголовок «Волчья гибель», который был снят при подготовке Грж. и не восстановлен в наб. экз. Однако в восприятии современников, в критике и мемуарах стихотворение, как правило, фигурировало под своим первоначальным заглавием.

И.И.Старцев рассказывал, что ст. 21 первоначально имела другую редакцию — «Зверь припал и из черных недр». Он вспоминал: «В этот же день Есенин читал „Волчью гибель“ в «Стойле Пегаса». Возвращаясь домой после чтения, он по дороге сделал замечание: „Это я зря написал: „Из черных недр кто-то спустит сейчас курки“.

Непонятно. Надо — „Из пасмурных недр". Так звучит лучше". И, придя домой, сейчас же исправил» (Восп., 1, 413). Рукопись, о которой рассказывает И.И.Старцев, неизвестна, в имеющихся источниках приводимый мемуаристом вариант не зафиксирован. Он же сообщает, что стихотворение было написано Есениным в день выступления «с маху».

Другой мемуарист, И.И.Шнейдер, повествует о совсем других обстоятельствах, при которых было написано стихотворение (там же, 2, 40). Он утверждает, что в авторском чтении ст. 17 и 18 звучали: «...тягуче колк*а* эт*а* песня...». Однако в фонографической записи отчетливо слышно: «тягуче колко». Он также сообщает, что в беловом автографе «Есенин вычеркнул название» стихотворения (см. И.Шнейдер «Встречи с Есениным», М., 1974, с. 49). Действительно, в автографе (РГАЛИ) есть заглавие «Волчья гибель», но и вписано оно и вычеркнуто — не рукой автора.

В критике стихотворение было расценено как один из манифестов Есенина, трактовалось как антиурбанистическое, как защита деревни от наступающего на нее города. Одним из первых написал об этом А.К.Воронский: «У Есенина,— говорил он,— город — это „черная гибель" и „железный враг" родимых полей. Он уверен, что деревня в итоге пропадет от города, но еще намерен посчитаться и „отпробовать вражеской крови" и „пропеть песнь отмщения", звучащую в его устах более как крик отчаяния» (Кр. новь, 1922, № 2, март-апрель, с. 272). Разделявший эту точку зрения П.С.Коган увидел в стихотворении «предсмертную ярость отчаяния» (Кр. новь, 1922, № 3, май-июнь, с. 256). И.А.Оксенов считал, что в стихотворении Есениным воплощена «трагедия старой деревни» и выделял его как «одно из сильнейших» в М.каб. (журн.

«Звезда», Л., 1924, № 4, с. 332). С более широких позиций комментировал стихотворение Н.Светлов: «Отход поэзии от деревни, от сельских красот и сельской тишины, как известно, начался давно: с распадом дворянско-помещичьего быта. Мотив тоски о природе, тоски как следствия разрыва с нею не нов на фоне всеобщей урбанизации искусства. В устах Есенина, „последнего поэта деревни“, он интересен как отражение в искусстве распада уже не дворянской России, а крестьянства, подавляемого городом, уничтожаемого как класс. Распад этот патологичен. Гибель деревни и уход — куда? — в бродяжничество, в босячество, в хулиганство» (газ. «Русский голос», Харбин, 1924, 5 августа; цит. по газ. «Волжский комсомолец», Самара, 1991, 9 февраля). Во многих статьях стихотворение, естественно, анализировалось в единстве с «Сорокоустом». Это характерно для статей И.Н.Розанова, Ф.А.Жица, А.П.Селивановского и др.

О своеобразии стилистики стихотворения писала А.Н.Рашковская, отметившая, что в нем сочетаются «нежная грусть любовной лирики и острое, влекущее ощущение гибели» (журн. «Вестник знания», Л., 1925, № 13, 1 июля, стб. 888). На другую стилистическую особенность обратил внимание В.А.Красильников, отметив, что Есенин «ввел в законное стиховое употребление много неизвестных деревенских провинциализмов и часто они так остро поставлены (например, на рифме), что неосведомленному читателю просто хочется считать их словообразованиями поэта». В качестве иллюстрации он привел рифму выбель — гибель (ПиР, 1925, № 7, октябрь-ноябрь, с. 117).

Выбель — в словаре Даля: выцветающая гниль, плесень.

«Сторона ль ты моя, сторона!..» (с. 159).— Нак., 1922, 21 мая, № 46 (Лит. прил. № 4); Грж.; Ст. ск.; Кр. нива, 1923, № 41, 14 октября, с. 19; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Автограф — РГАЛИ, с пометой Г.А.Бениславской <?> «Осень 1921 г.». Датируется по наб. экз., где помечено 1921 г.

Об одной из особенностей метрики Есенина на примере этого стихотворения писал В.А.Красильников. Он говорил, что Есенин прибегал преимущественно к традиционным литературным приемам и формам, но в их выборе и использовании был «суровым мастером». «Но самоограничивающийся суровый мастер оказался притом еще и великим мастером, большим поэтом. В пределах до конца данной формы он нашел неиспользованные вариации, зазвучавшие в стихах с необыкновенной силой. В качестве доказательства здесь достаточно сказать хотя бы только об употреблении цезуры, которая ставится в обычном (3-стопный анапест) метре Есенина обязательно. Но так как его цезура переменная — двигается в пределах первой и второй стопы, то строчки одного и того же анапеста интонационно совершенно различны („Мир таинственный,//мир мой древний“ и „Сторона ль//ты моя, сторона“). Так же разнообразно представлена в стихе поэта классическая рифма и звукопись» (ПиР, 1925, № 7, октябрь-ноябрь, с. 125).

«Не ругайтесь! Такое дело!..» (с. 161).— Журн. «Огонек», М., 1923, № 26, 23 сентября, с. 6; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Автограф неизвестен. Датируется по наб. экз., где помечено 1922 г.

Со строкой стихотворения «...в полях забулдыге ветер больше поет, чем кому...» (или с ее замыслом), возможно, связан заголовок раздела в Грж.— «Песни забулдыги» Хотя само стихотворение в этот сборник не вошло, оно, видимо, писалось в период его подготовки. Есенин нередко использовал в качестве заголовков циклов подобные фрагменты строк — «Вечер с метелкой», «Златое затишье», «Мреть», «Рябиновый костер» и т.п.

В критике стихотворение по большей части рассматривалось в контексте М.каб. и поэтому наибольшее внимание вызывали мотивы бродяжничества и хулиганства. После предельной императивности, «крикливости» стихов имажинистского периода, этот сборник удивлял своей «тихостью», минорностью. Так, например, И.А.Груздев в рецензии на него писал: «Ругань, кощунство и непристойность, как литературный прием, законны. Пушкин написал «Телегу жизни» с «русским титулом» и, когда П.Вяземский переделал стихи для печати, Пушкин в следующем издании восстановил свой текст, многоточием ориентируя читателя на пропущенное ругательство. Имажинисты и Есенин в свое время не скупились на подобные вставки, правда, делая это недостаточно убедительно. Но независимо от этого Есенин был поэт со своим пафосом и со своим жестом. Новая книга — не Есенин, но тень от него». И далее, приведя четвертую строфу стихотворения, критик продолжал: «Школьнику это может показаться ужасным нарушением всех условностей, но — для хулигана и скандалиста, каким настойчиво рекомендует себя в стихах Есенин, это, в сущности, программа-минимум, и, может быть, потому стихи не производят должного впечатления» (журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, 3, с. 255). Прямо противоположное увидел в стихотворении Ф.А.Жиц. Заметив, что «хорошо *сделанных*,

грамотных стихов в литературе нашей необычайно много, подлинной же поэзии в ней, к сожалению, необычайно мало», он продолжал: «Большей частью живой поэтический голос подменен весьма искусными руладами *стальных соловьев*, в хоре которых обаятельно одинок и неповторим голос есенинских стихов». К числу таких произведений он причислил «Не ругайтесь! Такое дело!..». Относительно мотивов бродяжничества, он, цитируя вторую строфу, замечал, что «такие настроения недолго живут в душе Есенина. Поэту, „нежно больному вспоминанием детства“, не уйти от заросшего пруда и от хриплого звона ольхи» (Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 282—283).

Полное неприятие стихотворения продемонстрировали критики пролеткультовского круга. Гайк Адонц писал: «Современность требует от своих поэтов яркой, определенной идеологии. Узкие рамки личных переживаний не могут теперь претендовать на какую-либо значимость. А Есенин за эти рамки не выходит и, вероятно, не может выйти. Его кажущееся буйство, его творческое «хулиганство», как он любит выражаться, в сущности не что иное, как самая монотонная, сладенькая лирика, расцвеченная нарочито грубыми словечками и преднамеренно резкими, отталкивающими образами». В подтверждение критик обращался прежде всего к «Не ругайтесь! Такое дело!..», усмотрев в нем «мотивы полнейшего отчаяния, полнейшей оторванности от жизни» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 34, 25 августа, с. 10). Другой критик подобного же толка, И.Т.Филиппов писал: «Приход Октябрьской революции огорошил Есенина. В этот момент он намеревался уйти от культуры», — далее критик цитировал «Не ругайтесь! Такое дело!..» (журн. «Лава», Ростов-на-Дону, 1925, № 2/3, август, с. 70).

«Не жалею, не зову, не плачу...» (с. 163).— Кр. новь, 1922, № 2, март-апрель, с. 100; Нак., 1922, 14 мая, № 40 (Лит. прил. № 3); И22; Грж.; Ст. ск.; М.каб.; Ст24; Б.сит.; И25.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Грж.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, выполнен в 1922 г. во время пребывания Есенина в США для А.Ярмолинского. В печати сообщалось о существовании в частном собрании еще одного автографа с дарственной надписью «Виктору Петровичу Яблонскому» (см. журн. «В мире книг», М., 1970, № 9, с. 41). Судя по надписи, автограф был выполнен не ранее 1924 г. Стихотворение датируется по помете в наб. экз. 1921 г.

В первой публикации было посвящено Сергею Клычкову. Сергей Антонович *Клычков* (1889—1937) — один из поэтических соратников Есенина. Печататься начал с 1906 г., в 1911 г. вышел его первый сборник «Песни». Стихи С.А.Клычкова стали известны Есенину еще в 1913—14 гг. и были им восприняты как «близкие по духу». К этому времени, возможно, относится и начало их личного знакомства. С.А.Клычков назван Есениным среди поэтов, которых он узнал в годы учебы в Университете Шанявского. Тесное сотрудничество между ними установилось в 1918—1919 гг.: они вместе принимали участие в создании «Московской трудовой артели художников слова», намеревались создать «крестьянскую секцию» при московском Пролеткульте, вместе с М.П.Герасимовым написали «Кантату», с ним и с Н.А.Павлович — киносценарий «Зовущие зори», вдвоем думали написать монографию о С.Т.Коненкове. Тогда же в «Ключах Марии» Есенин назвал Клычкова «истинно прекрасным народным поэтом».

Участие Есенина в группе имажинистов сочувствия у С.А.Клычкова не вызвало. В августе 1923 г. он опубликовал полемическую статью «Лысая гора», в которой уподобил российский поэтический Парнас тех лет этому обиталищу нечистой силы. Один из главных упреков С.А.Клычкова: «Надуманность, неестественность и непростота образа стали достоинством». Приметы этого он находил в творчестве Есенина: «Однажды я застал Есенина за такой работой: сидит человек на корточках и разбирает на полу бумажки. На бумажках написаны первые пришедшие в голову слова. Поэт жмурится, как кот на сметану, подбирает случайно попавшие под руку бумажки и из случайных слов конструирует более или менее выигрышный образ. Выходило подчас совсем недурно. Проделывалось все это, может, в шутку и озорство, тем не менее для нашего времени и эта шутка показательна: механизация нашей образной речи — явление характерное не только для имажинистов» (Кр. новь, 1923, № 5, август-сентябрь, с. 391). Эта полемика не нарушила их дружеских взаимоотношений.

С.А.Толстая-Есенина вспоминала: «Есенин рассказывал <...>, что это стихотворение было написано под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя. Иногда полушутя добавлял: „Вот меня хвалят за эти стихи, а не знают, что это не я, а Гоголь“. Несомненно, что место в «Мертвых душах», о котором говорил Есенин, — это начало шестой главы, которое заканчивается словами: „...что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!» (Восп., 2, 260).

Публикацией этого стихотворения началось сотрудничество Есенина в Кр. нови, где он за 1922—1925 гг. напечатал более тридцати произведений («Анна Снегина», «Русь советская», «Возвращение на родину», «Все живое особой метой...» и мн. др.).

Под свежим впечатлением от прочитанного в журнале стихотворения Н.Н.Никитин писал А.К.Воронскому в первой половине апреля 1922 г.: «Удивителен медный пушкинский стих Есенина» (ЛН, т. 93, с. 561). С первых печатных отзывов лейтмотивом большинства статей стало признание высочайшего мастерства поэта и констатация появления в его стихах пушкинских мотивов. В.П.Правдухин отнес стихотворение к числу произведений, наглядно доказывающих, что Есенин стремительно («звериным прыжком») преодолел имажинизм и «очутился опять на свободе» (см. прим. к «Все живое особой метой...»). Элегические интонации стихотворения, особенно заметные на фоне недавно звучавших бурных имажинистских императивов, вызвали недоумение у некоторых критиков. «Победит ли молодого и полного сил Сергея Есенина это губительное „увяданья золото" или и в нем проснется та могучая жажда жизни, что таким ослепительным звериным сиянием вспыхнула в Бурнове из „Пугачева" перед концом его»,— риторически восклицал Б.Е.Гусман. (Б.Гусман «100 поэтов», Тверь, 1923, с. 89; книга вышла в декабре 1922 г.). Другой критик подхватил эти мысли уже после зарубежной поездки поэта: «Становится боязно, что скверно отзовется на Есенине изречение: „Что имеем — не храним, потерявши — плачем". Становится страшно, что оправдается раздумье поэта», и, приведя далее первую и третью строфы стихотворения, продолжал: «Но хочется надеяться, что материала для творческого заряжения в народе РСФСР — непочатый край, и если у Есенина ос-

тался в пороховнице порох, то русская почва не отсырит его, а отеплит, согреет и <...> взорвет» (П.Жуков, «Сергей Есенин» — журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 ноября, с. 11).

Большинство критиков этих опасений не разделяло. А.К.Воронский, отметив, что «к теме о невозвратном прошлом поэт возвращается постоянно», подчеркивал: «Здесь он наиболее искренен, лиричен и часто поднимается до замечательного мастерства» и ссылался в доказательство на данное стихотворение (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 274). К числу лучших стихов Есенина относил это произведение А.З.Лежнев (ПиР, 1925, № 1, январь-февраль, с. 131). Другой рецензент писал: «...мы любим Есенина потому, что он один с такою, почти пушкинской, ясностью и чистотой писал...» — и далее цитировал «Не жалею, не зову, не плачу...» (журн. «Новый мир», М., 1925, № 3, март, с. 155).

Особенно резко звучали на подобном фоне суждения пролеткультовцев. Сославшись на строки из «По-осеннему кычет сова...» («Без меня будут юноши петь...»), Гайк Адонц предрекал: «Юноши»-то, т.е. современная молодежь, конечно, не запоют вместе с меланхоличным Есениным; но вот насчет «старцев» — другое дело... Для них, вероятно, в его стихах кое-что будет приятно, прозвучит так родственно, знакомо... „Не жалею, не зову, не плачу. Все пройдет, как с белых яблонь дым". Этот мотивчик интересующие Есенина «старцы», по всей вероятности, подхватят весьма охотно хриплыми, дрожащими, подходящими к подобной лирике голосами» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 35, 1 сентября, с. 9).

«Я обманывать себя не стану...» (с. 165).— Кр. новь., 1923, № 6, октябрь-ноябрь, с. 125; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, в составе макета сборника «Москва кабацкая», над которым Есенин работал еще во время пребывания в Париже в 1923 году и затем, по возвращении на родину, в 1924 г. в Москве. Авторизованная машинопись — ГМЗЕ (13—16 — автограф, 1—12 и 17—28 — машинопись с авторскими пометами), без даты. Датируется по наб. экз., где помечено 1922 г.

Не расстреливал несчастных по темницам...— В строке, возможно, сказалась реакция Есенина на появившиеся в эмигрантской печати обвинения в сотрудничестве с ЧК и прислужничестве властям, на попытки сблизить его имя с именем Г.Распутина. Клеймо «распутинщины» давно шло за Н.А.Клюевым. К этому времени начался перенос его на Есенина. Так, В.Мацнев в статье «Распутины советского Парнаса» писал, что в стихах Н.А.Клюева «что-то причитающее, юродивое; то ли от сектантского исступления, то ли от весьма таящегося в народной психике ворожащего шарлатанства», что его слушатели «подвергались заклинаниям, внушению». Нечто подобное критик усматривал и в сборнике Есенина «Триптих»: «В песнях Есенина много не только любопытного, но и значительного, но все это с огромной дозой бесстыжества, лукавства, распутиновщины» (газ. «Общее дело», Париж, 1921, 17 января, № 186). Вскоре смысл такого сближения имен из характеристики особенностей поэзии Есенина трансформировался в характеристику его общественно-политических позиций и его гражданского лица. В наиболее влиятельной эмигрантской газете «Последние новости» А.А.Койранский, хотя и оговаривался, что «не знает, чем заслужил» Есенин такое прозвище, но тем не менее писал: «Я не считаю Есенина „одним из наиболее талан-

тливых поэтов современности". Есть у него недурные, поэтичные стихи <...>, есть и шарлатанские выкрики, удары в рекламный бубен, вроде „Господи, отелись!" или „...над тучами, как корова, хвост задрала заря". И иное в том же зоотехническом стиле. Его «русские» мотивы не более подлинны, чем талашкинское кустарничество, Билибин или Малютин. За „крылатой мельницей" у него „шумит вода". Это — за ветряком-то! Во всяком случае, хороши ли или плохи его стихи, не за них он прозван Распутиным» (газ. «Последние новости», Париж, 1921, 29 сентября, № 446). Когда Есенин приехал в Берлин в мае 1922 г. его встретил шумный хор подобных голословных обвинений.

Позже в этой связи было сочинено немало зловещего о поэте. Одним из первых начал В.Ф.Ходасевич: «Помню такую историю. Тогда же, весной 1918 г., один известный беллетрист, тоже душа широкая, но не мудрая <А.Н.Толстой>, вздумал справлять именины. Созвал всю Москву литературную: „Сами приходите и вообще публику приводите". Собралось человек сорок, если не больше. Пришел и Есенин. Привел бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к беседам. Порою вставлял словцо — и не глупое. Это был Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбаха, германского посла. Есенин с ним, видимо, дружил. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать. Захотел щегольнуть — и простодушно предложил поэтессе: „А хотите поглядеть, как расстреливают? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою"» (журн. «Современные записки», Париж, 1926, т. 27, с. 311—312). Этот рассказ под пером И.А.Бунина получил такую интерпретацию: «...у Есенина, в числе прочих способов обольщать девиц, был и такой: он предлагал девице посмотреть расстрелы в

Чека,— я, мол, для вас легко могу устроить это» (газ. «Возрождение», Париж, 1927, 11 августа, № 800). Совершенно иначе воспринял эту строку О.Э.Мандельштам: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи, от которого как наваждение рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату: ...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя — смертельного врага литературы» (О.Э.Мандельштам, Сочинения в двух томах, т. 2, М., 1990, с. 93—94).

«Да! Теперь решено. Без возврата...» (с. 167).— Ст. ск.; журн. «Ленинград», 1924, № 3, 15 февраля, с. 13; Гост., 1924, № 1 (3), с. 8; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Беловой автограф — РГАЛИ, в составе макета сб. «Москва кабацкая», без даты. Авторизованная машинопись — ГМЗЕ, без даты. В Гост. вместе с «Мне осталась одна забава...» и «Я усталым таким еще не был...» под общим заглавием «Москва кабацкая» и с общей датой — 1924, отражающей время формирования подборки, но не время создания стихов. Датируется по помете в наб. экз. 1922 г.

Цикл «Москва кабацкая» начал складываться Есениным еще в период его зарубежной поездки. Впервые этот заголовок появился в Ст. ск. (книга вышла в июне 1923 г., ее рукопись была передана издателю раньше — видимо, в конце марта 1923 г., поскольку 20 марта датировано авторское «Вступление» к этому сборнику, которое завершается словами: «Последние 4 стихотворения «Мо-

сква кабацкая» появляются впервые»). В этом издании в цикл были включены: «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...». Весь цикл был посвящен А.Б.Кусикову.

Затем, в апреле-июне 1923 г., в период пребывания во Франции, Есенин задумывает издание цикла отдельной книгой. Сохранилась подготовленная автором обложка: «Есенин. Москва кабацкая. Имажинисты. Париж. 1923» (РГАЛИ). О составе цикла в этом издании достоверно судить трудно, поскольку два варианта оглавления, сохранившиеся в этом же макете, относятся, скорее всего, к более поздним этапам его формирования, к 1924 г.

По возвращении на родину Есенин продолжил попытки издания книги. В конце 1923 г. он пытался выпустить ее в издательстве ГУМа, потом, уже в 1924 г.— в Ленинградском отделении Госиздата (подробнее см. письма к В.И.Вольпину от 19 декабря 1923 г. и 1 января 1924 г. и прим. к ним). Видимо, именно к этим попыткам относятся следующие фрагменты макета сборника (РГАЛИ): титульный лист — «Сергей Есенин. Москва кабацкая. Издание автора. 1924», посвящение — «Посвящаю с глубоким уважением Георгию Феофановичу Устинову», два варианта оглавления. Судя по оглавлению, в сборник должны были войти: «Я обманывать себя не стану...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Эта улица мне знакома...», «Мне осталась одна забава...»; во втором варианте после «Эта улица мне знакома...» добавлено «Не ругайтесь! Такое дело...». Эти издания не осуществились.

Все это время Есенин стремился напечатать стихи цикла в периодике. В феврале 1924 г. одно стихотворе-

ние — «Да! Теперь решено. Без возврата...» — под заглавием «Из цикла „Кабацкая Москва"» появилось в журн. «Ленинград». Тогда же вышел № 1 (3) Гост., где под общим заглавием «Москва кабацкая» напечатаны «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Мне осталась одна забава...», «Я усталым таким еще не был...». В других московских и ленинградских литературных журналах стихи этого цикла не печатались, не выявлены их публикации и в другой отечественной периодике того времени.

Одновременно группа предпринимателей (И.С.Морщинер, Е.Д.Иоффе и др.) начала пытаться выпустить сборник частным порядком в авторском издании (см. Хроника, 2, 100—135). Дело это увенчалось успехом: сборник «Москва кабацкая» вышел в Ленинграде в июле 1924 г. Один из разделов повторял его название. В цикл должны были войти: «Я обманывать себя не стану...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», «Эта улица мне знакома...», «Мне осталась одна забава...». Сохранилась часть корректурного оттиска (вторая корректура) этого сборника (собрание М.С.Лесмана — Музей А.А.Ахматовой, Санкт-Петербург). Из него ясно, что стихотворение «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» было снято цензурой до этой корректуры, еще одно стихотворение («Мне осталась одна забава...») в корректуре есть, на его тексте надпись: «Выкинуть», и в книге оно отсутствует. Сборник вышел без двух стихотворений, но в содержании раздела указание на них осталось.

В конце 1924 года в Ст24 последний раз появился заголовок «Москва кабацкая». В этом разделе поэт поместил: «Я обманывать себя не стану...», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и пла-

чут...», «Грубым дается радость», «Эта улица мне знакома...».

Давая распоряжения о работе по подготовке одного из проектов собрания сочинений, Есенин 29 октября 1924 г. писал Г.А.Бениславской: «...Издайте по берлинскому тому с включением „Москвы кабацкой“ по порядку...», и далее: «„Москва кабацкая“ полностью, как есть у Вас, с стихотворением „Грубым дается радость...“». Однако, готовя Собр. ст., Есенин не выделил эти стихи в специальный раздел.

В ряде стихотворений цикла отразились впечатления Есенина от зарубежной поездки. А.Б.Кусиков рассказывал: «В 1922 году мы встретились с ним за границей. Но Запад и заокеанские страны ему не понравились. Вернее он сам не хотел, чтобы все это, виденное им впервые, понравилось ему. <...> Берлин, Париж, Нью-Йорк — затмились. Есенин увидел „Россию зарубежную, Россию без родины“». Далее мемуарист приводил «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (газ. «Парижский вестник», 1926, 10 января, № 207). Другой из числа близких в те годы Есенину людей, И.И.Старцев, вспоминал: «За границей он работал мало, написал несколько стихотворений, вошедших потом в «Москву кабацкую» <...> Вскоре после приезда читал «Москву кабацкую». Присутствовавший при чтении Я.Блюмкин начал протестовать, обвиняя Есенина в упадочности. Есенин стал ожесточенно говорить, что он внутренне пережил «Москву кабацкую» и не может отказаться от этих стихов. К этому его обязывает звание поэта» (Восп., 1, 416).

Авторское объяснение некоторых особенностей стихов «Москвы кабацкой» дано во «Вступлении» к сборнику «Стихи скандалиста».

Ни один из циклов Есенина не вызвал в критике такого бурного обсуждения, как «Москва кабацкая». Первые отклики появились еще до выхода сборника, после публичных выступлений с чтением этих стихов. После вечера Есенина в Политехническом музее 21 августа 1923 г. С.Борисов писал: «...в первом цикле — «Москва кабацкая» — несмотря на жалость поэта к этой умирающей Москве, которую Октябрь выбросил за борт истории, чувствуется новая большая струя в поэзии Есенина. Сила языка и образа оставляет за собой далеко позади родственную ему по романтизму поэзию Блока. Следующие стихи „Страна негодяев“ относятся еще к старым работам и слабее первых» (газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 23 августа № 188). «Страшными, мастерскими и искренними» на ал стихи А.К.Воронский. «В них нежная лиричность, тоска по клену, по полям, по ивам,— писал он,— переплетается с прямым отчаянием, с уверенностью, что поэту суждено погибнуть „на московских изогнутых улицах“, с оправданием хулиганства, пусть уходящего, с угаром московских кабаков, ресторанов и отдельных кабинетов. Конечно, очень легко отделаться, отмахнуться от этой «Москвы кабацкой» рассуждениями на тему об окончательном разложении таких „мужиковствующих“ и „крестьянствующих“ писателей, как Есенин, в противовес здоровой пролетарской литературной среде. К сожалению, все это в очень малой степени будет соответствовать истинному положению дел» (Прож., 1923, № 22, 31 декабря, с. 20). Высоко оценил цикл М.А.Осоргин. Он считал, что в имажинизме происходят существенные изменения, что в нем заметен поворот «в сторону романтического идеализма», «призыв к духовному самоочищению». Выделяя прежде всего три стихотворения Есенина из этого цикла, появившиеся в Гост., он утверждал, что именно в них про-

явилась «наличность этого нового и святого для нашей литературы порыва», а сами стихи охарактеризовал как «поразительные по внутренней красоте» (газ. «Последние новости», Париж, 1924, 27 марта, № 1205).

Однако вскоре в критике возобладали другие интонации. Слова о «новой большой струе», о «мастерстве и искренности» сменились разнообразными обличениями. «Жуткими, кошмарными, пьяными, кабацкими стихами» назвал «Да! Теперь решено. Без возврата...» тот же А.К.Воронский и, вопреки собственному прежнему предостережению, начал вести разговор об «окончательном разложении»: «...потребность чудес, преображений, несбывшихся надежд подменяется пьяным угаром, а склонность к протесту, к борьбе вырождается в пьяные скандалы. В стихах Есенина о кабацкой Москве размагниченность, духовная прострация, глубокая антиобщественность, бытовая и личная расшибленность, распад личности выступают совершенно отчетливо» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 284—285). Особенно усилились такие упреки после выхода в свет сборника. Г.Лелевич назвал его «жутким», а стихи исполненными «ужаса, отчаяния и безнадежности» (журн. «Молодая гвардия», М., 1924, № 7/8, июль-август, с. 268). В другой статье он еще усугубил отрицательные оценки: «...в стихах Есенина начинает звучать мрачное отчаяние. Потеряв твердую старую деревенскую опору, он бросился в омут столичного разгула. Он пишет зловещие пьяные стихи» (журн. «Октябрь», М., 1924, № 3, сентябрь-октябрь, с. 182). Вторил ему другой рецензент: «Слово этого художника, прежде такое крепкое и убедительное, побледнело», книга — «нерадостная», в ней — «тяжелые и неприятные строки» или строки «жуткие своей усталостью» (журн. «Сибирские огни», Новониколаевск, 1924, № 4, сентябрь-октябрь, с. 191).

Даже на страницах расположенного к Есенину Бак. раб. утверждалось, что в этих стихах «с бодлеровской силой» дана «картина разложения и обвинения революции в обмане». «Почему же Есенин, хоть и временно, окунулся в эту кабацкую Москву? — спрашивает рецензент.— Потому, что старая Москва умерла у него в душе, а к новой, трудовой и героической, он еще не пристал» (А.Селиханович. «Сергей Есенин» — Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217). Деградацию художественного мастерства усмотрел в «Москве кабацкой» И.А.Груздев: «Вялый стих, словесное безвкусие и беспомощность тематическая вызывают опасения самые серьезные». «Если с „хулиганством" роковым образом связана поэтическая энергия Есенина, то прощание с ним действительно трагично. Последнее же стихотворение книги — „Не жалею, не зову, не плачу,//Все пройдет, как с белых яблонь дым" — должно лишний раз напомнить, какого чудесного лирика мы в нем теряем» (журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 3, с. 255). Эти суждения поддержали критики пролеткультовской ориентации, например В.П.Друзин. Ссылаясь на И.А.Груздева, он писал: «Выступил наружу исконный грех его — невыработанность стиха» («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 15 мая, № 116).

Некоторые критики стремились свести эти стихи прежде всего к литературной традиции, увидеть в них следование поэтическим канонам. Чаще других звучало имя А.А.Блока. В.П.Друзин, например, писал в той же статье, что «Москва кабацкая» — «книга и по мироощущению и по формальным приемам родственная третьему тому Блока». Но возникали не только имена А.А.Блока и Ш.Бодлера. «При всем различии социальных причин и условий,— писал в рецензии на М.каб. И.А.Оксенов,— Есенин, если искать в истории литературы аналогий,—

современный Языков, и это сравнение было бы оправдано вполне, если б блоковская меланхолия не окрашивала так часто есенинских стихов» (журн. «Звезда», Л., 1924, № 4, с. 333). Сходную точку зрения отстаивал Ю.Н.Тынянов (см. журн. «Русский современник», Л.— М., 1924, № 4, с. 212—213).

Лишь отдельные критики пытались противостоять таким оценкам. Отвечая на подобные нападки, анонимный критик писал: «...его простые, незатейливые по ритму и форме, но такие задушевные, полные щемящей грусти, наполняющие самые банальные слова новой свежестью и заразительностью „городские" стихи укрепляют за С.Есениным право на звание одного из лучших лириков нашей эпохи. Очень грустно, быть может, что один из лучших поэтов наших обрел себя в гнилой атмосфере богемы, что с неподдельной силой лира его зазвучала на упадочных тонах, но тем не менее это так» (журн. «Бюллетени литературы и жизни», М., 1924, № 4, с. 228).

Должно было пройти время, чтобы критики, да и то немногие, сумели разглядеть подлинный характер стихов этого цикла. Одним из них был А.З.Лежнев, писавший: «„Москва кабацкая" пользуется репутацией „страшной", „жуткой" книги. Здесь есть несомненное преувеличенье. <...> В этих „кабацких" стихах, в сущности, очень мало кабацкого. В этом смысле репутация есенинского сборника не заслужена. За „страшным" названием «Москва кабацкая» скрываются многие лирические стихотворения, грустные и жалобные». Критик приводил «Грубым дается радость...» и продолжал: «В них совершенно отсутствует поэтизация разгула или то порочное очарование, которое присуще, например, стихам Бодлера. Поэтому нельзя говорить об их опасности. Есенин кается еще прежде, чем согрешил. Даже немногие действительно „кабацкие" сти-

хи, имеющиеся в сборнике, переполнены возгласами отвращения и самоосуждения» и привел в доказательство «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» и «Да! Теперь решено. Без возврата...» (ПиР, 1925, № 1, январь-февраль, с. 129). Так же оценивал эти стихи И.Н.Розанов: «Кабацкая атмосфера изображается поэтом с такой душевной болью, что, конечно, никого из читателей поэта не может соблазнить на подражание. В этом отношении все эти стихи совершенно безвредны, чтобы не сказать больше» (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 113). Близок к этим суждениям И.М.Машбиц-Веров: «Самое *кабацтво* Есенина какого-то лирического, нежного характера. Оно не похоже на западное декадентство, где „зло“ расцветает в „цветы“ (Бодлер), где преступление и разврат представляются „сверхчеловеческим“ геройством (Пшибышевский). Даже в *самых* „кабацких“ стихах Есенина, там, где он рисует себя „пропащим“, которому „не уйти назад“ и т.п.— даже там Есенин остается нежным лириком и постоянно вспоминает „низкий дом“, „старого пса“, „май мой синий, июнь голубой“. Такие стихи вряд ли опасны в смысле вредного эмоционального заражения. Они слишком безрадостны и вовсе не представляют разврат — заманчивым» (журн. «Октябрь», М., 1925, № 2, февраль, с. 142).

По мере развития творчества поэта в критике углублялось понимание как естественности и закономерности этого цикла стихов, так и художественных достижений поэта в нем. Так, по мнению Е.Ф.Бобинской, в «Москве кабацкой» «поэт опускается на самое дно сомнения и отчаяния, одновременно достигая высочайших вершин лирики» (журн. «Товарищ Терентий», Свердловск, 1925, № 4/5, 22 февраля, с. 10). Даже А.К.Воронский, немало резких слов сказавший об этом цикле, начал замечать и

другое: «Его кабацкие и полукабацкие стихи — упадочны. Прежняя литературная богема наложила на него, по-видимому, невытравимый отпечаток. Но даже в этих стихах есть такая эмоциональная насыщенность и напряженность, такая здоровая и жадная жажда жизни, такая прочная языческая тяга к земле, к полям, ко ржи, к березе, к черемухе, о каких эмигрантским мастерам слова даже и мечтать не приходится» (Прож., 1925, № 17, 15 сентября, с. 23). Бросая ретроспективный взгляд на творчество поэта и высоко оценивая преодоление им формалистических имажинистских влияний, А.И.Ромм констатировал: «Он вернулся к своей и больше ничьей лирической теме, выдержал свой собственный голос. Маленькая книжка «Москва кабацкая» однородна с начала до конца и продолжает, углубляя и развивая, настоящую есенинскую линию, линию самого чистого элегического лиризма в современной русской поэзии. Кончились все посторонние шквалы, ничто уже не подхватывает и не несет поэта, кроме собственного вдохновения» (альм. «Чет и нечет», М., 1925, с. 36).

Конечно, наряду с этим нередко появлялись негативные оценки стихов цикла, а в этом свете — и значительной части всего творчества Есенина. Показательно суждение З.Н.Гиппиус: «...стихи Есенина — как его жизнь: крутятся, катятся, через себя перескакивают. Две-три простые, живые строки — а рядом последние мерзости, выжигающее душу сквернословие и богохульство, бабье, кликушечье, бесполезное. В красном тумане особого, русского, пьянства он пишет, он орет, он женится на «знаменитой» иностранке, старой Дункан, буйствует в Париже, буйствует в Америке. Везде тот же туман и такое же буйство, с обязательным боем — кто под руку попадет. В Москве — не лучше: бой на улице, бой дома» (газ. «По-

следние новости», Париж, 1926, 28 января, № 1772). Продолжались и стереотипные нападки на стихи цикла, как якобы поэтизирующие хулиганство. Новый резкий взрыв «обличительной» критики, связанной с этим циклом, произошел уже после смерти поэта.

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (с. 169).— Ст. ск.; М.каб.; Ст24.

В наб. экз.— машинописный список с авторской правкой, на нем неустановленной рукой сделана помета: «Изъято», той же рукой зачеркнута шестая строфа. Помета «изъято» поставлена сверху листа и относится, вероятно, ко всему стихотворению. Строфа вычеркнута явно по цензурным соображениям. Учитывая это, текст печатается по наб. экз. с восстановлением шестой строфы.

Автограф — частное собрание (Санкт-Петербург), без даты. Машинописный список с авторскими пометами — ГМЗЕ, без даты. В наб. экз. и Собр. ст. также без даты. Датируется по содержанию и свидетельству А.Б.Кусикова (см. прим. к «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

В частном собрании (Москва) сохранился экз. М.каб., в котором шестая строфа вписана автором от руки.

Сложна история текста стихотворения. В Ст. ск. оно было напечатано без третьей строфы. В М.каб. третья строфа была напечатана, но были изъяты четвертая и шестая. В Ст24 четвертая строфа восстановлена, а шестая — нет. При подготовке Собр. ст., видимо, специально обсуждался вопрос о возможности включения в стихотворение двух строф, выпущенных в М.каб. Среди подготовительных материалов к этому изданию (ГЛМ) сохранились листки, на которых трижды перепечатана четвертая строфа («Ах, сегодня так весело россам..») и дважды — ше-

стая («Жалко им, что октябрь суровый...»). С этим связано, очевидно, и то, что в наб. экз. текст стихотворения представлен в виде машинописи, а не в виде вырезки из М.каб., хотя экземпляр этого сборника был в руках Есенина и тексты других стихотворений, входивших в него, представлены в наб. экз. именно в виде вырезок из этого издания.

Существовал, видимо, еще один текст стихотворения, который Есенин читал с эстрады. Г.А.Бениславская, которая узнала и услышала стихотворение только после возвращения Есенина из-за рубежа, т.е. после его публикации, приводит в воспоминаниях текст части стихотворения, существенно отличающийся от печатного:

Защити меня, влага нежная.
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Знаю, если не в далях чугунных
Кров чужой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых, юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина.
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона.

В известных в настоящее время рукописных источниках данная редакция не зафиксирована.

Сложный интонационный рисунок текста сказался, в частности, в том, что в различных рукописных и печатных источниках широко варьируются знаки препинания. Например:

Ст. 29	Нет! таких не подмять, не рассеять!	Ст. ск.
	Нет, таких не подмять, не рассеять —	М.каб.
	Нет! таких не подмять. Не рассеять.	Ст24; авторизов. машинопись ГМЗЕ
Ст. 31—32	Ты Расся моя... Рас... сея... Азиатская... сторона.	
	Ты, Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона.	Ст. ск.
	Ты Рас... сея моя... Рас... сея, Азиатская... сторона...	М.каб.
	Ты Рассея моя... Рассея... Азиатская сторона!	Ст24

В авторизованной машинописи (ГМЗЕ) и в наб. экз. рукой автора в ст. 31 внесена поправка: вместо «Ты Рассея моя... Рассея...» — «Ты Рассея моя... Рас... сея...»

Рецензируя Ст. ск., критик Н.Светлов писал в харбинской газете «Русский голос» 5 августа 1924 г.: «...мы думаем, что «Стихи скандалиста» — не результат упадочных нравов московской богемы, всегда и везде одинаковой, и не нэп надо винить в хулиганском (как школа, что ли?) уклоне лирики части московских поэтов. В этом виноват тупик, куда пронизавшая искусство коммунистическая тенденция гонит поэзию». Полемизируя с известными положениями А.К.Воронского, рецензент подчеркивал: «Критик-коммунист, конечно, должен был проглядеть истинную разгадку явления. А она дана самим Есениным, она есть в са-

мой поэме «Москва кабацкая». Вот она...». Он цитировал строфу «Жалко им, что октябрь суровый...» и продолжал: «Это поет деревня, обреченная большевиками на гибель, это народ сопротивляется коммунистическим нажимам, отстаивая свою веру и свою волю. Новая удаль накапливается в оторванном от привычного быта бездомном бродяге-хулигане — не крестьянине и не рабочем,— еще тоскующем в кабаках, но уже разглядевшем в „суровой пурге октября" очертания своего смертного врага» (цит. по газ. «Волжский комсомолец», Самара, 1991, 9 февраля).

«Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» (с. 171).— Ст. ск.; сб. «Московские поэты. 1924 г.», Великий Устюг, 1924, с. 19.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой) с пунктуационными исправлениями по автографу (РГАЛИ), авторизованной машинописи (ГМЗЕ) и гранкам Ст. ск. с авторской правкой (ИМЛИ). Другая редакция (с. 307) печатается по сб. «Московские поэты. 1924 г.».

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, входит в остатки макета сб. «Москва кабацкая». Авторизованная машинопись — ГМЗЕ, без даты. Сохранилась также вырезка из гранок Ст. ск. с авторскими пометами — ИМЛИ; на гранке сверху надпись неустановленной рукой: «Запрещено цензурой» и вписанное автором посвящение «А.Мариенгофу», дат на гранке нет, но судя по характеру помет, они сделаны после возвращения автора на родину. В наб. экз. и Собр. ст.— не датировано. Датируется 1923 г. по первой публикации и свидетельству Е.А.Есениной (см. ниже).

В архиве Е.Ф.Никитиной (ГЛМ) сохранился машинописный список одной из редакций стихотворения:

Сыпь, гармонь, скука, скука.
 Гармонист, рви волной.
Пей со мной, паршивая сука,
 Пей со мной.
Я с тобой не с первою,
Много я видел красивых глаз,
Но с такою, как ты, стервою,
 Первый раз.
Излюбили тебя, измызгали,
 Невтерпеж.
Что ж ты смотришь синими брызгами
 Или в морду хош?
Тебя бы в огород на чучело,
 Пугать ворон.
До печён ты меня измучила
 Со всех сторон.
Сыпь, гармоника, сыпь, моя частая,
 <строка нрзб.>
Мне б не тебя, а вон ту, сисястую,
 Она глупей.
Чем глупее, тем звонче,
 Что здесь, что там.
Я с собой не покончу,
 Иди к чертям.

Кем и когда выполнена запись — не указано, но, судя по тексту, это скорее всего запись с голоса, без авторской проверки. Обращает на себя внимание одна особенность этого текста: в нем несколько иначе, чем в варианте наб. экз., выстроен сюжет, в частности — видна отчетливая взаимосвязь между двумя строфами, которые в окончательном тексте стали четвертой и шестой и оказались разъединенными пятой. В тексте, опубликованном в сб. «Московские поэты», эти строфы также соединены между собой.

Сохранившийся беловой автограф относится, скорее всего, к 1924 г. Не ранее этого времени выполнены машинописные списки ГМЗЕ и наб. экз. Изначальные черновые рукописи стихотворения неизвестны, нет и фонографических записей авторского чтения. Поэтому в настоящее время невозможно в полной мере восстановить творческую историю стихотворения, реконструировать первоначальный авторский текст и на этой основе доказательно судить о том, является ли указанное изменение в построении сюжета развитием творческого замысла автора или же оно стало следствием случайной, механической перестановки строф в одном из промежуточных списков.

На истории текста не могли не сказаться цензурные трудности. Оно не вошло ни в один из авторских сборников 1924—1925 гг., не было его публикаций и в периодике. Вышедший в Великом Устюге, тиражом 1250 экз. сб. «Московские поэты» остался, естественно, вне внимания читателей и критиков. В отличие от Грж., продававшегося в московских и петроградских книжных магазинах, в страну пришли лишь единичные экземпляры Ст. ск. Это дало основание И.В.Евдокимову утверждать, что в Собр. ст., в 1926 г., стихотворение «в России опубликовывается впервые» (Собр. ст., 4, 353).

В читательском восприятии стихи оказались тесно связанными с именем Айседоры Дункан. Во многих списках они даже прямо озаглавливались «Айседоре Дункан», хотя ни в одной из известных авторских рукописей или публикаций ее имя в связи с этими стихами прямо не называлось. В 1926 г. Е.А.Есенина опубликовала в ряде газет «Письмо в редакцию», в котором, отметив, что распространяются «два стихотворения с посвящением Айседоре Дункан», писала: «...считаю необходимым заявить, что стихи „Сыпь, гармоника! Скука... Скука...“ и „Пой же,

пой. На проклятой гитаре...“, якобы посвященные А.Дункан, написаны братом моим в 1923 году и не раз читались им на литературных вечерах. Эти стихотворения входят в цикл «Москвы кабацкой» и никогда никому не посвящались» (газ. «Правда», М., 1926, 4 апреля, № 77).

«Пой же, пой. На проклятой гитаре...» (с. 173).— Ст. ск.

В содержании М.каб. стихотворение названо, как включенное в сборник, но в корректурном оттиске сборника (Музей А.А.Ахматовой, Санкт-Петербург) и в самом издании оно отсутствует.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой).

Автограф неизвестен. Сохранилась вырезка из гранок Ст. ск. с авторской правкой — РГАЛИ, в составе остатков макета сб. «Москва кабацкая», дат на гранке нет, но судя по характеру правки, она производилась после возвращения автора на родину. Авторизованная машинопись — ГМЗЕ, без даты. В наб. экз. и Собр. ст. не датировано. Датируется 1923 г. по первой публикации и свидетельству Е.А.Есениной (см. прим. к стихотворению «Сыпь, гармоника!.. Скука... Скука...»).

В частном собрании (Москва) имеется экз. рукописного сборника: «Сергей Есенин. Два ненапечатанных стихотворения 1923 года». На первой странице, в скобках: «Айседоре Дункан». Затем переписаны два стихотворения: «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» и «Пой же, пой. На проклятой гитаре...». В конце сборника пояснение: «Стихи предназначались для сборника „Москва кабацкая“ и не были пропущены цензурой. Переписаны с полученного от В.И.Вольпина экземпляра, напечатанного на пишущей машинке и сверенного с подлинником поэта

В.Эрлихом. Москва. 16 февраля 1926 года. В.Цветков». Подлинники (автографы?) и машинописные списки, с которыми, по этому сообщению, сверялись тексты, в настоящее время неизвестны. Тексты совпадают с основной редакцией (различия только в пунктуации), за исключением четвертой строфы стихотворения «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», которая представлена в редакции, не зафиксированной в известных автографических и печатных источниках:

Пой, Сандро, навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную рать.
Пусть целует она другого
Изжитая, красивая блядь.

Сандро — Александр Борисович Кусиков, см. о нем прим. к «Душа грустит о небесах...».

«Эта улица мне знакома...» (с. 175).— Кр. новь, 1923, № 6, октябрь-ноябрь, с. 126; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, в составе остатков макета сб. «Москва кабацкая». В наб. экз. датировано 1922 г., там же, на обороте листа, другая помета: «Париж. 1923». В наст. изд. датируется в соответствии со второй пометой. Эта дата была принята и в Собр. ст.

В критике стихотворение оценивалось в общем контексте «Москвы кабацкой». Г.Адонц видел главный его недостаток в том, что в нем видна «самая подлинная фетовщина, каким-то неведомым путем проскочившая в Москву кабацкую» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 34, 25 августа, с. 10). «Покаянный поэтический катценяммер» (похмелье) усмотрел в стихотворении В.П.Ле-

№ 7/8, июль-август, с. 268). Высоко оценил эти стихи А.З.Лежнев: «В богатом стихотворном отделе «Красной нови» на первое место надо поставить стихи С.Есенина. В третьей книге журнала Есенин еще весь в настроениях «Москвы кабацкой», хотя в его прекрасном «Письме матери» смутно намечается какой-то перелом, какой-то переход к другому строю чувств» (журн. «Современник», М., 1925, № 1, январь, с. 318). Так же оценил стихотворение И.Н.Розанов: «...в книжке Есенина нам попадаются такие стихи, которые способны, как уверяли нас многие читатели, тронуть до слез. Так умели трогать Пушкин, Некрасов, Блок. Вот есенинское «Письмо матери», которое приводим целиком... По некоторым выражениям и по сердечности тона стихотворение это напоминает пушкинское послание к няне „Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя“. После грома, шума, а подчас и буффонады Маяковского, после словесных хитросплетений и умствований некоторых других наших поэтов читателю можно отдохнуть хотя бы на время на этих строчках крестьянского поэта, проникнутых истинной интимностью» (журн. «Народный учитель», М., 1925, № 2, февраль, с. 112). «Письмо матери» счел «необычайно однозвучным» с тем же пушкинским стихотворением Д.Шепеленко (журн. «Пролетарий связи», М., 1925, № 4, 5 марта, с. 205). «Чудесным» назвал стихотворение М.Л.Слоним (журн. «Воля России», Прага, 1925, № 12, декабрь, с. 159). А.К.Воронский свидетельствовал, что «Письмо матери» и другие стихотворения «получили широкое распространение и заучиваются наизусть» (Прож., 1925, № 5, 15 марта, с. 25). Однако, если он оценивал это как положительную тенденцию, то А.Е.Крученых смотрел на это иначе. Он, например, упрекал начинавшего тогда поэта Я.З.Шведова в том, что «Есенин явно разлагающе

повлиял» на него, «письмо Шведова во многом является перепевом есенинского „Письма матери“», «преодолеть пагубное влияние Есенина Шведову удается все-таки редко» (журн. «Жизнь искусства», Л., 1925, № 39, 29 сентября, с. 8).

«Я усталым таким еще не был...» (с. 181).— Гост., 1924, № 1 (3), с. 8; Ст24.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 17 по Гост. («превращаются» вместо «превращается») и в ст. 21 по автографу и Ст24 («без цели» вместо «бесцельно»).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. В Гост. вместе с «Да! Теперь решено. Без возврата...» и «Мне осталась одна забава...» под общим заглавием «Москва кабацкая» и общей датой 1924, отмечающей время формирования цикла. В наб. экз.— плохо различимая дата, в Собр. ст. не датировано. Датируется концом 1923 г. по близости к ряду произведений, созданных вскоре после возвращения из зарубежной поездки («Железный Миргород» и др.).

Характеризуя это и некоторые другие, относящиеся к тому времени стихи Есенина, А.К.Воронский говорил, что они «покоряют». «В них, может быть, нет полной отшлифовки, попадаются невыношенные, невыверенные строки, но все это искупается заразительной душевностью, глубоким и мягким лиризмом и простотой. Вместе с тем в них есть эмоциональная напряженность и подъем, нет вялости, нет поэтических будней, что наиболее опасно для художника. Слово звучит, как туго натянутая струна, негромко, но высоко и чисто. В образ всегда вложено большое чувство. И даже тогда, когда поэт жалуется: „Я усталым таким еще не был“, „Я устал себя мучить без цели“ — в

этом нет душевной прострации и развинченности, потому что поэт тут же, через несколько строк бодро шлет привет „воробьям и воронам и рыдающей в ночь сове". В этом соединении мягкой грусти, тоски, задушевности с напряжением, пожалуй, главная сила последних стихов Есенина» (Прож., 1925, № 5, 15 марта, с. 24).

«Этой грусти теперь не рассыпать...» (с. 183).— Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 3, с. 74; Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (авторизованный машинописный список).

Черновой автограф — РГАЛИ, с пометой неустановленой рукой: «июнь 1924». Вырезка из Бак. раб. с авторской правкой (РГАЛИ), без даты. Датируется по наб. экз., где помечено 1924 г.

В автобиографии, помеченной 20 июня 1924 г., Есенин писал: «Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америки. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка. Это не то, что небоскребы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.». И образы стихотворения, и эти слова в автобиографии, возможно, навеяны заключением статьи А.А.Блока «Судьба Аполлона Григорьева»: «Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется

по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это — наше, русское» (Блок, 5, 519).

«Мне осталась одна забава...» (с. 185).— Гост., 1924, № 1 (3), с. 8.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Гост.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, в составе остатков макета сборника «Москва кабацкая». Второй беловой автограф — РГАЛИ, также без даты, на обороте бланка редакции Кр. нивы, следовательно выполнен не раньше августа 1923 г. Третий автограф — частное собрание (Санкт-Петербург), также без даты. Автограф ст. 5—8 — частное собрание (Москва), с дарственной надписью: «Е.Соколу с любовью и верой» и пометой владельца: «1923 г. Стойло Пегаса». В статье П.Жукова «Сергей Есенин», посвященной возвращению поэта на родину, говорится: «Из привезенных его стихов (еще не напечатанных) метнулось одно стихотворение и запомнились строчки „Ах, какая смешная потеря!..“». Далее приводятся 5—8 и 23—28 ст. стихотворения (журн. «Зори», Пг., 1923, № 2, 18 ноября, с. 11). Датируется по помете в наб. экз. 1923 г.

Стихотворение указано в содержании М.каб., но в самом сборнике отсутствует. В корректурном оттиске сборника (собрание М.С.Лесмана — Музей А.А.Ахматовой, Санкт-Петербург) оно имеется, в тексте зачеркнуты ст. 7—8 и 25—28, кроме того общая помета — «Выкинуть».

Откликаясь на появление стихов Есенина в Гост., М.А.Осоргин назвал это стихотворение «изумительной вещью» и полностью привел его в статье (газ. «Последние новости», Париж, 1924, 27 марта, № 1205). Иную оцен-

ку оно получило на родине. Стихотворение стало предметом критического обсуждения еще до своего появления в печати. А.К.Воронский выделил его как одно из наиболее показательных в «Москве кабацкой»: «В стихах говорится, что поэт неудачно хотел повенчать розу с черной жабой; „что-то всеми навек утрачено"; он вспоминает „дурашливых, юных, что сгубили свою жизнь сгоряча", говорит о помыслах розовых дней, которые не сбылись и не сладились, о том, как он заливает глаза вином, „чтоб не видеть в лицо роковое, чтоб подумать на миг о другом". В эти мотивы вплетена тоска по тополям, по деревенскому детству, по родительскому дому. Мудрено ли, что все это кончается в милицейских участках, горячкой, рядом бесчинств и скандалов. Вопрос о Москве кабацкой — серьезный вопрос. Элементы общественного и литературного декаданса на фронте будней революции налицо. И в этом — опасность стихов Есенина» (Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 285). Это было одно из первых критических выступлений об опасности этого цикла стихов Есенина, их разлагающем воздействии. Эта тема стала одной из основных в критических статьях и рецензиях, посвященных циклу (см. прим. к «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

«Заметался пожар голубой...» (с. 187).— Кр. нива, 1923, № 41, 14 октября, с. 19; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Черновой набросок и беловой автограф — оба РГАЛИ, без даты. На беловом автографе редакционные пометы: «В набор. В № 39. Боргес. Исходящий № 1307. 22/IX — 23 г. Входящий № 353[а]. 22/IX — 23 г., 52 стр.». На автографе «Ты такая ж простая, как все...» (РГАЛИ, ф. Н.С.Ашукина), который является парным

(т.е. выполненным одновременно и с единой целью) к данному, помет нет. Смысл помет: рукопись объемом в 52 строки поступила в редакцию Кр. нивы 22 сентября 1923 г., намечена к публикации в № 39. *Боргес* (типографский термин) — тип шрифта. № 39 Кр. нивы вышел 30 сентября, в нем стихи не появились, они были отложены и напечатаны в № 41.

В автографе — заголовок «Любовь хулигана» и посвящение «Августе Миклашевской», которые в равной мере относятся и ко второму стихотворению. В Кр. ниве оба стихотворения появились без заголовка и посвящения.

Цикл «Любовь хулигана» был сформирован поэтом в М.каб., где в него были включены: «Заметался пожар голубой...», «Ты такая ж простая, как все...», «Пускай ты выпита другим», «Дорогая, сядем рядом...», «Мне грустно на тебя смотреть...», «Ты прохладой меня не мучай...», «Вечер черные брови насопил...». Напечатан с общим посвящением «Августе Миклашевской». В том же составе и в том же порядке, но без посвящения повторен в $Ст_{24}$. Общий заголовок цикла снят при подготовке Собр. ст., но порядок стихов сохранен.

Все стихи цикла, кроме заключительного, в наб. экз. не датированы. Последнее стихотворение «Вечер черные брови насопил...» помечено 1923 г. Также не имеют дат почти все автографы отдельных стихов. В Собр. ст. все стихи датированы 1923 г. Они действительно были созданы с августа по декабрь 1923 г., что выясняется из истории взаимоотношений поэта с адресатом цикла. Это подтверждается и историей публикации отдельных стихов. Вместе с тем с полной уверенностью судить о последовательности написания каждого из стихотворений цикла трудно. Нет оснований для того, чтобы рассматривать порядок их расположения в цикле как хронологию их напи-

сания. В наст. изд. все стихи цикла датируются 1923 г. по Собр. ст., за исключением «Дорогая, сядем рядом...», которое датируется по рукописи.

С Августой Леонидовной *Миклашевской* (1891—1977) Есенин познакомился вскоре после своего возвращения из зарубежной поездки в августе 1923 г. Она была известной московской актрисой, с 1915 г. выступала на сцене Камерного театра, была занята в ведущих партиях: Сакунтала (в очередь с А.Г.Коонен), заглавная роль в «Принцессе Брамбилле», Арикия в «Федре» и др. В феврале 1923 г. Камерный театр отправился в длительную гастрольную поездку за рубеж. А.Л.Миклашевская осталась в Москве, поскольку ей некому было поручить своего пятилетнего сына. Во время знакомства с Есениным она уже не была актрисой Камерного театра, выступала на эстраде, играла в кабаре «Не рыдай», в театре «Острые углы» и т.п. После возвращения Камерного театра она осталась вне его, играла на различных московских и провинциальных сценах и вернулась в Камерный театр только в 1943 г.

Период частых встреч с Есениным был недолгим: с августа до декабря 1923 г. Она подробно рассказала о них в воспоминаниях (см. Восп., 2, 83—92). В этот период Есенин намеревался выпустить посвященную ей книгу (она названа в проспекте предполагаемых изданий в макете сб. «Москва кабацкая» — РГАЛИ). Сохранился экз. М.каб. с авторской дарственной надписью А.Л.Миклашевской.

Многие стихотворения цикла стали известны еще до своего появления в печати. В частности, как вспоминал Р.М.Акульшин, «Заметался пожар голубой...» Есенин читал на вечере 1 октября 1923 г. в Высшем литературно-

художественном институте (см. газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1949, 30 января, № 13428).

Цикл был высоко оценен критикой. А.З.Лежнев, отметив два основных лейтмотива в стихах Есенина: сожаление о погубленной молодости и тоску по деревне, по дому, по детству,— писал: «В „Любви хулигана“ эти два мотива сплетаются с третьим: эротическим; в результате получаются вещи совершенно необычной — даже для Есенина — нежности и задушевности. Эти первые любовные стихотворения Есенина нельзя даже назвать «эротическими»,— так мало в них эроса. Здесь гораздо больше грусти, элегических излияний, чем страсти» (ПиР, 1925, № 1, с. 130). Совпал в оценке критик совсем другой ориентации, И.М.Машбиц-Веров: «О любви Есенин „поет“ почти впервые. И следует признать, что 7 стихотворений этого цикла представляют большую художественную ценность. Как всегда, они совершенно искренни и дают на фоне общей усталости поэта и уходящего озорства — правдивую, почти биографическую историю любви от первых до последних дней: „Разлюбил ли тебя не вчера...“. Любовь Есенина удивительно нежная. Даже моменты чувственности, те моменты, где, например, Маяковский бывает „от мяса бешеный“ — у Есенина получаются необыкновенно тихими, кроткими:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Несмотря, однако, на этот основной нежный и тихий характер любви, Есенин назвал эту любовь „Любовью хулигана“. Но это, конечно, не больше, чем повторение

юношеского желания во что бы то ни стало *казаться* хулиганом» (журн. «Октябрь», М., 1925, № 2, февраль, с. 143—144).

«Ты такая ж простая, как все...» (с. 189).— Кр. нива, 1923, № 41, 14 октября, с. 19; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, парный к автографу «Заметался пожар голубой...», о его датировке см. прим. к данному стихотворению, его факсимильное воспроизведение — Кр. нива, 1926, № 2, 10 января, с. 10. Еще один беловой автограф — РГБ, также без даты.

«Пускай ты выпита другим...» (с. 191).— Кр. новь, 1923, № 7, декабрь, с. 127; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

В Кр. нови опубликовано вместе с «Дорогая, сядем рядом...» под общим заглавием «Любовь хулигана» и общим посвящением «Августе Миклашевской».

«Дорогая, сядем рядом...» (с. 193).— Кр. новь, 1923, № 7, декабрь, с. 128; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.) с исправлением в ст. 5 по первой публикации и Ст24 («осенье» вместо «осеннее»).

Черновой автограф — находился в собрании К.Л.Зелинского, местонахождение в наст. вр. неизвестно, с авторской датой 9 октября 1923 г., которая принята в наст. изд.

«Мне грустно на тебя смотреть...» (с. 195).— Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 2, с. 49; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Автограф — РГАЛИ, без даты.

В «Русском современнике» вместе с «Ты прохладой меня не мучай...» под общим заглавием «Любовь хулигана», без посвящения.

Рецензируя номер журнала, где появились стихи Есенина, А.З.Лежнев писал: «У Есенина — элегические настроения и прозрачный, приближающийся к пушкинскому стих, отличающий последнюю фазу его творчества. Но поэт начинает уже повторять себя, что естественно при небольшом диапазоне переживаний, образующих содержание его лирики последнего времени» (ПиР, 1924, № 6, ноябрь-декабрь, с. 128). Появление стихов Есенина в «Русском современнике» вызвало резкий выпад «Октября». Редакция заявила: «Мы поставим ему, как и всякому попутчику, определенное условие: или печататься в советских или в буржуазных («Русский современник», «Россия» и т.д.) журналах. Такого двурушничества, какое допускал тов. Воронский, мы допустить не можем, и уж дело попутчиков выбрать, где им лучше» (журн. «Октябрь», М., 1924, № 4, ноябрь-декабрь, с. 185).

«Ты прохладой меня не мучай...» (с. 197).— Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 2, с. 50; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, парный к автографу «Вечер черные брови насопил...» с общим посвящением «Августе Миклашевской».

Судя по характеру автографа (общее посвящение, перед стихотворениями — порядковые номера 1 и 2, подпись тоже общая, после второго стихотворения), он готовился для публикации. В какую редакцию намеревался передать или передавал его автор — неизвестно. В печати

стихотворения разделились, одно появилось в «Русском современнике», другое — в Кр. нови.

«Вечер черные брови насопил...» (с. 199).— Кр. новь, 1924, № 1, январь-февраль, с. 120; М.каб.; Ст24.

Печатается по наб. экз. (вырезка из М.каб.).

Автограф — РГАЛИ, без даты, парный к автографу «Ты прохладой меня не мучай...» (его факсимильное воспроизведение — Собр. ст., 3, между с. 128 и 129). Автограф ст. 1—8 — ГЛМ, без даты, в принадлежавшей Есенину тетради, куда вклеивались посвященные ему статьи и рецензии. В наб. экз. и Собр. ст. с пометой — Больница на Полянке. «Больницей на Полянке» Есенин называл Профилакторий им. Шумской (оздоровительное заведение, где пациенты, как указывалось в справочнике, «получают нужные виды лечения и гигиенические навыки для оздоровления своей домашней жизни»). Он лег в этот профилакторий (Москва, Б.Полянка, 52), как сообщила Г.А.Бениславская, 17 декабря 1923 г. Датируется по Собр. ст.

«Мы теперь уходим понемногу...» (с. 201).— Кр. новь, 1924, № 4, июнь-июль, с. 128; Ст24.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— 1924.

В рукописи стихотворение озаглавлено «Ровесникам», в Кр. нови и Ст24 — «Памяти Ширяевца».

Александр Васильевич *Ширяевец* (наст. фам. Абрамов; 1887—1924) — поэт. «...Я вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения»,— писал ему Есенин еще 21 января 1915 г., и с той поры его дружеское расположение оставалось неизменным. Хотя Есенин с тех

лет считал А.В.Ширяевца участником, как он писал, «нашего народнического движения», их личное знакомство состоялось лишь в 1921 г., в Ташкенте. После переезда А.В.Ширяевца в Москву в 1922 г. и возвращения Есенина из зарубежной поездки их встречи стали более частыми, но в ближайшее окружение Есенина он не вошел. За месяц с небольшим до смерти, 4 апреля 1924 г., А.В.Ширяевец писал одному из своих друзей: «Дня три тому назад на Арбате столкнулся с Есениным. Пошли, конечно, в пивную, слушали гармонистов и отдавались лирическим излияниям. Жизнерадостен, как всегда, хочет на лето ехать в деревню, написал много новых вещей» (Gordon McVay. «Ten Letters of A. V. Shiryaevets» — «Oxford Slavonic Papers». New series. V. XXI. Oxford, 1988, p. 168). А.В.Ширяевец умер 15 мая 1924 г. в Старо-Екатерининской больнице в Москве от менингита. Болезнь была скоротечной, его внезапная кончина потрясла Есенина. Он тяжело переживал утрату, не верил в болезнь, считал даже, что А.В.Ширяевец отравился, участвовал в организации похорон, выступал на поминках. Вместе с П.В.Орешиным и С.А.Клычковым вошел в состав «душеприказчиков по литнаследству» поэта.

А.М.Марченко высказала предположение, что стихотворение Есенина — «это еще и вариация на заданную Ширяевцем тему:

Пусть свалюсь в кладбищенскую яму,
К берегам безвестным уплыву...»

(Марченко А., «Поэтический мир Есенина», М., 1972, с. 224—226). В.Т.Кириллов, со своей стороны, сблизил стихотворение Есенина со своим «Мои похороны». Он же сообщил, что однажды «Есенин прочитал два

варианта стихотворения на смерть Ширяевца» (Восп., 1, 274). В рукописи зафиксирован только один, окончательный вариант произведения, другие редакции его неизвестны.

Пушкину (с. 203).— Бак. раб., 1924, 25 сентября, № 217; Ст24.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Беловой автограф — ИМЛИ, без даты. В наб. экз. также не датировано. В сб. «Пушкинский альманах», М., 1926 опубликовано с датой 26 мая 1924 г. Что явилось основанием этой датировки, не указано. «Пушкинский альманах» был выпущен к вечеру, посвященному столетней годовщине выхода в свет первого сборника стихотворений А.С.Пушкина. Вечер состоялся 12 апреля 1926 г. в Бетховенском зале Большого театра. Альманах был издан под маркой Русского общества друзей книги, в нем приняли участие М.А.Цявловский, Л.П.Гроссман, В.В.Вересаев. Стихотворение Есенина напечатано в подборке «Поэты наших дней — Пушкину», где, кроме Есенина, представлены А.А.Ахматова («Смуглый отрок бродил по аллеям...»), А.А.Блок («Пушкинскому Дому»), М.А.Кузмин («Пушкин»). Авторитетность издателей альманаха, их текстологический опыт дают уверенность, что дата в публикации основана на документальных источниках. Хотя не исключено, что это своеобразная игра поэта: 26 мая — дата рождения А.С.Пушкина по старому стилю. Вместе с тем показательно, что стихотворение А.А.Блока также было напечатано с датой (5 февраля 1921 г.), восходящей к черновым рукописям поэта.

Пушкинский юбилей (125-летие со дня рождения) отмечался широко, был горячо воспринят и поддержан значительной частью критики и читателями. В этом был сво-

еобразный ответ на те нигилистические и разрушительные идеи и действия, которые так трагически сказались на развитии русской культуры. Вопрос об отношении к А.С.Пушкину вновь стал одним из вопросов, порождавших самые разные точки зрения и позиции литературных группировок и объединений. Именно с событиями пушкинского юбилея связана острая литературная пикировка между Есениным и В.В.Маяковским в сентябре 1924 г., которая отразилась в «Юбилейном» и в «На Кавказе».

Есенин читал стихотворение на юбилейном митинге 6 июня 1924 г. у памятника Пушкину. «После приветственной речи П.Н.Сакулина и возложения венка к подножию памятника перед Пушкиным выступили ново-крестьянские поэты С.Есенин, П.Орешин, пролетарский поэт В.Казин, поэты Сергей Городецкий и Зенкевич» (журн. «Современник», М., 1925, № 1, январь, с. 69).

«...После скандалов и озорства он обращается к Пушкину,— писал о Есенине М.Л.Слоним,— и пред его бронзовой статуей стоит, как пред причастьем. Отравленный „горькою отравой", кабаками и хулиганской позой, усталый от непутевой жизни — пытается возвратиться он в дом, в „простоту, чистоту и пустоту"» (журн. «Воля России», Прага, 1925, № 12, декабрь, с. 159).

«Низкий дом с голубыми ставнями...» (с. 205).— Журн. «Русский современник», Л.—М., 1924, № 3, с. 75; Бак. раб., 1924, 26 сентября, № 218; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. В наб. экз. также не датировано. Датируется по первой публикации.

Сукин сын (с. 207).— Бак. раб., 1924, 23 сентября, № 215; журн. «Новый мир», М., 1925, № 3, март, с. 79; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой).

Автограф неизвестен. Факсимиле фрагмента автографа (ст. 33—36) без подписи и даты — «Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 31 декабря, № 316. В альбоме П.Н.Медведева (РНБ) — авторизованный список, выполненный В.И.Эрлихом с подписью автора, с датой 31 июля 1924 г. В наб. экз. и Собр. ст.— без даты. Датируется по авторизованному списку.

«Отговорила роща золотая...» (с. 209).— Бак. раб., 1924, 23 сентября, № 215; Кр. новь, 1924, № 6, октябрь-ноябрь, с. 132; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Беловой автограф — ИМЛИ, без даты; на автографе помета: «В № 6 „Кр. н.". В.Казин», показывающая, что он служил оригиналом при публикации стихотворения в Кр. нови. Имелся еще один автограф (в 1926 г. входил в собрание Е.А.Есениной, местонахождение в настоящее время неизвестно, фотокопия — РГАЛИ, воспроизведение — Собр. ст., 3, между с. 64 и 65), также без даты. В наб. экз. помечено 1924 г. По свидетельству А.А.Есениной, написано во второй половине августа 1924 г. во время приезда в Константиново: «В этот свой приезд Сергей спал в амбаре. Ему снова нужно было работать, а в риге нельзя было курить, опасно зажигать лампу. Работал Сергей очень много. Я помню, как часами, почти не разгибаясь, сидел он за столом у раскрытого окна нашей маленькой хибарки. Условия для работы были очень плохие... И несмотря на трудности, он упорно работал над

„Поэмой о 36“. Здесь же им было написано стихотворение „Отговорила роща золотая...“» (Восп., 1, 98). Подтверждает это также И.В.Грузинов (там же, 358).

Один из критиков русского зарубежья С.П.Постников в рецензии на несколько номеров Кр. нови, выделив стихи Есенина «как настоящую вещь, как подлинное художественное произведение», писал: «Теперь у Есенина наступает новый период. Устал он, видимо, озорничать. И в стихах появилось раздумье, а вместе с тем и форма стихов стала проще. Не только в приведенном стихотворении чувствуется это <выше цитировалась «Русь советская»>, но и в стихах «На родине» и «Отговорила роща золотая». Не берусь утверждать, что настоящее настроение Есенина устойчивое, но, во всяком случае, оно теперь есть и является интересным периодом в развитии этого талантливого поэта» (журн. «Воля России», Прага, 1925, № 3, март, с. 165).

«Синий май. Заревая теплынь...» (с. 211).— Бак. раб., 1925, 19 мая, № 110; Кр. новь, 1925, № 6, июль-август, с. 112.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторской правкой).

Автограф неизвестен. В наб. экз. помечено 1925 г. Датируется по первой публикации.

В рецензии на 3, 4, 5 и 6 номера Кр. нови за 1925 г., в которых было напечатано несколько стихотворений из «Персидских мотивов», «Песня», «Заря окликает другую...» и другие стихи Есенина, в том числе и данное, В.П.Друзин писал: «Мелкие стихи, за исключением двух отрывков Ильи Сельвинского из поэмы «Улялаевщина», не отличаются большой ценностью». И дальше, упомянув в общем перечислении «есенинские перепевы „Москвы ка-

бацкой“ (что вынуждает Есенина топтаться на одном месте?)», завершал: «...скучно все это и зачем напечатано — неведомо» (журн. «Звезда», Л., 1925, № 4, с. 294).

Собаке Качалова (с. 213).— Бак. раб., 1925, 7 апреля, № 77.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.).

Черновой и беловой автографы — РГАЛИ, без даты. Еще один беловой автограф — ГЛМ, также без даты. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст.— 1925 г. При перепечатке в Кр. новь, 1926, № 2, февраль, с. 105 датировано: «Весна 1925 г.». Датируется по первой публикации и воспоминаниям В.И.Качалова, из которых явствует, что стихотворение было написано в марте 1925 г., в Москве, в дни, когда Есенин приезжал из Баку. Есенин был в Москве с 1 по 27 марта.

Широко известен рассказ великого мхатовского актера В.И.*Качалова* (1875—1948) об обстоятельствах, при которых возникло стихотворение (см. Восп., 2, 251—257).

«Несказанное, синее, нежное...» (с. 215).— Кр. нива, 1925, № 14, 5 апреля, с. 328; Бак. раб., 1925, 7 апреля, № 77; Кр. нива, 1925, № 30, 19 июля, с. 698.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Кр. нивы № 30).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. Беловой автограф — собрание М.С.Лесмана (хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург), также без даты. В наб. экз. помечено 1925 г.

Песня (с. 217).— Бак. раб., 1925, 17 мая, № 108; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 23.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Кр. нови с авторской правкой).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты; судя по ряду внешних примет (бумага, карандаш, почерк и т.п.), выполнен одновременно с автографом «Не вернусь я в отчий дом...» и служил оригиналом для публикации в Бак. раб. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст.— 1925 г. В.Ф.Наседкин передает рассказ Есенина о его жизни в Баку весной 1925 г.: «Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей. „Если не бросишь пить, через три месяца смерть",— сказали они, и положили меня в больницу. Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю. В один день я написал тогда два стихотворения: „Есть одна хорошая" и „Ну, целуй меня, целуй"» (В.Наседкин, «Последний год Есенина», М., 1927, с. 19). Пасха в 1925 году приходилась на 19 апреля. Датируется с учетом свидетельства В.Ф.Наседкина.

Это стихотворение Есенин читал и пел на собственный мотив. И.В.Евдокимов свидетельствует: «Есенин с необычайной силой пел это трагическое стихотворение,— между прочим, на своей свадьбе в июле 1925 г.» (Собр. ст., 4, 364). То же впечатление трагичности вынес Ю.Н.Либединский, также присутствовавший на свадьбе: «Сергей допел, все кинулись к нему, всем хотелось его целовать, благодарить за эту прекрасную песню, в которой необычайно переплелись и затаенная, глубокая тоска, и прощание со своей молодостью, и его заветы, обращенные к новой молодости, к бессмертной и вечно молодой любви...» (Восп., 2, 153). Печальной запомнилась мелодия песни Н.К.Вержбицкому (там же, 224). Но вот рассказ еще одного внимательного наблюдателя, В.А.Мануйлова, слышавшего

«Песню» на квартире С.А.Толстой-Есениной в июне 1925 г.: «В этот вечер Есенин много читал, и особенно мне запомнилось, как он, приплясывая, напевал незадолго до того написанную «Песню»... Разгульный и лихой мотив этой песни напомнил мне, как в Баку Есенин читал мне отрывки из «Песни о великом походе», которую тогда писал» (там же, 186). Столь разные впечатления слушателей говорят об изменчивости интонаций автора в устной передаче своих произведений.

«Заря окликает другую...» (с. 219).— Бак. раб., 1925, 12 мая, № 104; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 25.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Кр. нови). В наб. экз. представлено дважды: один раз — вырезка из Кр. нови, второй — машинописный список (см. с. 399 наст. тома).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты. Еще один автограф — собрание М.С.Лесмана (хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург), также без даты. В наб. экз. и Собр. ст. не датировано. Датируется по первой публикации.

«Ну, целуй меня, целуй...» (с. 221).— Бак. раб., 1925, 19 мая, № 110; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 26.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Кр. нови).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты. Еще один беловой автограф — собрание М.С.Лесмана (хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург), также без даты. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— 1925 г. Датируется с учетом свидетельства В.Ф.Наседкина (см. прим. к стихотворению «Песня»).

«Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» (с. 223).— Бак. раб., 1925, 25 мая, № 115.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. В наб. экз. помечено маем 1925 г. Датируется по наб. экз.

Василий Иванович *Болдовкин* (1903—1963), которому в первой публикации было посвящено стихотворение,— близкий знакомый Есенина, младший брат П.И.Чагина. С января 1923 г. он работал в Персии: сначала секретарем русско-персидского акционерного общества «Шарк», затем комендантом советского посольства в Тегеране, возил диппочту. Познакомился с Есениным осенью 1924 г., много рассказывал ему о Персии. Вновь они встретились в мае 1925 г., когда В.И.Болдовкин приехал в Баку в отпуск. Г.Шипулина, опубликовавшая отрывки из его воспоминаний, сообщает: «Эта встреча произошла 23 мая, 24 они весь день гуляли по городу, по бульвару, сфотографировались на память...» (газ. «Молодежный курьер», Рязань, 1991, 26 декабря, № 76, спец. вып. «Тропа к Есенину»).

Прощай, Баку! — Во время пребывания в Баку, в апреле-мае 1925 г., Есенин тяжело болел, подозревал даже, что у него чахотка. Но потом выяснилось, что это была простуда. Вновь приехал в Баку 28 июля 1925 г., уже после женитьбы на С.А.Толстой.

...балаханский май...— Первомайский праздник 1925 г. Есенин встречал на рабочей маевке в пригороде Баку Балаханы. Он посвятил этому стихотворение «1 мая».

«Вижу сон. Дорога черная...» (с. 224).— Бак. раб., 1925, 20 июля, № 161.

Печатается по наб. экз. (рукописный список, сделанный с белового автографа, который позже был подарен

Д.А.Фурманову — см. Собр. ст., 4, 365; местонахождение этого автографа в настоящее время неизвестно).

Черновой автограф — ГЛМ, с датой: «2.VII.25. Москва», проставленной неустановленной рукой. Беловой автограф — ГЛМ, без даты. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— июль 1925 г. Датируется согласно помете на автографе.

Авторскую датировку оспаривает Н.Д.Вольпин, которая вспоминает, что слышала это стихотворение в чтении Есенина в декабре 1923 г.: «Его упорно во всех публикациях относят к 1925 году. Возможно, какие-то мелкие доделки внесены позже, но мне ли было его забыть! Да и обсуждали мы его подробно...» И затем о ст. 17: «Я долго потом старалась вспомнить: „У которой тот же свет" или „От которой тот же свет"... Он все не печатал, когда-то еще выйдет, наконец,— посмертно — четырехтомник и в нем эти стихи! Недооцененные. А может быть, вариант „Той, в которой"... возник позже?» (журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1987, № 4, с. 174). Стихотворение, вероятно, вынашивалось поэтом, длительное время существовало лишь в его сознании и только спустя какой-то срок было «положено на бумагу» (см. с. 413—414 наст. тома).

Что касается ст. 17, то вариантов, о которых пишет Н.Д.Вольпин, ни в черновике, ни в беловике нет. В черновике строка записана: «В той который тот же свет». Это явная описка. Когда автор перебелял рукопись, то начал строку «В той», но, заметив описку, зачеркнул начало и написал строку в окончательной редакции.

Выдвигалось предположение, что в стихотворении можно видеть образы из Апокалипсиса. В.П.Харчевников считает, что всадница на белом коне — это смерть, а конь — один из апокалиптических коней: «Здесь можно различить апокалиптический образ, который Есенин мог

усвоить непосредственно из первоисточника или через влияние А.Блока, интерес к которому он с новой силой испытал в последние годы». Исследователь считает, что «стихотворение правильнее отнести к циклу произведений-ламентаций с их характерными мотивами бренности человеческой жизни, грусти по быстротечности человеческого жизненного пути» (сб. «Сергей Есенин. Проблемы творчества», вып. 2, М., 1985, с. 80—81). Представляется, что в этом предположении недостаточно учитывается одна особенность текста. Дело в том, что «не любимая» в ст. 6 ранее ошибочно печаталось в одно слово и поэтому читалось как пояснение, как своего рода эпитет к слову «милая». В действительности — это два разных персонажа. «Любимая» — это та, «которой в мире нет», которая несет в себе «тот же свет», то есть таинственный свет месяца. Недаром слово «Единственная» Есенин в рукописи даже написал с прописной буквы. А «милая» — это житейская возлюбленная, земная женщина.

«Спит ковыль. Равнина дорогая...» (с. 226).— Бак. раб., 1925, 20 июля, № 161; журн. «Огонек», М., 1925, № 31, 26 июля, с. 6; Кр. нива, 1925, № 32, 2 августа, с. 738.

Печатается по наб. экз. (вырезка из журн. «Огонек» с авторской правкой: в ст. 19 исправлена грубая ошибка журнальной публикации — «Как чужая жизнь брызжет новью»). На вырезке в наб. экз. отдельно над стихотворением авторская помета «Юность», связанная с этой опечаткой. Еще в 1926 г. эта помета была неправильно воспринята как заголовок. В гранках Собр. ст. стихотворение даже получило такое заглавие, но ошибка была тогда устранена. Однако и позже предпринимались попытки так же неправильно трактовать эту помету.

Автограф — ГЛМ, без даты. Второй автограф — РГАЛИ, также без даты. Третий беловой автограф — частное собрание (Москва), также без даты. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— июль 1925 г. Датируется по первым публикациям и Собр. ст.

«Не вернусь я в отчий дом...» (с. 228).— Бак. раб., 1925, 17 мая, № 108; альм. «Красная новь», М., 1925, № 1, с. 103.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, выполнен одновременно с автографом стихотворения «Песня» (см. прим. к этому стихотворению). В наб. экз. и Собр. ст.— без даты. Под публикацией в Бак. раб. указано место написания — «Больница водников» (бакинская больница, где Есенин лежал в конце апреля — начале мая в связи с простудным заболеванием). Датируется согласно данной помете, времени подготовки автографа и первым публикациям.

В рецензии на альм. «Красная новь» критик пролеткультовской ориентации М.Г.Майзель, имея в виду данное стихотворение, писал: «Тусклым бисером в изобилии пересыпаны стихами страницы прозы. Ни привычная меланхолия Есенина, ни мало оригинальные стихи Маяковского <было напечатано стихотворение „Notre-Dame“> не служат к украшению отливающего всеми цветами „Альманаха“» («Красный журнал для всех», Л., 1925, № 12, декабрь, с. 761).

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» (с. 230).— Бак. раб., 1925, 2 сентября, № 199; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 92.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторскими пометами).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты, вместе с автографом стихотворения «Листья падают, листья падают...», с общим заглавием «Стихи Сергея Есенина» и общей подписью; автограф служил оригиналом для публикации в Бак. раб. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— август 1925 г. Датируется по Собр. ст.

«Каждый труд благослови, удача!..» (с. 231).— Бак. раб., 1925, 31 июля, № 171; журн. «Огонек», М., 1925, № 38, 13 сентября, с. 5; Кр. новь, 1925, № 7, сентябрь, с. 128.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.).

Черновой автограф — ГЛМ, с авторской датой: «12/VII-25. Константиново». Авторизованный машинописный список — ГЛМ, с той же датой, с подписью автора и его пометами. В журн. «Огонек» — с датой 14 июля 1925 г. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— июль 1925 г. Датируется по черновому автографу и авторизованной машинописи.

Сестра поэта А.А.Есенина вспоминала: «В первой половине июля Сергей уезжает в деревню, или, как мы говорили, «домой». Дома он прожил около недели <с 10 по 16 июля>. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома, то на сенокос к отцу и помогал ему косить, то на два дня уезжал с рыбацкой артелью, километров за пятнадцать от нашего села ловить рыбу. Эта поездка с рыбаками и послужила поводом к написанию стихотворения „Каждый труд благослови, удача!..“, которое было написано там же, в деревне» (Восп., 1, 118).

В рецензии на два номера Кр. нови, в одном из которых были напечатаны это и следующее стихотворения Есенина, С.Ф.Буданцев писал: «Стихи в обеих рецензируемых книгах не поднимаются над тем угрожающе-средним уровнем, который установлен для стихов безразлично-терпимыми редакциями» (журн. «Книгоноша», М., 1925, № 31/32, 30 сентября, с. 4—5). Напротив, принципиальную значимость этих стихов подчеркивал В.Г.Никонов. В статье «Поэт большого сердца» он писал: «У него иные радости, наполняющие жизнь, чем у нас, но любовь к бытию, воля к жизни — это наше, наше». И затем, процитировав первую строфу «Каждый труд благослови, удача!..», продолжал: «Отсюда, от этих элементов, взращенных на трудовой, здоровой, еще сильной почве крестьянства, осмысливание Есениным величайших сдвигов современности» (журн. «Стрежень», Ульяновск, 1925, № 1, ноябрь, с. 11).

«Видно, так заведено навеки...» (с. 233).— Бак. раб., 1925, 31 июля, № 171; журн. «Огонек», М., 1925, № 38, 13 сентября, с. 5; Кр. новь, 1925, № 7, сентябрь, с. 129.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.) с исправлением в ст. 16 («Не могу не думать, не робеть» вместо «Не могу ни думать, ни робеть»).

Черновой автограф — ГЛМ, с авторской датой: «14/VII-25». Беловой автограф <?> ст. 17—28 —ИРЛИ, без даты. Машинописный список — ГЛМ, с датой 14 июля 1925 г., с подписью автора и его пометами. В журн. «Огонек» — с датой 12 июля 1925 г. Датируется по черновому автографу и авторизованной машинописи.

А.А.Есенина писала об этом стихотворении как относящемся «к событиям, связанным с его жизнью с

С.А.Толстой»: «Кольцо, о котором говорится в этом стихотворении, действительно Сергею на счастье вынул попугай незадолго до его женитьбы на Софье Андреевне. Шутя, Сергей подарил это кольцо ей. Это было простое, медное кольцо очень большого размера» (Восп., 1, 118).

«Листья падают, листья падают...» (с. 235).— Бак. раб., 1925, 2 сентября, № 199; Прож., 1925, № 18, 30 сентября, с. 15.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с авторскими пометами) с исправлением в ст. 25 («*Я* над песней не таял, не млел» вместо «Я над песней ни таял, ни млел»).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты (см. о нем прим. к «Над окошком месяц. Под окошком ветер...»). В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— август 1925 г. Датируется по Собр. ст.

«Гори, звезда моя, не падай...» (с. 237).— Бак. раб., 1925, 21 августа, № 189; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 94.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Черновой автограф — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), с датой 17 августа, проставленной С.А.Толстой-Есениной. Беловой автограф <?> ст. 17—28 — ИРЛИ, без даты. В наб. экз.— рукой С.А.Толстой-Есениной помечено 18 августа. Датируется по черновому автографу.

По предположению Р.М.Акульшина, стихотворение написано под впечатлением от русской песни «День тоскую, ночь горюю...». Он вспоминал, что однажды в редакции Кр. нови Есенин услышал, как они с В.Ф.Наседкиным пели дуэтом русские песни, и, по его словам, «вер-

нувшись домой, Есенин под впечатлением прослушанных в редакции песен» написал это стихотворение (газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 1949, 30 января, № 13428). Сходные сведения приводит в своих воспоминаниях и В.Ф.Наседкин (см. Восп., 2, 307). Однако этот рассказ находится в определенном противоречии с датой автографа: в августе, когда было написано стихотворение, Есенин находился в Баку.

Иначе рассказывала про обстоятельства создания этого и следующего стихотворения С.А.Толстая-Есенина. Она вспоминала, что стихи были написаны в Мардакянах, близ Баку, когда они жили там у пригласившего их П.И.Чагина: «В то время Есенин очень плохо себя чувствовал. Опять появилось предположение, что у него туберкулез. Он кашлял, худел, был грустен и задумчив. Настроениями и разговорами этих дней навеяны оба эти стихотворения» (Восп., 2, 261).

Рецензируя номер журнала, где было напечатано это и ряд других стихотворений Есенина, М.Г.Майзель писал: «Стихотворный раздел представлен пятью авторами (среди них С.Есенин, Клычков и др.), которые дали ряд ординарных стихотворений. В таком окружении не трудно выделиться „рыдалистым“ строкам Есенина, который, монополизировав грусть и печаль всей современной русской литературы, достигает в этой тоскующей лирике больших успехов» («Красная газета», веч. вып., Л., 1925, 26 ноября, № 286).

«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» (с. 239).— Бак. раб., 1925, 21 августа, № 189; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 95.

Печатается по наб. экз. (машинописный список с пометами С.А.Толстой-Есениной).

Автограф — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), с датой 17 августа (проставлена С.А.Толстой-Есениной), парный к автографу «Гори, звезда моя, не падай...»: перед текстом автором поставлена цифра II, под текстом подпись (под автографом «Гори, звезда моя, не падай...» подписи нет). Сохранился также список, выполненный С.А.Толстой-Есениной, с авторской подписью — РГАЛИ (ф. П.И.Чагина), без даты. В списке перед текстом цифра II — следовательно, имелся парный список «Гори, звезда моя, не падай...», местонахождение которого не установлено. Данные списки служили оригиналом для публикации в Бак. раб. В наб. экз. С.А.Толстой-Есениной проставлена дата: 18 августа. Датируется по помете на автографе.

«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!..» (с. 241).— Бак. раб., 1925, 9 октября, № 230; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 92.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной) с исправлением в ст. 3 («не пыли» вместо «не пыль»).

Автограф неизвестен. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— сентябрь 1925 г. Имеется список С.А.Толстой-Есениной с датой: «8 сентября 1925. Москва» (РГАЛИ). Датируется по списку.

Пусть она услышит, пусть она поплачет. Ей чужая юность ничего не значит.— Ср. у М.Ю.Лермонтова в «Завещании»:

Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей,
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

«Я красивых таких не видел...» (с. 242).— Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 22 («Потому и достался не в срок» вместо «Потому и достался ни в срок»).

В наб. экз. это и следующие три стихотворения — без дат, в Собр. ст.— сентябрь 1925 г. В РГАЛИ — список этих четырех стихотворений с пометой: «Запись С.А.Толстой под диктовку Есенина с его собственноручной правкой». На списках С.А.Толстой-Есениной проставлена дата: «13.IX.1925». Все четыре стихотворения датируются по этим спискам.

Стихотворения предполагалось напечатать также в Бак. раб. Сотрудник газеты С.Файнштейн писал 26 сентября 1925 г. С.А.Толстой-Есениной: «Стихи получены. Пойдут, как вы просили, „Сестре Шуре" — все вместе» (ГЛМ). В.А.Мануйлов сообщал Есенину, что публикация намечена на 2 октября (см. Восп., 2, 187), но она не состоялась.

Эти четыре стихотворения представлялись автору единым циклом. Именно так они были опубликованы в Кр. ниве — заголовок имел, правда, нейтральный характер «Стихи Сергея Есенина», но посвящение «Сестре Шуре» было единым для всех четырех стихотворений. Единым циклом предполагалось их напечатать в Бак. раб. Однако последовательность стихотворений менялась. В диктовке Есенина второе стихотворение «Ах, как много на свете кошек...» шло последним; в Кр. ниве поменялись местами третье и четвертое стихотворения. В наб. экз. внешние признаки цикла сохранены не были: все стихи получили одинаковые, но каждое свое отдельное посвящение.

Шура — Александра Александровна Есенина, младшая сестра поэта (1911—1981). Осенью 1924 г. она пере-

ехала из Константинова в Москву, чтобы продолжить учебу в школе. Об обстоятельствах, связанных с возникновением этих стихотворений, она вспоминала:

«В один из сентябрьских дней Сергей предложил Соне <С.А.Толстой-Есениной> и мне покататься на извозчике. День был теплый, тихий. Лишь только мы отъехали от дома, как мое внимание привлекли кошки. Уж очень много их попадалось на глаза. Столько кошек мне как-то не приходилось встречать раньше, и я сказала об этом Сергею. Сначала он только улыбнулся и продолжал спокойно сидеть, погруженный в какие-то размышления, но потом вдруг громко рассмеялся. Мое открытие ему показалось забавным, и он тотчас же превратил его в игру, предложив считать всех кошек, попадавшихся нам по пути... Это занятие нас всех развеселило, а Сергей увлекся им, пожалуй, больше, чем я. Завидев кошку, он вскакивал с сиденья и, указывая рукой на нее, восклицал: „Вон, вон еще одна!..“ Когда мы доехали до Театральной площади, Сергей предложил зайти пообедать. И вот я первый раз в ресторане. Швейцары, ковры, зеркала, сверкающие люстры — все это поразило и ошеломило меня. Я увидела себя в огромном зеркале и оторопела: показалась такой маленькой, неуклюжей, одета по-деревенски и покрыта красивым, но деревенским платком. Но со мной Соня и Сергей. Они ведут себя просто и свободно. И, уцепившись за них, я шагаю к столику у колонны. Видя мое смущение, Сергей все время улыбался, и, чтобы окончательно смутить меня, он проговорил: „Смотри, какая ты красивая, как все на тебя смотрят...“... А на следующий день Сергей написал и посвятил мне стихи: „Ах, как много на свете кошек, нам с тобой их не счесть никогда...“ и „Я красивых таких не видел...“» (Восп., 1, 119—120).

«Ах, как много на свете кошек...» (с. 244).— Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

«Ты запой мне ту песню, что прежде...» (с. 245).— Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 14 («Что вовек я любил не один» вместо «Что вовек я любил ни один»).

«В этом мире я только прохожий...» (с. 247).— Кр. нива, 1925, № 42, 11 октября, с. 1001.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 14 («Что любить не отдельно, не врозь» вместо «Что любить ни отдельно, ни врозь»).

Персидские мотивы

В начале сентября 1924 г. Есенин приехал на Кавказ. Он был доволен тем, что уехал из Москвы, и писал друзьям, что вернется «не очень скоро. Не скоро потому, что делать мне в Москве нечего» (письмо Г.А.Бениславской от 20 октября 1924 г.). В это время им овладело настойчивое желание съездить в Персию (Иран) или Турцию. «Сижу в Тифлисе. Дожидаюсь денег из Баку и поеду в Тегеран. Первая попытка проехать через Тавриз не удалась»,— писал он Г.А.Бениславской 17 октября 1924 г. Через три дня ей же: «Несколько времени поживу в Тегеране». Приглашал другую московскую знакомую: «...на неделю могли бы поехать в Константинополь или Тегеран». Это намерение не оставляло его и позже. В январе 1925 г. он писал Г.А.Бениславской: «Мне 1000 р. нужно будет на предмет поездки в Персию или Константино-

поль». В следующий свой приезд на Кавказ, в апреле 1925 г., он сообщал ей же: «Главное в том, что я должен лететь в Тегеран». Желание не осуществилось — ни в Тегеране, ни в Константинополе побывать ему не привелось.

Обостренная тяга поэта к этим местам была связана с работой над «Персидскими мотивами». Впервые стихи этого цикла упоминаются в письме к Г.А.Бениславской от 20 октября 1924 г. из Тифлиса, в котором Есенин обещает «на днях» послать своим сестрам «персидские стихи» и замечает: «Стихи, говорят, очень хорошие, да и я доволен ими». Образный строй этих новых для него стихов быстро и глубоко завладел воображением поэта. Очень рано определилось название цикла: уже 21 октября он спрашивал в письме А.А.Берзинь: «Нравятся ли „Персидские мотивы"?» Названию суждено было стать окончательным. Ясным было и намерение продолжить работу. К концу года, когда было написано лишь несколько первых стихов, у него твердо сложилось мнение, что это будет достаточно обширный цикл. 20 декабря 1924 г. он писал Г.А.Бениславской, что «Персидские мотивы» — это «целая книга в 20 стихотворений».

Первые шесть стихотворений («Улеглась моя былая рана...», «Я спросил сегодня у менялы...», «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», «Ты сказала, что Саади...», «Никогда я не был на Босфоре...», «Свет вечерний шафранного края...») были написаны с октября 1924 г. по январь 1925 г. во время пребывания в Баку, Тифлисе и Батуме. Затем, в марте 1925 г. уже из Москвы он отправил П.И.Чагину два следующих: «В Хороссане есть такие двери...» и «Голубая родина Фирдуси...». В апреле 1925 г. были закончены и 13 апреля опубликованы еще два: «Воздух прозрачный и синий...» и «Золото холодное луны...».

Опубликованные к лету 1925 г. десять стихотворений Есенин объединил в цикл и открыл ими сборник «Персидские мотивы». К работе над циклом он вернулся в августе 1925 г., во время последней поездки на Кавказ, когда были созданы: «Быть поэтом — это значит то же...», «Руки милой — пара лебедей...», «Отчего луна так светит тускло...», «Глупое сердце, не бейся!..»

Окончательный состав цикла, последовательность стихотворений Есенин определил осенью 1925 г., готовя Собр. ст. С.А.Толстая-Есенина рассказывает, что в этот период поэт думал включить в цикл еще одно стихотворение — «Море голосов воробьиных...». По ее словам, он «...начал его перерабатывать, но не закончил и потому не включил в „Собрание“» (Восп., 2, 261).

«Персидские мотивы» Есенин думал посвятить Петру Ивановичу *Чагину* (1898—1967), журналисту и издательскому работнику, в те годы — редактору газеты «Бакинский рабочий», где были впервые опубликованы многие стихи цикла. В декабре 1924 г. Есенин писал ему: «Стихи о Персии я давно посвятил тебе. Только до книги я буду ставить или „П.Ч.“ или вовсе ничего. Все это полностью будет в книге». Сборник «Персидские мотивы» вышел с посвящением: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину». Однако при подготовке Собр. ст. посвящение Есенин не сохранил.

В «Персидских мотивах» сказалось знакомство Есенина с творчеством восточных классиков Саади, Омара Хайяма, Фирдоуси, имена которых встречаются в стихотворениях. Один из знакомых Есенина по Тифлису вспоминал: «...подвернулся мне томик — „Персидские лирики X—XV веков“ в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать. А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко

очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма» (Восп., 2, 221). Восточная поэзия сыграла значительную роль в разработке художественной системы цикла. Подробно это рассмотрено в работах П.И.Тартаковского: «Русская советская поэзия 20-х — начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока», Ташкент, 1977; «Я еду учиться...» («Персидские мотивы» Сергея Есенина и восточная классика) — в кн.: «В мире Есенина», М., 1986, 335—352. Одним из непосредственных источников для Есенина стала книга английского поэта Э.Фицджеральда «Омар Хаям. Рубаи», которая в переводе О.Румера вышла в Москве в 1922 г. Многие строки этого сборника находят отчетливые параллели в есенинском цикле.

Но не только книжные источники использовал Есенин. Он немало почерпнул из рассказов о Персии тех своих бакинских и тифлисских приятелей и знакомых, которые бывали там. В частности, с 1923 г. работал в Персии В.И.Болдовкин. В своих воспоминаниях он рассказывал: «Сергей с жадностью интересовался памятниками старины. Знаменитая Девичья башня, старый дворец очень интересовали Сергея. Осматривая памятники старины, Сергей задавал мне множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе». Он передал слова Есенина: «Ты знаешь, Вася, я хочу создать целый цикл стихов про Восток, про Персию. Про Персию старинную, древнюю, про Персию новую, такую, как она есть» (газ. «Молодежный курьер», Рязань, 1991, 26 декабря, № 76; спец. вып. «Тропа к Есенину»). Сходен рассказ и другого бакинского знакомого Есенина, В.А.Мануйлова: «Наша прогулка завершилась посещением Кубинки, шумного азиатского базара. Мы заглядывали в так называемые «растворы» — лавки, в которых

крашенные хной рыжебородые персы торговали коврами и шелками. Наконец мы зашли к одному старику, известному любителю и знатоку старинных персидских миниатюр и рукописных книг. Он любезно принял русского поэта, угощал нас крепким чаем, заваренным каким-то особым способом, и по просьбе Есенина читал нам на языке фарси стихи Фирдоуси и Саади. Уже под вечер мимо лавки прошел, звеня бубенцами, караван из Шемахи или Кубы, заметно похолодало и наступило время закрывать лавку, а мы все сидели и рассматривали удивительные миниатюры, украшавшие старинную рукопись „Шахнаме"» (Восп., 2, 179). Обогатили представления Есенина зарисовки с натуры и рассказы побывавшего в Персии его приятеля художника К.А.Соколова, с которым он часто общался в дни своей жизни на Кавказе. Некоторые из рисунков К.А.Соколова были тогда же опубликованы (см., например, журн. «Ленинград», 1925, № 26, 18 июля, с. 10—11). Н.К.Вержбицкий называет еще одного знатока восточной поэзии и изобразительного искусства, с которым часто беседовал Есенин в Тифлисе,— журналиста В.П.Попова.

Большинство персидских реалий почерпнуто Есениным из литературы или из рассказов. В значительной мере условными являются женские образы этого цикла. В нем три имени: Шаганэ, Лала, Гелия, кроме того, «задумчивая Пери» и «дальняя северянка». Показательно соотношение этих имен с реальностью.

Шаганэ — в зимние месяцы 1924/25 гг., когда Есенин жил в Батуме, он познакомился там с молодой женщиной, тогда учительницей — Шаганэ Нерсесовной Тальян, они несколько раз встречались, Есенин подарил ей свой сборник с дарственной надписью. Но с его отъездом из Батума знакомство оборвалось, и в последующие

месяцы он никаких усилий к его возобновлению не прилагал, хотя имя Шаганэ вновь возникло в стихах, написанных в марте, а потом в августе 1925 г.

Гелия — появилась в стихах потому, что так называла себя по имени какой-то актрисы шестилетняя дочь П.И.Чагина Роза, с которой Есенин любил играть.

Лала — пока сколько-нибудь определенной претендентки на то, чтобы значиться прототипом этого образа, выдвинуто не было, хотя среди многолюдства, в котором Есенин жил на Кавказе, отыскать какую-нибудь «Лалу» не составляло труда. В.Е.Холшевников справедливо обратил внимание на то, что на фарси «Лала» (точнее, «лаала») значит «тюльпан», кроме того, имя Есенин мог просто придумать, произведя его от старинного «лал» (драгоценный камень, яхонт) (см. сб. «В мире Есенина», М., 1986, с. 356). Правда, Есенин мог ввести не обязательно персидское имя, а тюркское, армянское или грузинское — вообще ориентальное, «восточное». Кроме того, В.Е.Холшевников обоснованно напомнил, что близкое по звучанию восточное имя встречается в русской поэзии, в стихотворении В.А.Жуковского «Лалла Рук».

Даже *Пери* (смысл слова был поэту, надо думать, ясен) он представлял как бы реальной женщиной, и писал иногда это слово с прописной буквы, как имя собственное, так, как это нередко делалось в прошлом веке.

Целый ряд имен назвали различные исследователи и мемуаристы в качестве прообраза «дальней северянки». Среди них: Г.А.Бениславская, З.Н.Райх, С.А.Толстая, Н.Д.Вольпин и др. Но все эти предположения носят умозрительный характер, и в дальнейшем этой теме, видимо, суждено стать столь же вечной, как спор о прообразе «смуглой леди» сонетов В.Шекспира.

Представляется, что все имена цикла — поэтическая условность и за ними практически не стоят реальные жизненные фигуры.

Такими же условными фигурами являются Гассан, чайханщик и меняла (кстати, это слово в одном из списков стихотворения Есенин тоже написал с прописной буквы, как имя собственное) и другие персонажи этих стихов.

Поэт любил этот цикл, дорожил им, неоднократно выступал с чтением входивших в него стихотворений. Рассказывая об одном из таких выступлений, В.Ф.Наседкин пишет: «Потом читал „Персидские мотивы“. Эти стихи произвели огромное впечатление» (Восп., 2, 304).

Характерные сведения о чтении Есениным этих стихов приводит А.К.Воронский в статье «Об отошедшем», открывавшей Собр. ст.: «В Баку за несколько месяцев до своей смерти <вероятнее всего, это было 17 или 18 апреля 1925 г.> на дружеской вечеринке Есенин читал персидские стихи. Среди других их слушал тюркский собиратель и исполнитель народных песен старик Джабар. У него было иссеченное морщинами-шрамами лицо, он пел таким высоким голосом, что прижимал к щеке ладонь левой руки, а песни его были древни, как горы Кавказа, фатальны и безотрадны своей восточной тоской и печалью. Он ни слова не знал по-русски. Он спокойно и бесстрастно смотрел на поэта и только шевелил в ритм стиха сухими губами. Когда Есенин окончил чтение, Джабар поднялся и сказал по-тюркски, как отец говорит сыну: „Я — старик. Тридцать пять лет я собираю и пою песни моего народа. Я поклоняюсь пророку, но больше пророка я поклоняюсь поэту: он открывает всегда новое, неведомое и недоступное пока многим. Я не понимаю, что ты читал нам, но я почувствовал и узнал, что ты большой, очень большой поэт. Прими от старика-

поэта преклонение перед высоким даром твоим“» (Собр. ст., I, XIV—XV).

Однако далеко не все современники приняли эти стихи поэта. Известен ядовито-иронический отзыв Н.А.Клюева. Когда в один из последних дней своей жизни Есенин встретился с ним и читал ему свои последние стихи, в том числе, естественно, и «Персидские мотивы», Н.А.Клюев так отозвался о них: «Я думаю, Сереженька, что, если бы эти стихи собрать в одну книжечку, они стали бы настольным чтением для всех девушек и нежных юношей, живущих в России» (Восп., 2, 350).

Также неоднозначно оценивались эти стихи и в критике. А.К.Воронский отнес этот цикл к тем стихам Есенина, которые «получили широкое распространение и заучиваются наизусть» (Прож., 1925, № 5, 15 марта, с. 24). Из стихов, публиковавшихся в «Красной нови», выделил первые стихи цикла Д.А.Горбов (см. журн. «Книгоноша», М., 1925, № 14, 16 апреля, с. 5). Высоко оценил цикл В.А.Красильников: «Насыщенность восточными пейзажами, напевная музыкальность и четкая, чеканная форма пятистиший делают «Персидские мотивы» Есенина интереснейшей книгой. Персия с ее чайханами, чадрами, розами и любовной лирикой, как живая, встает перед читателем, слышится и ощущается» (журн. «Книгоноша», М., 1925, № 16/17, 1 сентября, с. 76). Наряду с этими появлялись и отклики совсем иного характера. Какой-то безымянный рецензент, например, писал: «Лирические стихи Есенина читать бы вообще не следовало,— ничего в них ни интересного, ни поучительного никогда не бывает. Содержание вечно одно и то же, мотив вечно один и тот же, и герои этих песен „девушка в белом“ и „собаки-почтальоны“ вечно одни и те же с „вечной любовью“... Писать его очень тянет, и он пишет персид-

скую любовную чепуху о черных глазах и о белых девушках, вечно на один и тот же мотив „Шаганэ ты моя, Шаганэ!“» (газ. «На вахте», М., 1925, 24 сентября, № 218). Рецензия вклеена в тетрадь, где Есенин собирал отзывы о своих книгах, и отмечена яркой карандашной помстой (ГЛМ).

«Улеглась моя былая рана...» (с. 248).— Газ. «Трудовой Батум», 1924, 10 декабря, № 280; Кр. новь., 1925, № 2, февраль, с. 138; Перс. мот.

В наб. экз. отсутствует. Печатается по Собр. ст. с исправлением в ст. 17 по автографу (РГАЛИ) и всем трем публикациям («Ну, а этой за движенья стана» вместо «Ну, а этой за движенье стана»).

Автограф — РГАЛИ, без подписи и даты, парный к автографу «Я спросил сегодня у менялы...», который был вторым в единой рукописи и под которым стоит подпись и дата, общая для обоих стихотворений,— 1924. На автографах также помета Г.А.Бениславской — «осень 1924 г.». В ГЛМ — список неустановленной рукой с правкой автора и И.В.Евдокимова (выполнены рукой его жены), также без даты. Там же парный к нему список «Я спросил сегодня у менялы...». Оба списка, вероятно, служили оригиналом для Собр. ст.

Судя по письмам к Г.А.Бениславской и А.А.Берзинь от 20, 21 и 29 октября, в которых Есенин сообщает об отправке первых стихотворений цикла и спрашивает мнение о них, это и следующее стихотворения были закончены в эти дни. В Собр. ст. датировано 1924 г. В.И.Болдовкин подтверждает, что Есенин читал это стихотворение в дни своего пребывания в Баку, в сентябре-октябре 1924 г. (см. газ. «Молодежный курьер», Рязань, 1991, 26 декабря, № 76; спец. вып. «Тропа к Есенину»).

Хороссан (Хоросан) — провинция на северо-востоке Персии (Ирана).

«Я спросил сегодня у менялы...» (с. 250).— Газ. «Трудовой Батум», 1924, 10 декабря, № 280; Кр. новь., 1925, № 2, февраль, с. 139; Перс. мот.

В наб. экз. отсутствует. В Собр. ст. напечатано в редакции, отличающейся от печатных источников, вырезки из которых могли были быть вложены в наб. экз. Так, например, ст. 10 напечатана в редакции «В сердце робость глубже притая» (в Кр. нови и Перс. мот.— «В сердце радость глубже притая»). Редактор Собр. ст. И.В.Евдокимов располагал экз. Перс. мот. с поправками автора, где, в частности, данная строка была выправлена именно так (см. Собр. ст., 4, 369; местонахождение экземпляра неизвестно). Из сказанного ясно, что в тексте Собр. ст. были реализованы пожелания автора. Учитывая это, стихотворение печатается по Собр. ст.

Автограф — РГАЛИ, парный к «Улеглась моя былая рана...» (см. выше), с авторской датой — 1924. В ГЛМ — список неустановленной рукой с пометами автора (более ясное написание неразборчиво написанных слов, выправлено написание слова «меняла» с прописной буквы и т.п.) и поправками И.В.Евдокимова (повторение авторских исправлений в Перс. мот., непосредственно внесены рукой жены И.В.Евдокимова), парный к списку «Улеглась моя былая рана...». Оба списка не датированы, вероятно, служили оригиналом для наб. экз.

В Собр. ст. датировано 1924 г. Стихотворение было отослано Есениным в Москву из Тифлиса 20 или 21 октября 1924 г. (см. прим. к «Улеглась моя былая рана...»). Н.К.Вержбицкий, рассказывая о пребывании Есенина в Тифлисе осенью 1924 г., свидетельствует: «Как-то вече-

ром, за ужином, Есенин прочел нам свое первое стихотворение из будущего цикла «Персидские мотивы»: „Я спросил сегодня у менялы...“» (Восп., 2, 222).

Лала — см. с. 643.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (с. 252).— Бак. раб., 1925, 1 января, № 1; Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 139; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Автограф — Государственный музей В.В.Маяковского (ф. П.И.Чагина), без подписи и даты; под заглавием «Персидские мотивы» и с проставленной перед текстом цифрой I, что свидетельствует о существовании парного автографа «Ты сказала, что Саади...» (в 1960 г. находился в собрании П.И.Чагина, местонахождение в настоящее время не установлено). Автографы служили оригиналом для публикации в Бак. раб. Еще один автограф — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), также без даты. Имелся еще один автограф, подаренный автором Ш.Н.Тальян в середине декабря 1924 г. и утраченный ею в 1927—1928 гг. (см. Хроника, 2, 321—322). В Бак. раб.— вместе с «Ты сказала, что Саади...» с общей датой: «Батум, декабрь 1924 г.». В наб. экз.— без даты. Судя по письму к Г.А.Бениславской от 20 декабря 1924 г., с которым были отправлены это стихотворение и «Ты сказала, что Саади...», оно было закончено до этой даты.

Шаганэ — см. с. 642—643. *Шираз* — город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза. 8 апреля 1925 г. Есенин писал Г.А.Бениславской: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пи-

шет, значит, он не из Шираза». Эту поговорку Есенин использовал в стихотворении «Руки милой — пара лебедей...».

«Ты сказала, что Саади...» (с. 254).— Бак. раб., 1925, 1 января, № 1; Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 140; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. Беловой автограф — ГЛМ, без авторской даты, рукой С.А.Толстой-Есениной помечено: «Батум, декабрь 1924», внизу листа еще одна дата: «19.XII.24»; перед текстом — авторская цифра 2, что свидетельствует о существовании парного автографа другого стихотворения, скорее всего — «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», местонахождение которого не установлено. Известны еще два беловых автографа: один — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), второй — в 1960 г. находился в собрании П.И.Чагина (местонахождение в настоящее время не установлено). По сообщению Ш.Н.Тальян, 4 января 1925 г. поэт передал ей еще один автограф стихотворения, написанный на обороте групповой батумской фотографии (см. Хроника, 2, 322-323; утрачен в 1927—1928 гг.).

«Никогда я не был на Босфоре...» (с. 255).— З.Вост., 1925, 18 января, № 782; Кр. нива, 1925, № 9, 1 марта, с. 204; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из З.Вост.).

Беловой автограф — РГАЛИ, с авторской датой 21 декабря 1924 года, заголовок «Персидские мотивы», перед текстом — авторская цифра 1, что свидетельствует о существовании парного автографа другого стихотворения,

ром, за ужином, Есенин прочел нам свое первое стихотворение из будущего цикла «Персидские мотивы»: „Я спросил сегодня у менялы...“» (Восп., 2, 222).

Лала — см. с. 643.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» (с. 252).— Бак. раб., 1925, 1 января, № 1; Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 139; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Автограф — Государственный музей В.В.Маяковского (ф. П.И.Чагина), без подписи и даты; под заглавием «Персидские мотивы» и с проставленной перед текстом цифрой I, что свидетельствует о существовании парного автографа «Ты сказала, что Саади...» (в 1960 г. находился в собрании П.И.Чагина, местонахождение в настоящее время не установлено). Автографы служили оригиналом для публикации в Бак. раб. Еще один автограф — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), также без даты. Имелся еще один автограф, подаренный автором Ш.Н.Тальян в середине декабря 1924 г. и утраченный ею в 1927—1928 гг. (см. Хроника, 2, 321—322). В Бак. раб.— вместе с «Ты сказала, что Саади...» с общей датой: «Батум, декабрь 1924 г.». В наб. экз.— без даты. Судя по письму к Г.А.Бениславской от 20 декабря 1924 г., с которым были отправлены это стихотворение и «Ты сказала, что Саади...», оно было закончено до этой даты.

Шаганэ — см. с. 642—643. *Шираз* — город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза. 8 апреля 1925 г. Есенин писал Г.А.Бениславской: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пи-

шет, значит, он не из Шираза». Эту поговорку Есенин использовал в стихотворении «Руки милой — пара лебедей...».

«Ты сказала, что Саади...» (с. 254).— Бак. раб., 1925, 1 января, № 1; Кр. новь, 1925, № 2, февраль, с. 140; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. Беловой автограф — ГЛМ, без авторской даты, рукой С.А.Толстой-Есениной помечено: «Батум, декабрь 1924», внизу листа еще одна дата: «19.XII.24»; перед текстом — авторская цифра 2, что свидетельствует о существовании парного автографа другого стихотворения, скорее всего — «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», местонахождение которого не установлено. Известны еще два беловых автографа: один — собрание А.А.Есениной (хранится у наследников), второй — в 1960 г. находился в собрании П.И.Чагина (местонахождение в настоящее время не установлено). По сообщению Ш.Н.Тальян, 4 января 1925 г. поэт передал ей еще один автограф стихотворения, написанный на обороте групповой батумской фотографии (см. Хроника, 2, 322-323; утрачен в 1927—1928 гг.).

«Никогда я не был на Босфоре...» (с. 255).— З.Вост., 1925, 18 января, № 782; Кр. нива, 1925, № 9, 1 марта, с. 204; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из З.Вост.).

Беловой автограф — РГАЛИ, с авторской датой 21 декабря 1924 года, заголовок «Персидские мотивы», перед текстом — авторская цифра 1, что свидетельствует о существовании парного автографа другого стихотворения,

вероятнее всего — «Свет вечерний шафранного края...» (местонахождение этого автографа, который должен начинаться цифрой 2, не установлено). Еще один автограф — также РГАЛИ (собрание Г.В.Бебутова), без авторской даты, с пометой: «Прошу сообщить, сколько нужно заплатить. Ив. Кукушкин. 16/I-25 г.» (И.И.Кукушкин — батумский корреспондент З.Вост., с его помощью Есенин пересылал стихи в редакцию газеты); автограф — на двойном листе, общее заглавие «Персидские мотивы», на первом листе — «Никогда я не был на Босфоре...», на втором — «Свет вечерний шафранного края...» и подпись автора. Автографы служили оригиналом для публикации в газете, где оба стихотворения появились также под общим заглавием «Персидские мотивы». В наб. экз.— без даты. Датируется по беловому автографу.

«Свет вечѐрний шафранного края...» (с. 257).— З.Вост., 1925, 18 января, № 782; Кр. нива, 1925, № 9, 1 марта, с. 204; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из З.Вост.) с исправлениями по черновому автографу в ст. 1 («Свет вечерний шафранного края...» вместо «Свет шафранный вечернего края...») и в ст. 22 («Осеняет своя благодать» вместо «Осеняет твоя благодать»).

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. Беловой автограф — РГАЛИ (ф. Г.В.Бебутова), также без даты. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст. датировано 1924 г. В наст. изд. сохраняется дата Собр. ст.

Первая строка стихотворения известна в двух вариантах: в черновом автографе — «Свет вечерний шафранного края», в беловом автографе и всех трех прижизненных публикациях — «Свет шафранный вечернего края». Существуют различные точки зрения по поводу того, какую

из этих редакций следует считать правильной. Одни исследователи (В.Г.Белоусов, А.П.Ломан, С.П.Кошечкин и др.) полагают, что точной является редакция «Свет шафранный вечернего края». В.Г.Белоусов, например, пишет: «При жизни Есенина стихотворение печаталось лишь со строкой „Свет шафранный вечернего края". Она осталась неизменной и в Собрании стихотворений (1926—1927), подготовка которого шла с участием поэта. Воля Есенина в отношении окончательного текста стихотворения очевидна» (Хроника, I, 328).

Действительно, в беловом автографе, который служил оригиналом для публикации стихотворения в З.Вост. и опосредованно в Кр. ниве и Перс. мот., строка читается — «Свет шафранный вечернего края». Однако следует учитывать, что публикация в тифлисской газете проходила без авторской корректуры (Есенин находился в эти дни в Батуме, текст был отослан 16 января, опубликован 18 января, и обмен корректурами физически не мог состояться). Также без авторского участия осуществлялась публикация в Кр. ниве (кто и в каком виде передал в редакцию текст — неизвестно, вероятнее всего, он был скопирован кем-то из домашних с публикации в З.Вост., о чем свидетельствует сохранение опечатки в ст. 22 — «твоя» вместо «своя»), корректуру этого издания Есенин также держать не мог, так как номер журнала вышел в свет в день его возвращения с Кавказа. Видимо, по этой тифлисской публикации печаталось стихотворение и в Перс. мот., так как там также сохраняется та же самая опечатка в ст. 22. В наб. экз. стихотворение представлено в виде вырезки из З.Вост. Авторской правки или каких-либо других его помет на вырезке нет. Таким образом, мы располагаем по существу двумя источниками текста: первый — черновой автограф и второй — беловой автограф, по-

скольку все прижизненные издания являются механическим повторением текста этого белового автографа.

В черновом автографе строка ясно читается «Свет вечерний шафранного края». Более того, в том же автографе один из промежуточных вариантов пятой строки «Спой мне песню шафранного края». Слово «шафран», «шафранный» употреблялось Есениным или как цветовое определение («Отчего луна так светит тускло, Отчего бледна и не шафранна» — так читаются данные строки в черновике) или как синоним восточной неги, наслаждения («И тебя блаженством ошафранит»). Представляется, что в строке «Свет вечерний шафранного края» оно употреблено именно во втором значении — край неги и блаженства, край восточной сказки. Вряд ли можно предположить, что слово было использовано поэтом в колористическом смысле, как определение желтого или желтовато-коричневого цвета. Надо учитывать, что в цикле у Есенина неоднократно появляется цветовое определение этого края, но оно неизменно голубое или синее: «Голубая родина Фирдуси», «Голубой и ласковой страны», «Голубая да веселая страна», «Воздух прозрачный и синий». Трудно допустить, чтобы в одном из стихотворений появился совсем другой, по существу — противоположный цветовой эпитет.

Новая редакция этой строки, когда эпитеты поменялись местами, появилась в беловом автографе, который был подготовлен автором для отправки в редакцию З.Вост. Представляется, что подобная рокировка произошла не на творческой основе, а представляла собой обычную описку, к тому же случившуюся не на стадии создания произведения, а при подготовке его списка для редакционных нужд. Подобные механические описки

встречаются в наследии Есенина, в частности, и в текстах этого цикла.

Так, например, в стихотворении «Я спросил сегодня у менялы...» ст. 6 в газетной публикации, несомненно восходящей к авторскому списку, читается «*Тише* ветра, *легче* Ванских струй», хотя в тексте должно быть «*Легче* ветра, *тише* Ванских струй», а в ст. 10 в двух источниках печаталось «В сердце радость глубже притая», хотя должно было быть не «радость», а «робость».

С.А.Толстая-Есенина относительно первопечатной редакции строки замечала: «Предполагаем, что это опечатка, не замеченная автором» (Комментарий. ГЛМ). Она исправила ее по автографу в издании: С.Есенин. Избранное. М., 1946. Подобной точки зрения придерживался и П.И.Чагин, также печатавший эту строку в изданиях, которые он готовил, в редакции чернового автографа. При подготовке «Собрания сочинений» Есенина (1960) относительно редакции «Свет вечерний шафранного края» П.И.Чагин заметил: «Да. Именно так» (помета на рукописи, хранится у составителя).

С учетом свидетельств С.А.Толстой-Есениной и П.И.Чагина, неоднократно слышавших эти стихи от самого поэта, в наст. изд. первая строка печатается по черновому автографу.

«Воздух прозрачный и синий...» (с. 259).— Бак. раб., 1925, 13 апреля, № 82; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб.).

Беловой автограф — ИРЛИ, без даты. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст.— 1924 г. Видимо, эта дата ошибочна, поскольку во время пребывания в Москве в марте 1925 г. Есенин не оставил этого стихотворения Г.А.Бениславской для включения в Перс. мот., а прислал

его из Баку (было выслано не ранее 8 апреля), а указание относительно его места в сборнике дал лишь в письме от 11 мая 1925 г. Датируется с учетом этих данных.

«Золото холодное луны...» (с. 261).— Бак. раб., 1925, 13 апреля, № 82; Кр. новь, 1925, № 5, июнь, с. 24; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб. с авторской правкой).

Беловой автограф — собрание М.С.Лесмана (хранится у Н.Г.Князевой, Санкт-Петербург), без даты. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст.— 1924 г. Видимо, это ошибка, аналогичная датировке предшествующего стихотворения. Датируется на тех же основаниях.

«В Хороссане есть такие двери...» (с. 263).— Бак. раб., 1925, 3 апреля, № 74; Кр. новь, 1925, № 3, апрель, с. 133; Перс. мот.

В наб. экз. текст представлен в виде вырезки из Бак. раб., на которой авторской правки или других его помет нет. В Собр. ст. текст, не совпадающий ни с наб. экз., ни с другими прижизненными публикациями. Подобное расхождение может быть объяснено только тем, что редакция располагала каким-то неизвестным в настоящее время источником и следовала указаниям автора. Возможно, это был экз. Перс. мот. с правкой автора (см. прим. к «Я спросил сегодня у менялы...»). В этой связи стихотворение печатается по Собр. ст.

Черновой автограф — РГАЛИ, без даты. В наб. экз. не датировано, в Собр. ст.— 1924. Видимо, это ошибка. В письме к Г.А.Бениславской от 11 мая 1925 г. Есенин упоминает об этом и следующем стихотворении «Голубая родина Фирдуси...» как о сданных «дома», то есть во вре-

мя его пребывания в Москве в марте 1925 г. Оба стихотворения были в то же время отправлены П.И.Чагину (см. письмо к нему от марта 1925 г.) из Москвы в Баку для публикации в газете, где они появились с общей датой «Март 25 год». В наст. изд. принята эта дата.

«Голубая родина Фирдуси...» (с. 265).— Бак. раб., 1925, 3 апреля, № 74; Кр. новь, 1925, № 3, апрель, с. 132; Перс. мот.

Печатается по наб. экз. (вырезка из Бак. раб. с авторской правкой).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты. В наб. экз. в вырезке сохранена дата печатного источника — март 1925 г. (см. прим. к предшествующему стихотворению).

«Быть поэтом — это значит то же...» (с. 267).— Бак. раб., 1925, 7 августа, № 177; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 92.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 5 по беловому автографу (ГЛМ) и Бак. раб. («Быть поэтом — значит петь раздольно» вместо «Быть поэтом — значит петь раздолье»).

Беловой автограф — ГЛМ, без даты. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— август 1925 г. Принимается эта дата.

Петь по-свойски, даже как лягушка...— Вспоминая о пребывании Есенина в Тифлисе осенью 1924 г., Н.К.Вержбицкий рассказал о встрече Есенина с народным певцом и поэтом Иетимом Гурджи (1875—?), который в беседе упомянул о старинном предании: «Царь Давид хвастался, что его песни больше всего нравятся Богу. А Бог посмотрел сверху, покачал головой и говорит: „Ишь ты, расхвастался!.. Каждая лягушка в болоте поет

не хуже тебя! Посмотри, как она от всей души старается, хочет мне угодить!“ И тогда царю Давиду стало стыдно» (Восп., 2, 225).

«Руки милой — пара лебедей...» (с. 269).— Бак. раб., 1925, 10 августа, № 179; Прож., 1925, № 18, 30 сентября, с. 15.

Печатается по наб. экз. (машинописный список).

Беловой автограф — РГАЛИ, без даты; второй беловой автограф — РГАЛИ (ф. П.И.Чагина), также без даты. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— август 1925 г. В наст. изд. принимается эта дата.

Если перс слагает плохо песнь, // Значит он вовек не из Шираза.— См. прим. к «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..».

«Отчего луна так светит тускло...» (с. 271).— Бак. раб., 1925, 14 августа, № 183; Прож., 1925, № 18, 30 сентября, с. 15.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 18 по беловому автографу и Бак. раб. («Сердцу — песнь, а песне — жизнь и тело» вместо «Сердце песнь, а песне жизнь и тело»).

Черновой (неполный, ст. 1—20) и беловой автографы — РГАЛИ, оба без дат. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— август 1925 г. В наст. изд. сохраняется эта дата.

Беловой автограф — на двух именных бланках «Редактор газеты „Бакинский рабочий“» с заглавием «Персидский мотив» (под таким заглавием стихотворение было напечатано в Прож., хотя одновременно с ним, но без заголовка печаталось другое стихотворение из этого цикла — «Руки милой — пара лебедей...») и подписью «Сергей Е.». На автографе авторская приписка: «Без фа-

милии. Просто С.Е.». Просьба явно адресована редакции, но была ли она высказана при передаче текста — сведений нет. В печати стихотворение появилось под полным именем автора. Намечавшийся в рукописи заголовок и характер подписи связаны с тем, что автор, видимо, видел в стихотворении бо́льшую близость к образно-стилистическим особенностям персидской поэзии, чем в других вещах этого цикла, и думал представить его читателям, как своего рода подражание, вариацию на восточные темы.

«Глупое сердце, не бейся!..» (с. 273).— Бак. раб., 1925, 7 августа, № 177; Кр. новь, 1925, № 8, октябрь, с. 93.

Печатается по наб. экз. (машинописный список) с исправлением в ст. 21 по первопечатному тексту («Новой нальемся силой» вместо «Новой напьемся силой»).

Автограф неизвестен. В наб. экз. не датировано. В Собр. ст.— август 1925 г. В наст. изд. принята эта дата.

«Голубая да веселая страна...» (с. 275).— Бак. раб., 1925, 10 августа, № 179.

Печатается по наб. экз. (список И.В.Евдокимова).

В архиве П.И.Чагина в 1962 г. хранились два автографа стихотворения; в настоящее время один из них — в ГМЗЕ, второй — в собрании Т.С.Есениной (см. журн. «Согласие», М., 1991, № 1, с. 169—171). На автографе из собрания Т.С.Есениной — посвящение «Гелии Николаевне» и приписка: «Гелия Николаевна! Это слишком дорого. Когда увидите мою дочь, передайте ей. *С.Е.*». Автограф, хранящийся в ГМЗЕ,— с заглавием «(Подражание Омар Хаяму)», с датой 8 апреля 1925 г.; текст написан двустишиями. Еще один автограф — РГАЛИ, без даты, с авторской пометой над текстом: «Конец персид-

ских мотивов», что позволяет предположить, что он был выполнен в сентябре-октябре 1925 г. в связи с подготовкой наб. экз. В наб. экз.— без даты, в Собр. ст.— 1925. Датируется по Собр. ст. Дата автографа ГМЗЕ не введена в текст, поскольку некоторые его особенности (описка в ст. 9 — «слова» вместо «спора»; случайный пропуск двух строк, повторившийся в Бак. раб.,— см. с. 375) и сама форма записи даты: «8/IV-25. Баку» вызывают определенные сомнения: не является ли обозначение месяца тоже опиской и не должно ли было вместо «IV» стоять «VIII»? Иначе трудно объяснить, почему стихотворение, написанное еще в апреле и тогда же якобы переданное П.И.Чагину, несколько месяцев лежало у него без движения и было опубликовано лишь 10 августа.

В автографе ГМЗЕ и Бак. раб.— с посвящением «Гелии Николаевне Чагиной». С.А.Толстая-Есенина пишет: «Стихотворение было посвящено Розе Петровне Чагиной, шестилетней дочери П.И.Чагина, которая сама себя прозвала „Гелия Николаевна“ по имени какой-то актрисы. Все окружающие в шутку так ее и называли. Есенин очень любил и понимал детей и находился с этой девочкой в большой дружбе» (Восп., 2, 261).

«Эх вы, сани! А кони, кони!..» (с. 277).— Журн. «Новый мир», М., 1925, № 11, ноябрь, с. 66.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

В черновом автографе (РГАЛИ) и первой публикации — еще одна строфа (между первой и второй), которая отсутствует в наб. экз. Вероятнее всего в наб. экз.— случайный пропуск. Список С.А.Толстой-Есениной, который вложен в наб. экз., делался, вероятнее всего, непосредственно с чернового автографа, где строфа зачерк-

нута не была. Сложный, запутанный характер рукописи мог стать причиной невольной ошибки. Тогда же в другом списке, который, видимо, делался с того же черновика и служил основой для публикации в «Новом мире», строфа была сохранена. Трудно предположить, что между черновиком и этими списками был еще один вариант текста (машинописная или рукописная копия), правившийся автором. Во-первых, если бы такая копия делалась и поэт правил бы ее, то такой документ должен был сохраниться среди его бумаг или должен был быть известен в 1926 г. И.В.Евдокимову. Между тем, подобных машинописей стихотворения среди материалов, связанных с подготовкой Собр. ст., нет. Видимо, такая машинопись просто не готовилась, и это объясняет, почему в наб. экз. текст представлен не в виде машинописи, а в виде рукописного списка С.А.Толстой-Есениной. Во-вторых, если допустить, что в октябре Есенин пришел к выводу, что эта строфа — лишняя и решил ее убрать, то он должен был бы внести поправку в «Новый мир»: именно в это время проходила корректура номера, но такое исправление не делалось. Все это позволяет предположить, что строфа была случайно пропущена при копировании черновика для наб. экз. К сожалению, восстановить ее в тексте по формальным причинам не удалось.

Черновой автограф — РГАЛИ, с датой 19 сентября 1925 г. В наб. экз.— без даты. Датируется по черновому автографу.

«Осенью 1925 г.,— вспоминала С.А.Толстая-Есенина,— вскоре после возвращения в Москву из Баку, Есенин несколько раз говорил о том, что он хочет написать цикл стихов о русской зиме. „Эх вы, сани! А кони, кони!..“ — первое стихотворение в этом цикле. За ним последовали другие на ту же тему. В течение трех месяцев,

почти до самой своей смерти, Есенин не оставлял этой темы...» (Восп., 2, 261).

«Снежная замять дробится и колется...» (с. 279).— Журн. «Новый мир», М., 1925, № 11, ноябрь, с. 67.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Черновой автограф — РГАЛИ, с датой 20 сентября 1925 г., проставленной С.А.Толстой-Есениной. В наб. экз.— без даты. Датируется по черновому автографу.

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...» (с. 281).— Кр. новь, 1925, № 9, ноябрь, с. 144.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф — ИМЛИ, с датой 3 октября 1925 г. В ГЛМ — список рукой С.А.Толстой-Есениной, на котором проставлена и затем ею же зачеркнута дата 27 октября 1925 г. В наб. экз.— без даты. Датируется по автографу с учетом следующего свидетельства С.А.Толстой-Есениной:

«В начале октября 1925 года, в последний год своей жизни, Сергей Есенин увлекался созданием коротких стихотворений. 3 октября были написаны «Голубая кофта. Синие глаза...» и «Слышишь — мчатся сани...» В ночь с 4 на 5 октября он продиктовал мне подряд семь шести- и восьмистрочных стихотворений. На другой день по этой моей записи Есенин сделал небольшие поправки.

При жизни автора были напечатаны «Сочинитель бедный, это ты ли...» и «Вечером синим, вечером лунным...». Подготавливая собрание своих стихотворений, Есенин

включил в него стихотворения: «Снежная замять крутит бойко...» и «Не криви улыбку, руки теребя...». Первый том собрания, в который вошли эти вещи, появился, когда поэта уже не было в живых. Остальные стихи этого цикла автор печатать не хотел, так как они его не удовлетворяли» (Восп., 2, 258).

Список, сделанный С.А.Толстой-Есениной, хранящийся в ГЛМ, находится в папке с авторской надписью «Сергей Есенин». Кроме данного, в папке выполненные также С.А.Толстой-Есениной списки стихотворений «Вечером синим, вечером лунным...», «Голубая кофта. Синие глаза...», «Снежная замять крутит бойко...» и «Сочинитель бедный, это ты ли...». На папке надписи: «„Огонек". Петит. Срочно!», «Использовано в № 3 „Огонька"», относящиеся к посмертной публикации первых четырех стихотворений в журн. «Огонек», М., 1926, № 3, 17 января, с. 6. Авторских поправок или каких-либо других его помет на списках нет. Тексты совпадают с автографическими источниками или прижизненными публикациями. Расхождения имеются только в пунктуации.

«Голубая кофта. Синие глаза...» (с. 282).— Кр. новь, 1925, № 9, ноябрь, с. 143.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. В наб. экз.— без даты. Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. прим. к «Слышишь — мчатся сани...»).

«Снежная замять крутит бойко...» (с. 283).— Кр. новь, 1926, № 1, январь, с. 120; журн. «Огонек», М., 1926, № 3, 17 января, с. 6; «Красная газета», веч. вып., Л., 1926, 17 января, № 16.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. Это и следующие три стихотворения в наб. экз.— без дат. Датируются по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. прим. к «Слышишь — мчатся сани...»).

В Кр. нови вместе с «Плачет метель, как цыганская скрипка...» с общим редакционным пояснением: «Помещаемые два стихотворения — неотделанные наброски поэта».

«Вечером синим, вечером лунным...» (с. 284).— Кр. нива, 1925, № 50, 6 декабря, с. 1214.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. В наб. экз.— без даты. Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. прим. к «Слышишь — мчатся сани...»).

«Не криви улыбку, руки теребя...» (с. 285).— Кр. новь, 1926, № 2, февраль, с. 103.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф неизвестен. В наб. экз.— без даты. В Кр. нови — с датой: октябрь 1925 г. Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. прим. к «Слышишь — мчатся сани...»).

«Сочинитель бедный, это ты ли...» (с. 286).— Кр. новь, 1925, № 9, ноябрь, с. 145.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Автограф — ИМЛИ, на отдельном листе, вклеенном в альбом Е.С.Герцог, с авторскими надписью «т. Герцог» и датой 20 октября 1925 г. В наб. экз.— без даты. Датируется по свидетельству С.А.Толстой-Есениной (см. прим. к «Слышишь — мчатся сани...»).

«Синий туман. Снеговое раздолье...» (с. 287).— Альм. «Красная новь», № 2, М., 1925, с. 152.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

В ГЛМ три рукописи: черновой автограф ст. 1—8 и двух не вошедших в окончательную редакцию строф, машинописный список с этой рукописи с авторской правкой и черновиком окончания стихотворения, список С.А.Толстой-Есениной полного текста стихотворения с авторской правкой. Первый черновой автограф ст. 1—8 датирован автором 22 сентября 1925 г., на полной рукописи дата рукой С.А.Толстой-Есениной — 24 сентября 1925 г. В наб. экз.— без даты. Датируется по рукописи.

«Свищет ветер, серебряный ветер...» (с. 289).— Кр. нива, 1925, № 45, 1 ноября, с. 1078.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной) с исправлением в ст. 11 по черновому автографу и первопечатному тексту («Тройка ль проскачет дорогой зыбкой» вместо «Тройка проскачет дорогой зыбкой»).

Черновой автограф — РГАЛИ, датирован С.А.Толстой-Есениной 14 октября 1925 г. В наб. экз.— без даты. Датируется по автографу.

«Мелколесье. Степь и дали...» (с. 291).— Кр. нива, 1925, № 50, 6 декабря, с. 1214; Кр. новь, 1925, № 10, декабрь, с. 109.

Печатается по наб. экз. (рукописный список, представляющий собой копию белового автографа — ныне в РГАЛИ; в Собр. ст. пояснение: «Напечатано с белового автографа, принадлежащего И.В.Евдокимову» — см. 4, 375) с исправлением в ст. 27 по первопечатным текстам («Не одна лихая слава» вместо «Ни одна лихая слава»).

Черновой автограф — РГАЛИ, с датой — «21/22 окт. 1925. Москва». Беловой автограф — РГАЛИ, с авторской датой — 1925 г. В наб. экз.— без даты. В Собр. ст.— ноябрь 1925 г. Датируется по черновому автографу.

«Цветы мне говорят — прощай...» (с. 293).— Кр. нива, 1925, № 50, 6 декабря, с. 1214; Кр. новь, 1925, № 10, декабрь, с. 110.

Печатается по наб. экз. (список С.А.Толстой-Есениной).

Беловой автограф — ГЛМ, с датой, проставленной С.А.Толстой-Есениной,— 27 октября 1925 г., Москва. В наб. экз. помечено октябрем 1925 г. Датируется по автографу.

Написано на основе стихотворения «Цветы», созданного в конце 1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

---

*В первом столбце приведены страницы текста, во втором — его вариантов, в третьем — комментариев к нему.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Е 81 **Есенин С.А.**
Полное собрание сочинений. В 7-ми томах. Т.1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А.Козловского. М., «Наука» — «Голос», 1995. 672 с.

В первый том Полного собрания сочинений вошли стихотворения, включенные С.А.Есениным в первый том Собрания стихотворений (М.—Л., Гослитиздат, 1926).

ББК 84

Издание одобрено Научно-издательским советом Российской академии наук

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Полное собрание сочинений в семи томах

Том первый

Редактор издательства *Т.С.Шеханова*
Художественный редактор *В.В.Савченко*
Технический редактор *Л.Н.Золотухина*
Корректор *Л.М.Марченко*
Изготовление оригинал-макета *Е.Ю.Якушевой*

ИБ № 2009
ЛР № 040020 от 06.07.91.
ЛР № 020297 от 27.11.91

Сдано в набор 03.11.94. Подписано в печать 27.04.95 г. Формат 70×108 1/32.
Гарнитура академическая. Печать высокая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 29,8. Тираж 20 000 экз. Заказ № 3501.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Издательство «Голос». 113184, Москва, Пятницкая ул., 52, стр. 1.

При участии СИТП «Наследие».

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

